

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканович Мусаевян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зипченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, независимый исследователь, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козыг (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевера (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта-Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджио Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПН № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board
Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2023

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, independent researcher, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Nesevrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),
Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Философия как теория и практика: история, состояние и перспективы <i>Габриелян О.А., Гарбузов Д.В.</i>	469	Philosophy as theory and practice: history, substance and prospects <i>Oleg A. Gabrielyan, Dmitry V. Garbuzov</i>
О квазифидеизме и рациональности религиозных убеждений <i>Прись И.Е.</i>	482	On quasi-fideism and rationality of religious beliefs <i>Igor E. Pris</i>
Модификация парадигмы социокультурного развития локальных сообществ в зеркале модернизации <i>Шмаков В.С.</i>	494	Modification of the paradigm of socio-cultural development of local communities in the mirror of modernization <i>Vladimir S. Shmakov</i>
Дихотомия «элита–массы» в идеологии внесистемной оппозиции современной России <i>Козырев М.С.</i>	506	The «elite–mass» dichotomy in the ideology of the non-systemic opposition of modern Russia <i>Maksim S. Kozyrev</i>
Философские аспекты цифровизации образования: «антицифровизаторский» подход <i>Афанасенко Я.А.</i>	517	Philosophical aspects of digitalization of education: «anti-digitalization» approach <i>Yana A. Afanasenko</i>
Практики пространственного существования человека в условиях постконфликтной ситуации <i>Сатыбалдина Д.К.</i>	527	The practices of human spatial existence in a post-conflict situation <i>Diana K. Satybalдина</i>
«Преодоление диалектики» и семантическое пространство экономической метафоры в философии различия Ж. Деррида: к ценностному измерению деконструкции <i>Сковородко А.Д.</i>	536	«Overcoming dialectics» and the semantic space of economic metaphor in J. Derrida's philosophy of difference: toward the value dimension of deconstruction <i>Alexander D. Skovorodko</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Междисциплинарный подход к исследованию благополучия личности <i>Вакарина Е.А.</i>	547	Interdisciplinary approach to the study of personal well-being <i>Elena A. Vakarina</i>
Личностные предикторы развития исследовательского потенциала студентов вуза <i>Григорьева Е.В., Садоха Е.И.</i>	559	Personal predictors of university students' research potential development <i>Elena V. Grigoryeva, Evgenia I. Sadokha</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Модели будущей жизни в биографическом проекте старшеклассников	570	Models of the future life in the biographical project of high school students
<i>Дивисенко К.С.</i>		<i>Konstantin S. Divisenko</i>
Численность молодых учителей и показатели социально-экономического развития регионов	579	The number of young teachers and the indicators of socio-economic development of the regions
<i>Волегов В.С.</i>		<i>Vladimir S. Volegov</i>
Наши рецензенты	592	Our reviewers
Информация для авторов	593	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-469-481>

Поступила: 11.06.2023

Принята: 30.11.2023

Опубликована: 22.12.2023

**ФИЛОСОФИЯ КАК ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА:
ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ***Габриелян Олег Аршавирович, Гарбузов Дмитрий Викторович**Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского (Симферополь)*

В статье философия рассматривается как особый режим восприятия-осознания, осуществляемый человеческой психикой, и форма когнитивной активности. Обнаруживается ее структура и основные направления актуализации. Результатом философского мышления и переживания является теоретическое знание, с одной стороны, и практическая деятельность, с другой стороны. Дается определение классической философской традиции (метафизики) и причины ее кризиса. Анализируется критика классической философской традиции в современной философии и ее результаты. Все линии философствования, разворачивающие базовую модель философского мышления и связанные с ней формы и режимы когнитивной активности, образовали классическую философскую традицию. Отдельные школы и направления философии развивали разные возможности и структуры данного способа мышления и восприятия-осознания. Особенностью современного этапа философии является то, что познавательные теоретические ресурсы этого способа мышления и режима когнитивной активности уже в значительной степени реализованы. Творческим полем философии становится не столько создание новых теоретических конструкций, сколько практическое применение уже существующих, предполагающее их операционализацию и модификацию под конкретные проблемы. Исходя из полученных выводов определяется специфика философской теории и практики в современном мире. Анализируется место и статус философа в предыдущие исторические эпохи и в современном мире. Определяется практическая роль философии в современных мирах повседневности и глобальном мире. Делается вывод, что философы сегодня, если они хотят оставаться актуальными и не выпадать из современности в некую «книжную вечность», не только могут, но и должны познавать реальность и изменять ее. Анализируется роль кафедры философии в современном университете и системе образования. Формулируется ряд базовых положений, которыми можно и нужно руководствоваться сотрудникам кафедры философии в текущей работе.

Ключевые слова: философия, теоретическая философия, практическая философия, режим восприятия-осознания, когнитивная активность, субстанция, бинарная конструкция мышления и речи, классическая философская традиция, современная философия, кафедра философии.

Для цитирования:

Габриелян О.А., Гарбузов Д.В. Философия как теория и практика: история, состояние и перспективы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 469–481.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-469-481>

PHILOSOPHY AS THEORY AND PRACTICE: HISTORY, SUBSTANCE AND PROSPECTS

Oleg A. Gabrielyan, Dmitry V. Garbuzov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol)

The article considers philosophy as a special mode of perception-awareness of the human psyche and a form of cognitive activity. Its structure and main directions of updating are revealed. The result of philosophical thinking and experience is theoretical knowledge, on the one hand, and practical activity, on the other hand. The definition of the classical philosophical tradition (metaphysics) and the reasons for its crisis are given. The criticism of the classical philosophical tradition in modern philosophy and its results are analyzed. All lines of philosophizing that deploy the basic model of philosophical thinking and the forms and modes of cognitive activity associated with it formed the classical philosophical tradition. Separate schools and areas of philosophy developed different possibilities and structures of this way of thinking and perception-awareness. A feature of the modern stage of philosophy is that the cognitive theoretical resources of this way of thinking and the mode of cognitive activity have already been realized to a great extent. The creative field of philosophy is not so much the creation of new theoretical constructions, but the practical application of existing ones, involving their operationalization and modification for specific problems. Based on the findings, the specifics of philosophical theory and practice in the modern world are determined. The place and status of the philosopher in previous historical epochs and in the modern world is analyzed. The practical role of philosophy in the modern worlds of everyday life and the global world is determined. It is concluded that philosophers today, if they want to remain relevant and not fall out of modernity into a kind of «bookish eternity», not only can, but must not only cognize reality, but also change it. The role of the Department of Philosophy at the modern university and within the educational system is analyzed. A number of basic provisions are formulated that can and should guide the staff of the Department of Philosophy in their current work.

Keywords: philosophy, theoretical philosophy, practical philosophy, mode of perception-awareness, cognitive activity, substance, binary construction of thinking and speech, classical philosophical tradition, modern philosophy, Department of Philosophy.

To cite:

Gabrielyan O.A., Garbuzov D.V. [Philosophy as theory and practice: history, substance and prospects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 469–481 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-469-481>

Введение

Философия, как известно, есть принципиально рефлексивный способ мышления, т.е. для нее характерно то, что в фокусе внимания всегда находится не только предмет мышления, но и сам мыслительный процесс. Это предполагает периодическое переосмысление своей собственной сути. С нашей точки зрения, в настоящее время философия вновь находится в ситуации, когда ей настоятельно требуется глубокое

переосмысление и самоанализ. Это связано с очевидной проблемой маргинализации как социокультурного статуса философа в современном обществе, так и самого способа философского мышления и переживания. Мы видим, как философия вытесняется не только из интеллектуальной жизни массовой культуры, но и из образовательных программ высшей школы. Соответственно, целью данной статьи является поиск новых путей самоопределения философии, возвращающих ей статус актуальной мыс-

лительной практики. В этом контексте рассматривается как творчество отдельных философов, так и деятельность кафедры философии.

1. Философия как особая форма когнитивной активности и режим восприятия-осознания человеческой психики

Что такое философия студентам рассказывают на первом занятии университетского учебного курса. Философия является одним из исторических типов мировоззрения, специфической формой общественного сознания, особой научной дисциплиной, которая имеет определенный объект, предмет и методы исследования. Однако этот вопрос вовсе не так тривиален, как кажется на первый взгляд. Распространено спонтанное, интуитивно понятное представление о том, что философия — это любая «мудрость», любое глубокое переживание и понимание реальности. Более узкое определение философии не как любой мудрости вообще, а лишь одной из ее форм, выраженной в специфическом способе переживания и понимания реальности, обычно игнорируется. Предполагается, что если обнаруживается некое глубокое переживание и понимание, то это значит, что здесь имеет место выход на философский уровень рефлексии — отсюда такие понятия, как философия религии, философия мифа, философия науки, философия искусства и т.п. Можно сказать, что таким образом выражает себя своеобразная апология философии. Далеко не факт, что философия нуждается в этом, но однозначно можно утверждать, что такой подход сильно усложняет саморефлексию философии и деформирует понимание логики ее исторического проявления.

Прежде всего, определение философии как любой формы мудрости мешает различению типов когнитивной активности, режимов восприятия-сознания, свойственных человеческой психике (душе). Философия неразделимым образом смешивается с иными формами психической активности и структурами сознания. Самая ранняя из них, насколько можно судить из исторических реконструкций, основана на структуре типа Хаос – Космос. Исток реальности предстает здесь как хаос — нечто принципиально неопределенное и непознаваемое. Из него рождается мир как нечто организованное, упорядоченное, космическое. Но каждая точка

мира, каждая вещь связана со своим истоком — в глубине ее бытия разверзается бездна хаоса. Соответственно, такая когнитивная система вообще не предполагает процесс познания истины, поскольку, пытаясь понять первые и последние причины происходящего, мы неизбежно столкнемся с бездной хаоса, непознаваемой и неуправляемой. Поэтому все существующее и происходящее рассматривается как подчиненное слепой судьбе, т.е. беспричинно, необъяснимо и непредсказуемо. Следовательно, содержанием когнитивной активности является не познание, а гадание и эмоциональные переживания в форме веры, надежды, ужаса, восхищения и т.д. Это трудно представить нашему современнику, но человек с первобытной формой мышления ничего не познает, его психика работает в принципиально ином режиме когнитивной активности и производит иные формы когнитивного контента. Такой тип психической активности находится в основании мифологической, религиозной, магической форм мышления и мировоззрения.

Появление философии связано с настройкой принципиально другого режима и структуры когнитивной активности. В частности, ситуацию фундаментально изменяет грандиозная по своей эвристической нагруженности идея первоначала, субстанции (*ипокайменон* по-гречески). Предполагается, что в истоке реальности находится не иррациональный, непознаваемый хаос, а имеющая рациональную природу субстанция, первоначало. Здесь важна сама конструкция, а не содержание. Она имеет огромный эвристический потенциал, который реализуется во множестве направлений, координатных систем когнитивной активности и структур сознания.

1. *Причина – следствие.* Происходит формирование каузального, причинно-следственного логического мышления, в котором субстанция выступает в качестве причины, а конкретные свойства и события — в качестве следствия. Появляется сама возможность мыслить логически, каузально, поскольку в качестве причины начинает выступать не иррациональный хаос, а рациональное первоначало, субстанция.

2. *Бытие – сущее.* Субстанция — это то, что есть само по себе, бытие, а любое конкретное сущее — это ограниченное воплощение некоторой части бытия, оно есть не само по себе, а

производно от другого. 3. *Целое – часть*. Субстанция — целое, а то, в чем реализуется субстанция — частичное. Холизм, континуальность, дискретность. Делимость и неделимость, предел делимости. Конечность и бесконечность. Материальное (протяженное, имеющее пространственные границы) и идеальное (не имеющее пространственных границ). 4. *Сущность – явление*. То, что есть само по себе, автономное, и то, что отражает существование другого, производное. 5. *Общее – отдельное*. То, что относится к субстанции в целом, и то, что относится к отдельным выражениям субстанции. 6. *Вечное – временное*. Субстанция, которая присутствует вся целиком и сразу, и проявления субстанции, чье существование присутствует не целиком, а в последовательности длящихся мгновений. 7. *Сакральное – профанное*. Сингулярное, сверхъестественное, относящееся к основанию, истоку мира и регулярное, и обыденное, относящееся к производному, не имеющему собственного бытия. 8. *Мыслимое – ощущаемое*. Познаваемое непосредственно в своей субстанциональной целостности, либо опосредованно через информационные сигналы разной природы.

2. Классическая философская традиция (метафизика)

История философии представляет собой концептуальное разворачивание и детальное осмысление этих и связанных с ними координатных систем мышления, длившееся 2.5 тыс. лет. Это осмысление потребовало тонкой, сложной вербализации мыслительного процесса и во многом предопределило динамику культурной трансформации человеческих сообществ в направлении письменной фиксации результатов когнитивной активности человеческой психики. В частности, исходная бинарная конструкция когнитивной активности привела к формированию бинарной структуры вербализации, четко раскладывающейся на две координатные системы: означаемое – означающее, бытие – ничто, вечное – временное, материальное – идеальное, объект – субъект, естественное – искусственное, внутреннее – внешнее, центр – периферия, власть – подчинение, 1 и 0 и т.д.

Базовой эталонной конструкцией отношения между элементами бинарной оппозиции стала модель микрокосма или, говоря иначе, голограммы. Суть ее состоит в постулировании

«субстанции», т.е. основы, почвы, «подлежащего», и того, что «вырастает» из этой «почвы», т.е. расположенное на этой «основе». Принципиально важна сама структура-substantia, поэтому, когда говорят о субстанции материальной или идеальной, реальной или возможной, виртуальной или актуальной, — все это вариации одной основной темы. Все, что основано на субстанции, «имеет субстанцию», определяется как сущее, присутствующее тем или иным способом, а именно, способом дублирования, копирования структуры своей substantia. Это предполагает то, что существование сущего уже изначально имеет формальную, структурную определенность, представляет собой некую полноту кодов, содержаний, которые последовательно или синхронно разворачиваются, что и является содержанием процесса существования. Взаимоотношения между отдельными сущими ничего принципиально не меняют, они могут привести к уничтожению сущего или к появлению нового сущего, но не способны изменять формы существования как такового.

Такое сущее получило название атома или монады. Человек является таким же сущим-монадой, но только наиболее полно копирующей, дублирующей, воплощающей все уровни организации мира. Поэтому человек-монада после Декарта стал пониматься как субъект, subiectum, чье сознание является достоверным основанием процесса познания. Поскольку бытие индивида определено, ограничено структурно (субстанционально), а не экзистенциально, индивид-субъект не обладает собой, но лишь разворачивает, развивает или не развивает некоторые доиндивидуальные, субстанциональные характеристики. Субстанция в этой модели выступает как прототип всего существующего, некий исходный код, без остатка определяющий жесткий алгоритм существования. Поэтому проблема свободы всегда была самым слабым местом метафизических теорий.

3. Философская теория и практика в современном мире

Все линии философствования, разворачивающие названную, как было сказано выше, грандиозную по своей эвристичности модель мышления и связанные с ней формы и режимы когнитивной активности, образовали классическую философскую традицию. Отдельные шко-

лы и направления философии развивали разные возможности и структуры данного способа мышления и восприятия-осознания. Конечно, в чистом виде этот способ мышления и мировоззрения никогда не существовал. Уже в ранней античной философии и позднее он всегда был соединен с иными режимами когнитивной активности и структурами восприятия-осознания, прежде всего, мифом, религией, здравым смыслом, художественным искусством, эмпирической наукой. Тем не менее, он всегда выступал в качестве устойчивого ядра мировоззрения. Особенностью современного этапа философии, с нашей точки зрения, является то, что познавательные теоретические ресурсы этого способа мышления и режима когнитивной активности уже в значительной степени реализованы.

Здесь можно провести аналогию с визуальным и аудиальным искусством, живописью и музыкой. Изображение объемных объектов на плоскости и композиция определенной звуковысотной системы связаны со спецификой человеческого визуального и аудиального восприятия, исполнительским мастерством и используемыми инструментами. В совокупности они дают очень широкие возможности для реализации живописных изображений и музыкальных композиций. История живописи и музыки представляет собой актуализацию этих возможностей, которые к нынешнему времени в значительной степени исчерпаны. Поэтому сейчас есть выдающиеся художники и музыканты, но уже вряд ли будут великие новаторы и создатели новых направлений, подобные ушедшим мастерам. Что бы ни делали современные художники и музыканты, они всегда оказываются в ситуации повторения, варьирования уже существующих образцов. Но ничего трагического в этом нет, это значит, что мастера прошлого оставили великое наследие, которое позволяет нам реализовывать визуальные и аудиальные проекты любой сложности.

Нечто подобное имеет место и в современной философии. Теоретические возможности философии как особой структуры восприятия-осознания и связанными с ней формами и режимом когнитивной активности, в значительной степени реализованы. Количество публикаций по философии, ежегодно издаваемых в мире, скорее всего, исчисляется цифрой с шестью нулями, но, прямо скажем, к какому-то серьезному

приращению философской теории это не приводит. Это делает актуальным понятие и программу практической философии. Повторяя сказанное выше, можно утверждать, что мыслители прошлого оставили великое наследие, которое позволяет нам реализовывать любые проекты, предполагающие глубинное осмысление и рефлексии. Творческим полем философии становится не столько создание новых теоретических конструкций, сколько практическое применение уже существующих, предполагающее их операционализацию и модификацию под конкретные проблемы. Философы сегодня, если они хотят оставаться актуальными и не выпадать из современности в некую «книжную вечность», не только могут, но и должны не только познавать реальность, но и изменять ее.

4. Критика классической философской традиции в современной философии и ее результаты

То, что называется современной философией и уже успело состариться с этим названием, представляет собой критику классической философской традиции, чьи теоретические границы были обнаружены уже довольно давно. В частности, достаточно определенно это произошло в том проблемном поле мысли, которое разрабатывал И. Кант. Согласно Канту, существует «объективный», закрытый, трансцендентный человеку мир, но не существует «объективного», независимого от конституции человека знания этого мира, ведь человек — это такая же континуальная тотальность, как и мир, который ему противостоит [Кант И., 1993, с. 58–59]. Таким образом, кантовское понятие трансцендентального субъекта преодолевает свойственный классической философской традиции, т.е. метафизике, дуализм между субстанцией и ее реализованными выражениями, что, как мы видели, находится в основании философского мировоззрения как особого способа мышления и связанного с ним режима когнитивной активности человеческой психики.

В посткантовской философской аналитике эта бинарная схема, выраженная прежде всего в форме замкнутости, отгороженности человека и мира, была «разорвана» в обоих направлениях — в направлении «субъективности» человека и «объективности» мира. Первое определенно произошло в теории Артура Шопенгауэра, одно-

го из основателей «философии жизни». Согласно Шопенгауэру, хотя субъективность человека есть единственный источник как познания, так и «объективного» мира, но сама субъективность не произвольна и имеет свой собственный источник самоопределения, который Шопенгауэр назвал волей. Она, с одной стороны, самым непосредственным образом причастна как человеку, так и данному ему в представлении существу, а, с другой стороны, не поддается никакому определению, т.к. сама есть источник всякого определения и всего определенного. Следовательно, если у Канта человек не свободен, зависим от своей конституции в сфере познания и сфере практической, где он выступает как выбирающий, волеизъявляющий, то подход Шопенгауэра прямо переворачивает эту позицию: человек свободен в сфере представления, познания и не свободен, ограничен в сфере практической, сейчас бы мы сказали, экзистенциальной. Тем самым позиция Шопенгауэра радикально противостоит классической теории субъекта: человек определен не структурно, но, выражаясь в современной терминологии, экзистенциально [Шопенгауэр А., 1993, с. 528–529].

Еще более радикально эту проблему решил Фридрих Ницше, который первоначально, как известно, выступил как последователь философии Шопенгауэра. Последовательно продумывая свои исходные положения, Ницше делает ряд необходимых, но трудных для классической философии выводов. Первым следствием его подхода является принципиальный отказ от понятия «субстанции» [Ницше Ф., 1994, с. 225]. Вторым следствием является отказ от субстанционального понятия вещи, которое есть не более чем условие и результат причинности, необходимой для человеческого «мышления» и «говoreния» [Ницше Ф., 1994, с. 254]. Третьим следствием является отказ от понятий «психического» и «физического» как необоснованных [Ницше Ф., 1994, с. 241]. Четвертым следствием является отказ от интегрально-дифференциального, исчисляющего понимания реальности [Ницше Ф., 1994, с. 297]. Пятым следствием является отказ от понятия «реальности» в качестве самой большой универсальной монады или вещи. Реальность — это всегда обработанный, наш мир, мир, в котором уже есть человек [Ницше Ф., 1994, с. 265]. Реальность есть чистое существование — бывание, у которого нет

никаких субстанциальных границ. Шестым следствием является отказ от субъектного, мнoнадологического понимания человека [Ницше Ф., 1990а, с. 250; 1990b, с. 609]. Человек не есть монада, имеющая строгие пределы, ограничивающие ее от всего остального сущего, но всецело существование, становление с постоянно меняющимися границами распространения и способами его концептуализации.

Преодоление концепции трансцендентности «объективного» мира впервые отчетливо заявлено в теориях интенциональности сознания и категориального созерцания Эдмунда Гуссерля, основателя «феноменологической философии». Согласно Гуссерлю, «объективное» знание мира существует, но не существует независимого, отделенного от человека мира; мир — это всегда мир-с-человеком, бытие человека — это бытие-в-мире. В частности, согласно Гуссерлю, каждый акт восприятия интенционален, т.е. направлен на объект, содержит в себе этот объект и сам по себе был бы невозможен, если бы объект был трансцендентен, недоступен субъекту восприятия [Гуссерль Э., 1994, с. 135]. Таким образом, и у Гуссерля понятие «феномена» трансформируется по сравнению с его местом в философии Канта. Феномен — это не продукт нашего восприятия, но самостоятельная реальность, являющаяся одновременно и интенциональным актом нашего восприятия (ноэза или *cogito* в терминологии Гуссерля), и реальным объектом (ноэма или *cogitatum*).

Принцип интенциональности восприятия дополняется и подтверждается методом «усмотрения сущности», основу которого составляет принцип категориального созерцания (интуиции) и соотносимый с ним принцип идеирующей абстракции. Принцип категориального созерцания подтверждает особый статус человеческого существования радикально, а не просто количественно отличающий человека от всего остального сущего, в том числе и от животного. Согласно этому принципу, человеку не нужно делать никаких логических умозаключений, основывающихся на данных чувственного опыта восприятия, чтобы иметь знание о наиболее общих отношениях между объектами восприятия. Знание о наличии единичного и множественного, частичного и целого, рядоположенности и следовании друг за другом и тому подобное — это знание не зависит

от степени цивилизованности и всегда дано человеку в акте категориального созерцания и идеирующей абстракции. Категориальное созерцание и идеирующая абстракция являются источником эйдетического знания, которое определяет специфику человеческого существования, которое всегда есть у человека и всегда является в качестве «самоочевидного». Таким образом, главным компонентом, подвергшимся трансформации, является понимание субъективности человека. Субъективность не есть отвлеченность, отделенность человека от мира; напротив, субъективность есть способ вхождения, включения человека в мир, в котором в качестве его необходимой особенности есть человек не просто в форме «природного», естественного существа, что было бы лишь абстракцией человека (а также и мира), но во всей полноте своего бытия [Гуссерль Э., 1992, с. 79].

Таким образом, по нашему мнению, в философской аналитике определились два подхода, критикующие и претендующие на преодоление исходной бинарности классической философской традиции. Первый из них отказывается от атомистического понимания человека: объективный мир — это результат субъективного человеческого представления, но сама субъективность не произвольна, не зависит от человеческого желания, и имеет свой собственный источник в «другом», является проектом бытия, а не человека. Сама субъективность в своем основании не субъективна. Второй подход отказывается от «атомистического», субстанционального понимания мира: не существует мира, отделенного от человека, поэтому аподиктическое знание о мире возможно, но это обязательно знание о мире с человеком, а бытие человека — это бытие-в-мире. Эти два подхода, конечно, смыкаются друг с другом, но первый акцентирует внимание на открытости человека, а второй — на открытости мира.

Наиболее убедительной попыткой объединения этих подходов является «фундаментальная онтология» Мартина Хайдеггера. Главным вопросом философской аналитики, по мнению Хайдеггера, должен быть вопрос о бытии сущего. Причем вопрос о бытии сущего должен быть поставлен исходя не из сущего, что было характерно для классической философской традиции, а из самого бытия, чтобы таким образом впервые вывести его на свет из затенен-

ности сущим. Традицию мышления бытия, исходящего из сущего, Хайдеггер называет метафизикой [Хайдеггер М., 1993а, с. 406; 1993б, с. 149]. Метафизика изначально ориентирована на понимание единства человека и мира, однако поняты только в качестве сущего, потеряв самостоятельное значение бытия, что и предопределило, согласно Хайдеггеру, кризис всего этого проекта в целом, а не только по отдельности материализма или идеализма, реализма или субъективизма и т.д. Предпринимаемое Хайдеггером прояснение исходного смысла ключевых философских категорий хотя и является часто спорным, но всегда имеет в виду как главную цель доказательство взаимооткрытости мира и человека, рассматриваемое в более широком горизонте как открытость сущего бытия. Одновременно это означает, что Хайдеггер очерчивает границы собственного, особого существования человека, не подменяемого бытийными характеристиками доиндивидуальных и сверхиндивидуальных субстанций. Поэтому Хайдеггер называет человеческий способ существования экзистирующим. Дело не в том, что человек существует, а, следовательно, «экзистирует»; дело в том, что экзистирование — это особый способ отношения с миром, с «другим» и «другими». А именно, это такое отношение, когда мир изначально раскрыт, разомкнут для человека. Такое устройство человеческого существования Хайдеггер обозначил словом *Dasein* (присутствие, здесь- или вот-бытие), понимая его не в обычном смысле как наличное бытие, но как открытость, цельность и сопринадлежность человека сущему в его бытии [Хайдеггер М., 1997, с. 138; 1992, с. 87].

Таким образом, в современной философской аналитике базовая модель философского мировоззрения была подвергнута беспощадной критике и обнаружила свои концептуальные границы. Однако все попытки реформировать и предложить более сбалансированную и валидную альтернативную модель философской теории, начиная с неокантианства, марксизма и позитивизма и заканчивая новейшими постмодернизмом, постгуманизмом и объектно-ориентированной онтологией разных направлений, являются скорее неудачными. В большинстве случаев они очень хорошо справляются с критическим анализом различных аспектов классической философской традиции и связан-

ных с ней форм сознания и социальных структур, но предлагаемая ими конструктивная альтернатива, как правило, также в высокой степени уязвима для критики.

Это позволяет сделать вывод, что само представление о возможности создания более совершенной и недоступной критике модели философской теории является ошибкой. *Суть дела заключается в том, что философия — это не столько теория, сколько именно особый режим функционирования человеческой психики, особая форма когнитивно-эмоциональной активности и связанные с ней структуры восприятия-осознания.* В том, что ее продукты — знания и теории — уязвимы для критики, нет ничего трагического. Это можно и нужно рассматривать как соответствие принципу фальсификации, т.е. философское знание принципиально опровержимо, а значит, применимо для научно-рационального исследования мира.

5. Место философа в современном мире

То, что современная философия находится в уязвимой позиции открытых для критики пределов ее когнитивного режима функционирования, определяет специфику актуального статуса философа. Как мы писали выше, судя по всему, именно когнитивный режим функционирования психики, который получил название «философия», сыграл решающую роль в формировании человеческих письменных цивилизаций, поскольку потребовал настолько сложной вербализации мысли, которую невозможно передавать в устной традиции. Соответственно, в рамках письменных цивилизаций, те, кого мы, с известной долей условности, можем назвать философами (хотя их социальные роли могли быть различными), всегда имели привилегированный статус. Философ выступал в качестве субъекта истины, воплощая тот чистый разум, который как бы погружен в непробиваемую прозрачную сферу, возвышаясь над реальностью и осуществляя объективное отстраненное наблюдение. Философ, теолог, ученый — это имена носителей такого разума. Но если это иллюзия, что стало очевидным в результате критического самоанализа, осуществленного современной философией, и такого рода субъект истины невозможен и никогда не существовал, то кто же такой философ?

Проблема обостряется тем, что современное общество быстрыми темпами движется в сторону «постписьменной» цивилизации. Критика логоцентризма, осуществленная философией постмодерна, была не только теоретической гипотезой, но и констатацией реально происходивших процессов. Структуры сознания когерентны структурам социальной реальности. Процессы кибернетизации, виртуализации, диджитализации социальной жизни происходят комплементарно с изменениями режимов когнитивной активности и форм восприятия-осознания. Философия с ее сверхсложным вербальным аппаратом начинает восприниматься как «черный ящик» и выпадать из актуального знаково-символического обмена. Соответственно, философ оказался перед дилеммой: либо быть носителем и служителем древнего знания, непонятного и ненужного большинству современных людей, либо попытаться включить его в современные форматы для решения практических целей, как фундаментальных, так и прикладных. В первом ракурсе философы выступают в качестве своеобразного ордена, сохраняющего эзотерическое знание перед лицом изменившегося мира. Во втором ракурсе философы предстают в качестве методологов, экспертов, когнитивных технологов, конспирологов, специалистов по прикладной этике и т.п. Эти два аспекта определяют статус философа в современном мире.

6. Миры повседневности. Человек в глобальном мире. Точка бифуркации

В своем повседневном существовании люди ментально не настолько больны, чтобы обращаться к психиатру, психоаналитику, психологу. Но многие из них утратили и ищут смысл своего существования. Еще не все стали рафинированными потребителями. Человек потерялся в быстроменяющемся мире с ситуативными правилами и принципами, а по сути, с их отсутствием. Почти каждый строит параллельную виртуальную жизнь. Философия должна подсказать как быть (какими принципами руководствоваться) в повседневности и каковыми должны быть этические постулаты нового общества. Стоит сложная задача рассмотреть в повседневности это должествование. В этом заключается еще одна фундаментальная задача современной практической философии и по-

тенциал ее возрождения, практической актуализации. В настоящее время практическая философия все больше обретает характеристики мудрости, и в этом ее оправдание [Лазарев Ф.В., Трифонова М.К., 2011].

Нам представляется, что нужна также своеобразная *микрофилософия*, изучающая человека в мирах повседневности со всеми его экзистенциальными проблемами. Нужны ответы не только на глобальные, но и локальные, обыденные вопросы, хотя последние оказались рядоположенными, тесно соприкасающимися. Причем ответы нужны всем — от детей до пожилого поколения. Поэтому, наверное, не случайно появились новые философские практики, философские кафе, «философия для детей». Гуру такого подхода к философии О. Бренифье пишет: «Истина коллективна, она не является ни индивидуальной, ни трансцендентальной, говорят прагматики, несомненно, в этом отношении они лучше выражают практическое измерение философствования, которое не является просто знанием, а всегда ноу-хау, знание того, как быть, как действовать, где благоразумие является конститутивной добродетелью» [Бренифье О., 2018, с. 84].

Необходимо искать новые ресурсы для преодоления отмеченного кризиса, и искать его надо в самом человеке как социальном существе. Очевидно, что при всей «эфемерности» этических норм по сравнению, например, с экономическими императивами, они тем не менее всегда сопровождали человека в его истории. Эволюция человека шла от адаптивных практик на уровне первой сигнальной системы, собственно, к появлению самого *Homo sapiens* через возникновение, активное использование и развитие второй сигнальной системы. Мы предполагаем, что третий этап развития человека — возникновение «третьей сигнальной системы» как способности существования в виртуальной реальности при новом типе коммуникации. По сути, он (человек социальный) есть творец этой новой реальности и себя в ней [Поршнева Б.Ф., 1974, с. 236].

Кризис будет преодолен, если человек сумеет ответить на вопросы порядка, который он ранее делегировал Богу. Человек сначала пришел к Богу, потом он отказался от Бога (атеизм), а теперь эволюционировал до такого состояния, что примеряет этот статус к себе. По

крайней мере, его достижения в генной инженерии, в создании Искусственного Интеллекта, вообще в попытках создания иной формы жизни и разума делают его притязания соразмерными тем, которые во всех мировых религиях мира относились к божественному статусу. Поэтому невозможно удалить глобальные проблемы из фокуса философии. Каково будущее социальных систем, экономики и политики, на которых они будут базироваться? Общество потребления — не единственная возможность социальной организации людей. Человечество или изменит эту организацию, или погибнет. По крайней мере, сегодня становятся все более очевидными угрожающие недостатки такой формы организации людей.

Таким образом, предметом практической философии становятся актуальные вопросы жизни человека и человечества в ракурсе не только свободы его выбора, но и моральности такого выбора, когда уже нельзя спрятаться за словами, а необходимо действовать здесь и сейчас, в повседневности [Габриелян О.А., Лазарев Ф.В., 2021]. Отмеченный перечень проблем отнюдь не исчерпывает предметное проблемное поле практической философии, но дает вполне определенное представление о нем. Очевидно, что философии возвращается ее главная функция: размышляя о прошлом и настоящем человека, она имеет в виду его будущее.

7. Кафедра философии

Изменение статуса философии и философа в современном мире диктуют необходимость принять некоторые базовые положения, которыми можно руководствоваться сотрудникам кафедры философии в текущей работе [Габриелян О.А., 2021]. Вот небольшой их перечень:

1. Кризис философии и социально-гуманитарных наук является составной частью глобального социального кризиса в его различных измерениях — политическом, экономическом, культурном [Ридингс Б., 2010]. Но кризис — это вызов, который открывает новые перспективы. Для философии это должно стать временем ренессанса.

2. Университет выстоит, но станет принципиально другим — инновационным, цифровым, динамичным, гибким, с доминированием визуальных и виртуальных форм коммуникации. Он соединит в себе в той или иной пропорции ка-

чества Университета 1.0 — образовательного, Университета 2.0 — исследовательского и Университета 3.0 — инновационного [Инновационный университет..., 2013].

3. Задача философии в таком университете видится:

- в рефлексии над происходящими процессами, в схватывании трендов, в оформлении их смыслов;

- в формировании целостной картины, из увеличивающегося количества пазлов: новых функций университета, углубляющейся дифференциации областей науки, неэффективного механизма подготовки кадров различного уровня, новых акторов образовательного процесса и др.;

- в формировании смысловых «технических заданий» для междисциплинарных и межсекторальных областей различного рода активности.

4. У гуманитарного знания (тем более у философии) и его носителей серьезные перспективы, т.к. любые достижения фундаментальных и прикладных наук начинаются с гуманитарного смысла и заканчиваются социогуманитарной технологией по той простой причине, что они создаются людьми и для людей. Это фундаментальный принцип социального развития, о котором часто забывают, возможно, в силу его очевидности. Сначала миф (смысл) об Икаре и только потом появится самолет. Но никогда наоборот.

5. Статус современного преподавателя философии определяется его профессионализмом и способностью соответствовать вызовам времени. Ключевыми предпосылками является его background — образование, знание языков, а также лидерские качества (научные — способность к междисциплинарному сотрудничеству, и социальные — способность к межсекторальному сотрудничеству). Кризис статуса преподавателя философии в высшей школе (шире, гуманитария) вызван неспособностью и нежеланием меняться и менять пространство вокруг себя под свои представления и нормы при условии, что они отражают социальные тренды. Философ первым должен их обнаруживать и вести других за собой, а не быть ведомым. В последнем случае он объективно никому не нужен [Немцев М.Ю., 2021; Ореховский П.А., Разумов В.И., 2020].

6. Если в университете нет таких преподавателей философии, то и сама дисциплина будет вытесняться на периферию образовательного процесса. К сожалению, значительное количество преподавателей не смогло переформатировать себя под новые вызовы. Они живут в старой парадигме и ностальгируют по былым временам, где была гарантирована относительно высокая зарплата и высокий социальный статус, особенно, если удавалось защитить докторскую диссертацию и получить звание профессора. В ценностном плане это выглядело как служение великим идеалам истины и прогресса. Нынешние требования стали прагматичнее и жестче. Необходимо подтверждать свой статус не только качественно преподаваемыми курсами и научными исследованиями, но и иными видами профессиональной и социальной активности. Причем все они проходят внешнюю объективную проверку. Возникает объективная потребность в коллаборациях не только с коллегами по цеху, но и для междисциплинарных, конвергентных, межсекторальных исследований и взаимодействий.

Результатом работы кафедры философии в университете должен быть выпускник, способный сформировать свой личный экзистенциальный проект, в основе которого смысл личного самостояния и самоопределения. Он должен обладать профессиональными компетенциями, чтобы встроить такой проект в другие проекты, с соответствующими близкими ему смыслополаганием и целями. Участвовать в других проектах ровно в той мере, в какой он соответствует его личному проекту. Так происходит социализация — встраивание выпускника в «большую жизнь» [Атлас новых профессий 3.0, 2021].

Также кафедра философии может и должна стать открытым для всего университета пространством создания, апробации и внедрения технологий мышления как инструментов для поиска смысла профессиональной деятельности всех структурных подразделений в активном междисциплинарном и межсекторальном сотрудничестве с выходом на социально-гуманитарные технологии [Разумов В.И., 2007]. Экосистемный подход может стать эффективной методологией для реализации отмеченной миссии, когда экономика знаний формирует новую архитектуру отношений кафедры внутри университета и вне его. В основе этой архитекту-

ры — сетевая кооперация, основанная не на административной иерархии, а на ядрах активностей, связанных между собой различным способом. Единственный критерий такой системы — ее эффективность, т.е. результативность.

Заключение

В заключении можно сказать, что философия представляет собой самый сложный композитный способ человеческого восприятия, осознания и переживания реальности. У этого утверждения два главных смысла. Во-первых, философия выступает в качестве своеобразной «привилегированной» системы координат человеческого сознания, поскольку помимо своих собственных конструкций она открыта также для иных способов осознания и переживания — религиозного, мифологического, художественного, научного, здравого смысла и т.д. Во-вторых, философия сохраняет ценность человеческого бытия перед вызовом нечеловеческого интеллекта. Наблюдая развитие искусственного интеллекта, мы видим, что он в перспективе может поглотить все виды прикладного мышления и анализа и превзойти человека, так что единственной сферой его безусловной оригинальности окажется философия как неустрашимый атрибут неповторимости человека. В этом случае окажется, что быть человеком — значит быть философом.

Список литературы

- Атлас* новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина ПРО, 2021. 472 с.
- Бренифье О.* Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1(69). С. 80–87. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2018-1-80-87>
- Габриелян О.А.* Перспективы развития философии в современном университете (руководство к действию заведующего кафедрой философии) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т. 7(73), № 3. С. 188–203.
- Габриелян О.А., Лазарев Ф.В.* Практическая философия: современные трансформации и перспективы (вместо манифеста) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т. 7(73), № 3. С. 22–38.
- Гуссерль Э.* Амстердамские доклады / пер. А.В. Денежкина // Логос. 1992. № 3. С. 62–81.
- Гуссерль Э.* Собрание сочинений / пер. с нем. В.И. Молчанова; под общ. ред. В.И. Молчанова. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 162 с.
- Инновационный университет: Философия – Наука – Управление.* XX лет философскому факультету НГУ: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Н.В. Головкин. Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2013. 186 с.
- Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. СПб.: Тайм-Аут, 1993. 478 с.
- Лазарев Ф.В., Трифонова М.К.* Оправдание мудрости. Симферополь: Синтагма, 2011. 556 с.
- Немцев М.Ю.* О профессиональном самоопределении университетских преподавателей философии в России // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, ч. 1. С. 24–41. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-24-41>
- Ницше Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: REFL-book, 1994. 352 с.
- Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего / пер. П. Полилова // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 238–406.
- Ницше Ф.* Сумерки идолов, или как философствуют молотом / пер. П. Полилова // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 556–630.
- Ореховский П.А., Разумов В.И.* Время карнавала: российские высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3, ч. 1. С. 77–94. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94>
- Поринев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 488 с.
- Разумов В.И.* Самоопределение философии в XXI веке // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, вып. 4(39). С. 130–142.
- Ридингс Б.* Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбуга. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 304 с.
- Хайдеггер М.* Время и Бытие // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 391–406.
- Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 63–176.
- Хайдеггер М.* Кант и проблема метафизики / пер. с нем. О.В. Никифорова. М.: Рус. феноменол. общ-во, 1997. 176 с.

Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары / пер. с нем. О.В. Никифорова // Логос. 1992. № 3. С. 82–97.

Шопенгауэр А. О четвероюм корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление: в 2 т. Т. 1: Критика кантовской философии: пер. с нем. М.: Наука, 1993. 672 с.

References

Brenifier, O. (2018). [The art of philosophical practice: Philosophical attitudes]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. No. 1(69), pp. 80–87. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2018-1-80-87>

Gabrielyan, O.A. (2021). [Prospects of philosophy at modern university (guidelines for action by the chief chair of philosophy)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. Vol. 7(73), no. 3, pp. 188–203.

Gabrielyan, O.A. and Lazarev, F.V. (2021). [Practical philosophy: Modern transformations and prospects (instead of the manifest)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. Vol. 7(73), no. 3, pp. 22–38.

Golovko, N.V. (ed.) (2013). *Innovatsionnyy universitet: Filosofiya – Nauka – Upravlenie. XX let filozofskomu fakul'tetu NGU: Materialy Vse-rossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Innovative University: Philosophy – Science – Management. 20th Anniversary of the Faculty of Philosophy of NSU: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Novosibirsk: NSU Publ., 186 p.

Heidegger, M. (1992). [Zollikoner seminars]. *Logos*. No. 3, pp. 82–97.

Heidegger, M. (1993). [European nihilism]. *Haydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Heidegger M. Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 63–176.

Heidegger, M. (1993). [Time and Being]. *Haydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Heidegger M. Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 391–406.

Heidegger, M. (1997). *Kant i problema metafiziki* [Kant and the problem of metaphysics]. Moscow: RPhS Publ., 176 p.

Husserl, E. (1992). [Amsterdam reports]. *Logos*. No. 3, pp. 62–81.

Husserl, E. (1994). *Sobranie sochineniy. Vol. 1: Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Collected works. Vol. 1: Phenomenology of the inner consciousness of time]. Moscow: Gnozis Publ., 162 p.

Kant, I. (1993). *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. St. Petersburg: Taym-Aut Publ., 478 p.

Lazarev, F.V. and Trifonova, M.K. (2011). *Opravdanie mudrosti* [Justification of wisdom]. Simferopol: Sintagma Publ., 556 p.

Nemtsev, M.Yu. (2021). [On professional self-determination of philosophy teachers in Russia]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 13, no. 1, pt. 1, pp. 24–41. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-24-41>

Nietzsche, F. (1990). [Beyond Good and Evil: Prelude to a Philosophy of the Future]. *Nitshe F. Sochineniya: v 2 t.* [Nietzsche F. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 2, pp. 238–406.

Nietzsche, F. (1990). [Twilight of the Idols or How to Philosophise with a Hammer]. *Nitshe F. Sochineniya: v 2 t.* [Nietzsche F. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 2, pp. 556–630.

Nietzsche, F. (1994). *Volya k vlasti: opyt pereotsenki vsekh tsennostey* [The Will to Power: An Attempted Revaluation of All Values]. Moscow: REFL-book Publ., 352 p.

Orekhovskiy, P.A. and Razumov, V.I. (2020). [Carnival time: Russian higher education and science in the postmodern era]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 12, no. 3, pt. 1, pp. 77–94. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94>

Porshnev, B.F. (1974). *O nachale chelovecheskoy istorii (Problemy paleopsikhologii)* [About the beginning of human history (Problems of paleopsychology)]. Moscow: Mysl' Publ., 488 p.

Razumov, V.I. (2007). [Self-determination of philosophy in the 21st century]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 9, iss. 4(39), pp. 130–142.

Readings, B. (2010). *Universitet v ruinakh* [The University in ruins]. Moscow: HSE Publ., 304 p.

Schopenhauer, A. (1993). *O chetveroyakom korne zakona dostatochnogo osnovaniya. Mir kak volya i predstavlenie: v 2 t. T. 1: Kritika kantovskoy filosofii* [On the Quadruple Root of the Law of Sufficient Reason. The world as will and representation: in 2 vols. Vol. 1: Critique of the Kantian philosophy]. Moscow: Nauka Publ., 672 p.

Varlamova, D. and Sudakov, D. (eds.) (2021). *Atlas novykh professiy 3.0* [Atlas of new professions 3.0]. Moscow: Al'pina PRO Publ., 472 p.

Об авторах

Габриелян Олег Аршавирович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
295007, Республика Крым, Симферополь,
пр. Академика Вернадского, 4;
e-mail: gabroleg@mail.ru
ResearcherID: Q-1708-2017

Гарбузов Дмитрий Викторович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
295007, Республика Крым, Симферополь,
пр. Академика Вернадского, 4;
e-mail: buendia@bk.ru
ResearcherID: A-6564-2017

About the authors

Oleg A. Gabrielyan

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophy

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, Academician Vernadsky av., Simferopol,
Republic of Crimea, 295007, Russia;
e-mail: gabroleg@mail.ru
ResearcherID: Q-1708-2017

Dmitry V. Garbuzov

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, Academician Vernadsky av., Simferopol,
Republic of Crimea, 295007, Russia;
e-mail: buendia@bk.ru
ResearcherID: A-6564-2017

УДК 140:2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-482-493>

Поступила: 03.08.2023

Принята: 30.11.2023

Опубликована: 22.12.2023

О КВАЗИФИДЕИЗМЕ И РАЦИОНАЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ

Прись Игорь Евгеньевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь)

Согласно квазифидеизму Д. Притчарда, фундаментальные религиозные убеждения являются витгенштейновскими петлевыми предложениями (убеждениями). Интерпретация петлевых предложений, однако, не однозначна. Для Притчарда это «арациональные висцеральные обязательства». Для Д. Мойял-Шарок — животные достоверности, не имеющие пропозиционального содержания. Для А. Колива — правила, имеющие пропозициональное содержание, которое играет нормативную роль. Наша интерпретация петлевых предложений близка к интерпретации А. Колива, за исключением нескольких важных моментов. Мы, скорее, согласны с либеральным взглядом Витгенштейна на петли. Для нас это витгенштейновские правила (нормы), управляющие языковыми играми в рамках формы жизни. В свете нашей интерпретации петлевых предложений мы рассматриваем вопрос о рациональности религиозных убеждений, анализируем квазифидеизм Притчарда, а также проблему глубоких эпистемических разногласий. Глубокие разногласия — разногласия, которые очень трудно разрешить рациональным образом. Существуют различные точки зрения на их природу. Мы трактуем глубокие разногласия как разногласия, в основе которых лежат «петлевые разногласия», т.е. разногласия между несовместимыми или противоречащими друг другу петлевыми убеждениями (нормами) или убеждениями, играющими роль петлевых, но, быть может, таковыми не являющимися (если они ложные). Мы утверждаем, что глубокие разногласия в принципе могут быть разрешены. Наша точка зрения позволяет избежать релятивизма. Религиозные разногласия обычно относят к глубоким разногласиям. Мы утверждаем, что если существует религиозная форма жизни в смысле позднего Витгенштейна, то существуют и религиозные петлевые предложения. Глубокие разногласия между теистом и атеистом — подлинные разногласия в том смысле, что права лишь одна сторона. И есть основания полагать, что они могут быть рационально разрешены.

Ключевые слова: глубокие разногласия, петлевые предложения, квазифидеизм, витгенштейновские правила, религиозные убеждения, форма жизни.

Для цитирования:

Прись И.Е. О квазифидеизме и рациональности религиозных убеждений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 482–493. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-482-493>

ON QUASI-FIDEISM AND RATIONALITY OF RELIGIOUS BELIEFS

Igor E. Prus

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus)

According to D. Pritchard's quasi-fideism, fundamental religious beliefs are Wittgensteinian hinge propositions (beliefs). However, interpretation of the hinge propositions is not unambiguous. For Pritchard, they are «arational visceral commitments». For D. Moyall-Sharrock, they are animal certainties. For A. Coliva, they are rules having propositional content which plays the role of a norm. Our interpretation of hinge propositions is close to that of A. Coliva, except for a few important points. We rather agree with Wittgenstein's liberal view of hinges. For us they are Wittgensteinian rules (norms) governing language games within a form of life. In the light of our interpretation of hinge propositions we consider the question of the rationality of religious beliefs, analyze Pritchard's quasi-fideism and the problem of deep disagreements. Deep disagreements are disagreements that are hard to resolve in a rational way. There are different views on their nature. We treat deep disagreements as disagreements that are based on «hinge disagreements», that is, disagreements between incompatible or contradictory hinge beliefs (norms) or beliefs that are playing the hinge role but may not be hinges (if they are false). We argue that deep disagreements can in principle be resolved. Our view avoids relativism. Religious disagreements are usually considered as deep disagreements. We claim that if there is a religious form of life in the sense of Wittgenstein's later philosophy, then there are also religious hinge propositions. Deep disagreements between the theist and the atheist are genuine disagreements in the sense that only one side is right. And there are reasons to believe that they can be rationally resolved.

Keywords: deep disagreements, hinge propositions, quasi-fideism, Wittgensteinian rules, religious beliefs, form of life.

To cite:

Prus I.E. [On quasi-fideism and rationality of religious beliefs]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 482–493 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-482-493>

*«И значит, если бы Мур сказал:
“Я знаю, что это вино, а не кровь”,
то католики стали бы ему возражать»
[Витгенштейн Л., 1991, с. 85, § 239].*

Введение

Некоторые наши мнения и убеждения носят локальный характер и могут быть легко проверены, а разногласия разрешены. Но существуют также фундаментальные убеждения, от которых зависят многие другие и которые регулируют жизнь человека в целом. Разногласия в них трудноразрешимы, а ошибка может иметь серьезные негативные последствия. В статье будут затронуты вопросы о рациональности (обоснованности) религиозных убеждений и

разногласий между теистом и атеистом в свете так называемой петлевой эпистемологии, основным понятием которой является петлевое предложение (нем. *Angeln*, англ. *hinges*).

В «О достоверности» Витгенштейн пишет: «Католики верят и в то, что облачка при определенных обстоятельствах полностью изменяет свою сущность, тогда как все свидетельствует о противоположном. И значит, если бы Мур сказал: “Я знаю, что это вино, а не кровь”, то католики стали бы ему возражать» [Витгенштейн Л., 1991, с. 85, § 239].

Это ссылка на Джорджа Эдварда Мура — британского философа первой половины XX в., выдвинувшего эмпирический аргумент здравого смысла против идеализма и скептицизма. Мур приводит список эмпирических предложе-

ний, которые с его точки зрения являются «очевидными трюизмами». «Это рука», «Земля существовала задолго до моего рождения» — наиболее известные трюизмы.

Критикуя фундаменталистский эмпирический подход Мура, Витгенштейн называет эти предложения «петлевыми предложениями» (ПП), «необоснованной верой» («на дне обоснованной веры лежит необоснованная вера» [Витгенштейн Л., 1991, с. 86, § 253]), «(полным) убеждением», «грамматическим предложением», «объективной достоверностью», «достоверным знанием», «логическим предложением», «твердо установленным» предложением, «примитивной (или “животной”) достоверностью», «фундаментальной установкой».

Как представляется, именно «логическое» в широком смысле понимание ПП является центральным в подходе Витгенштейна. «Я хочу сказать: основаниями для всего оперирования мыслями (языком) служат не только предложения логики, но и те, что имеют форму эмпирических предложений» [Витгенштейн Л., 1991, с. 96, § 401]. Также говорят, что ПП гибричны. Они выступают в роли «грамматических предложений» (логических правил), но зачастую имеют вид эмпирических предложений и (в контексте) могут превращаться в эмпирические предложения. И наоборот: эмпирические предложения могут превращаться в ПП: «Что же, правило и эмпирическое предложение переходят друг в друга?» [Витгенштейн Л., 1991, с. 89, § 309].

С этой точки зрения предлагается понять природу религиозных убеждений и разногласий, которые наряду с моральными, политическими, метафизическими убеждениями можно отнести к разряду глубоких разногласий¹.

Глубокие разногласия (ГР)

Под глубокими (эпистемическими) разногласиями (ГР) мы будем понимать разногласия в фундаментальных убеждениях, которые, кажется, очень трудно и, быть может, невозможно разрешить *рациональным* образом по причине самой их природы, а не вследствие каких-то контингентных факторов, например, патологической уверенности в правильности своей

точки зрения. Предполагается, что это разногласия относительно объективно важных вещей между в достаточной мере рациональными и ангажированными сторонами (индивидуумами или группами). Если стороны иррациональны, разногласие не будет объективным и не будет иметь смысла пытаться разрешить его рациональным образом. Если отсутствует подлинное ангажирование (субъективный фактор), разногласия будут фальшивыми. Например, сторонник конспирологической теории может упорно доказывать ее истинность и в то же время в своей практике никогда не полагаться на нее. Стороны также должны понимать, о чем идет речь, т.е. разногласие должно быть сконструировано подходящим образом, чтобы исключить неясности и двусмысленности.

Отметим, что наравне с термином «глубокие разногласия» употребляются также следующие: «мировоззренческие разногласия», «фундаментальные (базовые) разногласия», «разногласия между перспективами», «разногласия в базовых обязательствах», «петлевые разногласия» (в рамках «петлевой эпистемологии») и др. Некоторые термины можно использовать как синонимы, но можно также делать более или менее тонкие различия между соответствующими понятиями.

ГР, как правило, носят систематический характер (с ними связаны разногласия во многих других убеждениях), устойчивы и широко распространены. Но систематические, устойчивые, широко распространенные и трудно разрешимые разногласия необязательно являются ГР, т.е. с рациональной точки зрения могут оказаться легко разрешимыми [Ranalli C. Lagewaard Th., 2022a].

ГР можно связывать с отсутствием достаточного широкого общего бэкграунда, различием в наиболее фундаментальных принципах, нормах, т.е. «рамочных» или мировоззренческих различиях, и отличать их от разногласий между «равными» (коллегами), или разногласий между экспертами, обладающими одинаковой компетенцией, очевидностью (данными), эпистемически добродетелями и т.д.² Разногласие между индивидуумами или группами, которые не являются

¹ Понятие «глубокие разногласия» было введено Р. Фогелином [Fogelin R.J., 1985].

² Мы полагаем, что к глубоким разногласиям можно отнести и некоторые разногласия между коллегами и экспертами, например, разногласия между сторонниками различных интерпретаций квантовой механики.

ся или не считают друг друга равными или экспертами, кажется более радикальным, поскольку аргументы оппонента могут просто игнорироваться (и это считается рациональным). Как пишет Витгенштейн, «где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком» [Витгенштейн Л., 1991, с. 114, § 611].

Ранее, употребляя витгенштейновскую терминологию, мы сделали различие между разногласиями, возникающими вследствие различия в «формах жизни» («грамматиках», правилах, нормах, принципах, фундаментальных убеждениях), которые мы и назвали ГР, и разногласиями, возникающими в рамках одной и той же формы жизни. Первые разрешимы лишь в принципе, но не непосредственно и, быть может, контингентным образом, тогда как вторые однозначно разрешимы [Прись И.Е., 2018]³.

Витгенштейновская петлевая эпистемология

Мы частично принимаем интерпретацию эпистемологии Витгенштейна в его последней работе «О достоверности», предложенную Притчардом, согласно которой эпистемическая рациональность локальна, а всякое эпистемическое суждение предполагает те или иные необосновываемые ПП. В отсутствие ПП рациональное обоснование не имеет смысла [Pritchard D., 2023a].

С нашей точки зрения ПП — наиболее общие элементы витгенштейновской грамматики, т.е. нормативной структуры формы жизни. Мы говорим о нормах, или правилах, подразумевая витгенштейновские (то есть укорененные в реальности, языковых играх, форме жизни) правила/нормы [Прись И.Е., 2022].

Вкратце, для нас ГР — разногласие между различными или даже несовместимыми (или противоречащими друг другу) правилами (нормами, принципами, ПП), или разногласие, возникающее как следствие принятия различных, несовместимых или противоречащих друг другу правил (норм, принципов, ПП). Например, разногласие относительно допустимости абортов может быть следствием более глубокого разно-

гласия между религиозным мировоззрением, согласно которому у человеческого эмбриона есть душа, и атеистическим мировоззрением.

Точку зрения, что петлевые разногласия — ГР и что это парадигматический случай ГР, защищает также Д. Притчард. В то же время его интерпретация ПП отличается от нашей. Например, он не рассматривает теоретические ПП [Pritchard D., 2023a]. Он также допускает, что понятие ГР более широкое, чем понятие ПР (см. также [Smith P.S., Lynch M.P., 2021]).

Петлевые убеждения (предложения) не имеют и не могут иметь рационального обоснования, и некоторые интерпретаторы вообще не считают их убеждениями (что ПП выражают убеждения). Поэтому существует возражение, что эпистемические разногласия между петлевыми убеждениями невозможны. Это возражение нами отвергается на том основании, что в рамках нашей интерпретации петлевых убеждений/предложений как витгенштейновских правил/норм такие предложения имеют определенное содержание и в соответствующем контексте приобретают статус истинных парадигматических убеждений (предложений). Вообще логический статус и истинность высказывания (предложения) зависит от контекста.

Такой взгляд на ПП, как нам кажется, позволяет также установить связь между петлевой эпистемологией и экстерналистской эпистемологией Т. Уильямсона. Например, с точки зрения петлевой эпистемологии Витгенштейна, ПП «Это рука» — не знание в собственном смысле этого слова, а правило/норма (для Притчарда «обязательство»), но в соответствующем контексте — это истинное парадигматическое убеждение (всякое правило (норма) предполагает наличие парадигматических случаев своего применения). «Я действительно знаю, что это рука».

Некоторые интерпретаторы считают, что ПП могут быть ложными. Мы отвергаем эту точку зрения. Ложные убеждения могут, однако, ошибочно приниматься за петлевые. Когда мы говорим, что столкновение ПП суть ГР, мы подразумеваем, что речь идет о предложениях, которые принимаются за петлевые, т.е. играют роль, подобную роли ПП, но на самом деле могут и не быть ПП. Мы, таким образом, можем ответить на следующее возражение: Если ПП не могут быть ложными, подлинное разногла-

³ Как оказалось, наш подход к трактовке ГР имеет некоторые сходства с оригинальным витгенштейновским подходом Фогелина, с которым мы ознакомились только недавно [Fogelin R.J., 1985].

сие между ними невозможно, т.к. одна истина не может вступать в противоречие с другой. Подлинное разногласие возможно лишь в том случае, если одно из двух предложений ложно (т.е. одно предложение лишь принимается за петлевое, а другое на самом деле является петлевым). Например, если предположить, что разногласие между теистом и атеистом подлинное, одно из двух высказываний «Бог существует» и «Бог не существует» будет ложным, тогда как другое — истинным и способным играть роль ПП. Если же речь идет просто о разных нормативных практиках, «языковых играх» в постмодернистской интерпретации философии Витгенштейна, то оба высказывания могут рассматриваться как истинные в своем роде, как просто утверждающие разные вещи⁴.

⁴ Неверную, на наш взгляд, постмодернистскую интерпретацию Витгенштейна как фидеиста дает Д.В. Пивоваров. «Витгенштейновский фидеизм» он характеризует как набор следующих тезисов: «1) Все формы социальной жизни (религия, искусство, наука и пр.) суть разные языковые игры; 2) в каждой такой игре есть свои собственные критерии смысла и рациональности; 3) в конечном счете любая языковая игра условна и беспочвенна; 4) осмысленность религиозных высказываний зиждется не на неких “свидетельствах” или “доказательствах”, а на религиозных практиках. Например, смысл суждения “Бог есть” синонимичен практике поиска людьми вечной любви» [Пивоваров Д.В., 2012, с. 15]. В частности, двусмысленным и сомнительным нам представляется тезис 3.

В то же время сам Витгенштейн, как нам представляется, дает некоторые основания интерпретировать его в релятивистском духе. Рассмотрим сравнение, которое он делает между «языковыми играми» физики и оракула, и соответствующее ГР.

Витгенштейн пишет: «Положениями физики я руководствуюсь в своих действиях, разве не так? Должен ли я сказать, что у меня нет для этого достаточных оснований? Не это ли мы как раз и называем достаточным основанием?» [Витгенштейн Л., 1991, с. 114, § 608]. Это можно понимать в том смысле, что существование некоторой нормативной практики является достаточным основанием, чтобы эксплицитно принять соответствующие положения (выражающие правила/нормы этой практики), эксплицитно руководствоваться ими в своих действиях (имплицитно они принимаются изначально). Такое эксплицитное принятие (экспликация) положений — вывод к наилучшему объяснению того, что я ими руководствуюсь в своих действиях.

ГР относительно положений физики, согласно Витгенштейну, может возникнуть, например, следующим образом: «Допустим, мы встретили людей, которые не считают это [то, что мы руководствуемся положениями физики в своих действиях] убедительным основанием. И все же как мы себе это представляем? Ну, скажем, вместо физики они вопрошают оракула. (И потому мы считаем их примитивными.) Ошибочно ли то, что они советуются с оракулом и следуют ему? Называя это “неправильным”, не выходим ли мы уже за пределы нашей языковой игры, *атакуя их?*» [Витгенштейн Л., 1991, с. 114, § 609].

Например, высказывание «Бог существует» может пониматься как утверждение любви человека к человеку и отказ от насилия. Подлинно верующие, однако, верят, что высказывание «Бог существует» истинно в буквальном смысле, т.е. в том же самом смысле, в котором истинны, например, убеждения относительно окружающих нас обыденных вещей или научные убеждения.

Интерпретации ПП и разрешение ГР

Проблема ГР, в частности, религиозных ГР, состоит в том, чтобы выяснить их природу и найти способ их рационального разрешения. Мы предпочитаем обратиться к петлевой эпистемологии и интерпретировать понятие ПП как в-правило. Д. Притчард интерпретирует ПП как «арациональные висцеральные обязательства» (commitments). Д. Мойял-Шарок — как животные достоверности, не имеющие пропозиционального содержания, а А. Колива — как правила, имеющие пропозициональное содержание, которые играют нормативную роль.

Вопрос возникает не только о том, возможно ли рациональное разрешение того или иного разногласия (и если да, то каким образом), но и о том, как к нему относиться. Существование глубоких этических, политических, религиозных или других разногласий может убедить, что верной позицией в соответствующей области является скептицизм или релятивизм.

Разногласие между кардиналом Белармином и Галилеем относительно того, неподвижна ли Земля или же она движется, было ГР, основанным на принятии различных — на первый взгляд несоизмеримых — эпистемических принципов и систем. В известном смысле это не разногласие между равными или между экс-

В этом воображаемом примере Витгенштейн описывает переход к другой языковой игре, относящейся к другой форме жизни. Такой переход есть переход к другим ПП. Разногласие оказывается иллюзорным, если речь идет о разных практиках. Оно возникает вследствие непонимания того, о чем идет речь, логики другой языковой игры. Сказанное не означает, что между различными практиками не существует никакой иерархии. С точки зрения практической одной практики могут оказаться предпочтительнее, чем другие. Их взаимодействие может привести к «правильной» точке зрения, в рамках которой старое разногласие действительно будет выглядеть как подлинное разногласие между правой и левой сторонами, как это, например, случилось с геоцентрической и гелиоцентрической точками зрения.

пертами (и тот, и другой являются экспертами, но в своих областях. Потому-то они и отвергают методы друг друга.). Если кардинал основывал свои заключения в первую очередь на Библии, то Галилей — на наблюдениях при помощи телескопа. История науки вынесла вердикт в пользу Галилея, хотя некоторые релятивисты могут утверждать его контингентность. История, с их точки зрения, могла бы развиваться по-другому. Глубокое разногласие — неразрешимое во времена Беллармина и Галилея — могло бы разрешиться по-другому. Кажется, этой точки зрения придерживаются К. Кинцел и М. Куш. Во всяком случае, они, например, считают, что разногласие между Т. Гоббсом и Р. Бойлем относительно применимости экспериментального метода научного исследования и, в частности, относительно того, действительно ли изобретенный вакуумный насос создает пустоту, могло бы разрешиться по-другому [Kinzel K., Kusch M., 2018]. Мы интерпретировали их «разумный релятивизм» (*sensible relativism*) с точки зрения контекстуального реализма [Прись И.Е., 2020].

Другим (ненаучным) видом разногласия является разногласие между сторонниками плоской Земли и подавляющим большинством сторонников круглой Земли, или разногласие между верующим, утверждающим, что Земля появилась примерно 6000 лет тому назад, и теми, кто, опираясь на науку, утверждает, что она возникла гораздо раньше. Понятно, что в этом случае спорящие стороны не примут всерьез аргументы друг друга, которые к тому же им будут казаться (или действительно будут) круговыми. Поэтому само наличие разногласия не ослабит убеждения сторон.

Очевидно, что прямое столкновение противоположных точек зрения никого не может убедить, т.к. это предполагается самим существованием этих точек зрения. Их прямое столкновение в лучшем случае выливается лишь в простую констатацию различия позиций, а в худшем — во взаимные обвинения. Если рациональное разрешение и возможно, то только постепенно, исходя из общего бэкграунда, сколь бы незначительным он ни был, анализа нефундаментальных убеждений и отказа от ложных убеждений.

Связь между фундаментальными и нефундаментальными убеждениями не следует пони-

мать согласно фундаменталистской картезианской модели. С точки зрения витгенштейновской эпистемологии фундаментальные убеждения сами поддерживаются всей системой убеждений, которые их предполагают. Зависимость здесь взаимная. Потому-то от фундаментальных убеждений так трудно отказаться. Отказ от одного или нескольких фундаментальных убеждений может повлечь разрушение всей основанной на них системы убеждений. И наоборот, постепенное изменение этой системы в конечном итоге повлечет изменение фундаментальных убеждений.

ПП имеют оптимальную достоверность, но рационально не обосновываемы. Многие интерпретаторы, в том числе и мы, считают, что ПП имеют логическую достоверность (для нас это в-правила). Поэтому, на первый взгляд, ГР, основанное на принятии различных ПП, кажется неразрешимым. Можно еще сказать, что ПП задают различные «системы отсчета» (мы говорим о «формах жизни»). На самом деле, трактовка ПП как в-правил делает их статус вариabельным и позволяет разрешить проблему несоизмеримости [Прись И.Е., 2018].

Так же и Притчард делает различие между сильным и слабым релятивизмом. Первый утверждает несоизмеримость различных эпистемических систем, второй отрицает их несоизмеримость. Притчард защищает вторую позицию. Согласно ему, сравнение эпистемических систем достигается благодаря существованию общего бэкграунда и так называемого «сверх-ПП», что мы не можем радикально и фундаментально ошибаться в наших убеждениях. Большинство ПП — манифестации сверх-ПП в целостной системе, включающей в себя и (не петлевые) убеждения в обычном смысле, т.е. убеждения, имеющие концептуальную связь с истиной и знанием. Поскольку эта система убеждений динамична, вариabельной оказывается и совокупность ПП. Для Притчарда, например, предложение «Это рука» — проявление сверх-ПП, тогда как предложения «Существует внешний мир» и «Я не мозг в банке» — следствие сверх-ПП (это позволяет избежать скептической проблемы) [Pritchard D., 2022c]. Хотя позиция Притчарда может быть понята в наших терминах, введение сверх-ПП нам кажется искусственным шагом (не в духе Витгенштейна), а трактовка ПП как арацио-

нальных (в этом контексте Притчард ссылается на витгенштейнианца С. Кэвелла, согласно которому фундаментальный уровень нашего отношения к миру не уровень знания [Pritchard D., 2022a]) требует уточнения. В рамках контекстуального реализма мы трактуем арациональность как требование укорененности в-правила в реальности, т.е. как требование онтологическое. ПП мы рассматриваем не как арациональные, а рациональные в расширенном смысле (в этом смысле наша позиция сближается с позицией Колива [Coliva A., Palmira M., 2021]). В-правила (нормы) не могут быть арациональными.

Существует гибридная теория, согласно которой разногласия объясняются не расхождением в базовых принципах (которые могут быть ПП), а в их применении (наполнении), или расхождении в под-принципах. Например, общим эпистемологическим принципом может быть доверие к признанному авторитету. В то же время авторитет для одних может вовсе не быть авторитетом для других. Так может возникнуть, например, ГР между верующим и атеистом.

Попытка разрешить разногласия рациональным образом предполагает оценку качества уже имеющейся очевидности (evidence), т.е. обращение к очевидности высшего порядка [Croce M., 2023]. При этом в качестве очевидности высшего порядка могут принимать и сам факт наличия разногласия.

Применительно к религии возникает, например, вопрос: «Должно ли с рациональной точки зрения осознание разногласий по религиозным вопросам привести к тому, что теист потеряет или ослабит уверенность в своих религиозных убеждениях?» [King N.L., Kelly T., 2017].

Так называемый «примирительный» подход считается рациональным, исходя из факта наличия разногласия, если речь идет о разногласии между равными (либо экспертами), либо приостановить суждения обеих сторон, либо прийти к согласию путем их коррекции (например, одна сторона может повысить степень своей уверенности в истинности суждения, а другая понизить). Если же признается, что оппонент обладает эпистемическим превосходством (т.е. более компетентен, обладает более выраженными эпистемическими добродетелями, лучшей очевидностью), считается, что разногласие рациональным образом разрешается в его пользу. В то же

время неясно, насколько сильно сам факт наличия разногласия должен повлиять на убеждение того, кто находится в эпистемически менее выгодной ситуации. По всей видимости, это требует рассмотрения конкретных условий разногласия, контекста. Так называемый «твердый/непоколебимый подход» рекомендует в случае разногласия оставаться при своем убеждении. При этом возникает опасность его переоценки, придания большего веса собственной эпистемической ситуации и, соответственно, проявления эпистемической несправедливости к оппоненту (и этот эффект может усиливать сам себя). В то же время, если одна из сторон действительно обладает сильной уверенностью в истинности своих убеждений, некоторые подходы рекомендуют отказаться от принципа независимости, согласно которому учет другой точки зрения не должен зависеть от собственной точки зрения, и, соответственно, пересмотреть статус оппонента — предположить, что оппонент не является эпистемически равным [Ranalli C., Lagewaard Th., 2022b]. Согласно одной из разновидностей твердого подхода, следует оставаться при своих убеждениях, несмотря на разногласие, тогда и только тогда, когда рациональные основания в их пользу правильные. Трудность в том, что каждый уверен, что именно его аргументы истинны. Существует также промежуточная точка зрения, согласно которой требуется принять во внимание полную очевидность, включающую в себя как очевидность второго порядка, что существует разногласие, трудноразрешимое рациональным путем, так и очевидность первого порядка в пользу своего убеждения (суждения). С точки зрения нашей версии петлевой эпистемологии, следует оставаться при своих петлевых убеждениях, если они действительно петлевые, или, говоря, языком экстерналистской эпистемологии сначала знания, при своем знании (как очевидности. Для Уильямсона знание = очевидность (evidence)).

Все версии петлевой эпистемологии сталкиваются с теми или иными проблемами. Для Притчарда петлевые обязательства арациональны (т.е. они ни рациональны, ни иррациональны). Но тогда можно возразить, что столкновение ПП не может привести к эпистемическому (т.е. рациональному) разногласию. Для Мойял-Шарок ПП инстинктивны (нерефлексивны) и не имеют пропозиционального содер-

жания (это не убеждения), тогда как ГР — разногласия между убеждениями. Для так называемого «конститутивного» подхода Колива ПП рациональны в том смысле, что они являются конститутивными элементами рациональных языковых игр, включающих в себя помимо ПП эмпирические данные (очевидность). Но Колива, чтобы избежать релятивизма, прибегает лишь к очень общим предложениям, которые она принимает за петлевые. Это предложения типа «Внешний мир существует», «Наши перцептивные способности надежны», «Я не мозг в баке», «Мир единообразен» (индуктивный принцип) и тому подобные. (Например, предложение «Это рука» для нее не является петлевым.) Эти предложения универсальны. Тогда непонятно, каким образом могут возникнуть ГР. К тому же ГР возникают в достаточно широком диапазоне случаев.

Некоторое сходство нашего подхода с описанными выше в том, что мы, как и Притчард и Колива, трактуем достоверность ПП прежде всего как достоверность логическую (Мойял-Шарок трактует ее как «животную» достоверность). Также, подобно Колива и Мойял-Шарок, мы трактуем ПП как правила (Колива, Мойял-Шарок) или нормы (Колива) (Пропозициональное содержание ПП для Колива играет нормативную роль.)⁵

Квазифидеизм

П. Форрест пишет: «Большая часть современной эпистемологии религии стремится избежать крайностей как тезиса Просвещения о гегемонии эвиденциализма, так и фидеизма» [Forrest P., 2008]. Квазифидеизм Д. Притчарда как раз и предлагает срединный путь между эвиденциализмом и фидеизмом [Pritchard D., 2022a, 2022c]. Фундаментальные религиозные убеждения Притчард пытается трактовать как петлевые, ссылаясь на Витгенштейна (для Витгенштейна миссионер, обращая туземцев в свою веру, должен апеллировать к «убеждению», а не к доводам [Витгенштейн Л., 1991,

с. 114, § 612]). Религиозные разногласия и, в частности, разногласия между теистом и атеистом в принципе рационально разрешимы. Одним из способов рационального разрешения разногласий в духе квазифидеизма Притчард считает современные споры между теистами и новыми атеистами (Р. Докинз, Д. Деннет и др.).

Если выражение «Бог существует» — ПП, оно, с точки зрения нашей интерпретации ПП, имеет логическую достоверность, а для Притчарда оно арационально. Нет смысла его опровергать или доказывать (обосновывать), как это делает эвиденциализм. Также это не особая божественная интуиция, расширенное экстерналистское восприятие (по аналогии с обыденным перцептивным восприятием), как утверждает реформатская эпистемология. И не просто вера, игнорирующая рациональность (фидеизм). Наоборот, оно само предполагается любым религиозным обоснованием, имеет достоверность логической предпосылки. Также, в отличие от фидеизма, квазифидеизм утверждает, что нет существенного различия в природе обыденных и религиозных верований в том смысле, что и те, и другие в конечном итоге основаны на ПП⁶. Если признать, что обыденные и научные убеждения (за исключением фундаментальных) рациональны (с точки зрения Притчарда фундаментальные убеждения арациональны), то и религиозные убеждения (за исключением фундаментальных) рациональны. Если принять интерпретацию ПП Колива или нашу точку зрения, следует также признать рациональность фундаментальных религиозных убеждений как ПП. Если же предположить, что эти фундаментальные убеждения ложны, то они не могут быть ПП. В этом случае, согласно нашей позиции, религиозные убеждения не будут обоснованными.

Некоторые авторы указывают на существенные различия в свойствах обыденных ПП и фундаментальных религиозных убеждениях. Например, говорят, что по крайней мере некото-

⁵ Но для нас логическая достоверность ПП как в-правил (сомневаться в правилах бессмысленно) лишь один аспект ПП. Сомневаться в парадигматических случаях применения в-правил иррационально. А в том случае, когда ПП превращаются в контекстуальное знание, сомневаться в них нерационально.

⁶ Еще кардинал Ньюмен (Джон Генри Ньюмен) — британский теолог XIX-го в. — приводил аргументы в пользу того, что в основании религиозных убеждений так же, как и в основании обыденных, лежат необосновываемые убеждения. На него ссылается Витгенштейн в первом параграфе «О достоверности». Притчард и некоторые другие авторы считают, что Ньюмен оказал существенное влияние на эпистемологическую позицию Витгенштейна.

рые обыденные ПП (например, «У меня две руки») кажутся достаточно универсальными и практически неизменными. Религиозные же убеждения вариативны и могут меняться в том числе и под воздействием рациональных аргументов. Также говорят, что обыденные ПП, как правило, подразумеваются, их не обосновывают, а религиозные убеждения формулируют эксплицитно и приводят аргументы в их пользу.

На наш взгляд, здесь можно ответить двояко. Во-первых, можно утверждать, что различие между обыденными и религиозными предложениями на самом деле не столь велико (так, Притчард в одной из своих последних работ признает, что ранее он преувеличил это различие). Во-вторых, в отличие от Притчарда, мы считаем, что теоретические предложения тоже могут быть ПП. Поэтому если провести частичную аналогию между религиозными и теоретическими ПП (например, в физике), которые эксплицитно формулируются и обосновываются, то это снимает возражение, что религиозные предложения не ПП.

Например, Д. Притчард не относит предложение «Вода кипит при температуре 100 градусов по Цельсию» к ПП. Для него от обыденное знание (см. его статью о подходе Дж. Греко [Pritchard D., 2022b]). Мы считаем, что это предложение может иметь статус ПП. Витгенштейн в «О достоверности» пишет: «В зале суда, безусловно, было бы признано истиной высказывание физика, что вода кипит при 100°C» [Витгенштейн Л., 1991, с. 114, § 604], т.е. в зале суда (и не только) предложение «Вода кипит при температуре 100°C» принимается в качестве (формулировки) правила (нормы), имеющего логическую достоверность⁷.

Подход Притчарда к объяснению и разрешению ГР в рамках петлевой эпистемологии, в том числе религиозных разногласий, предполагает существование сверх-ПП и некоего общего бэкграунда. На первый взгляд, может показаться, что в области религии такого общего бэкграунда не существует. Отсюда делается вывод, что либо петлевая эпистемология вообще не применима в области религии, т.е. фундамен-

тальные религиозные убеждения не ПП, либо она не применима в версии Притчарда, т.е. не позволяет удовлетворительным образом рационально разрешить религиозные разногласия, поскольку ведет к скептицизму или релятивизму. Эта дилемма Притчардом отвергается.

В рамках нашей интерпретации ПП мы приходим к аналогичному выводу. Теист и атеист разделяют много обыденных ПП. Сомнения насчет того, можно ли вообще говорить о религиозных ПП, т.е. применима ли к ним петлевая эпистемология, и если применима, то не ведет ли это к релятивизму, возникают не в большей мере, чем для обыденных или теоретических предложений.

Заключение

Таким образом, квазифидеизм Д. Притчарда утверждает, что фундаментальные религиозные убеждения являются витгенштейновскими петлевыми предложениями («обязательствами») и предлагает способ разрешения глубоких религиозных разногласий в рамках своей интерпретации петлевой эпистемологии Витгенштейна. Мы разделяем интерпретацию Притчардом ПП как петлевых обязательств и, соответственно, его версию квазифидеизма лишь частично⁸. Также наша интерпретация имеет некоторые сходства с интерпретацией А. Колива, но отличается от нее по ряду важных моментов. Мы, скорее, согласны с либеральным взглядом Витгенштейна на петли. Для нас это витгенштейновские правила (нормы), управляющие языковыми играми в рамках формы жизни. На наш взгляд, если действительно существует религиозная (и, соответственно, атеистическая) форма жизни в смысле позднего Витгенштейна, то

⁸ Отметим, что, например, И. де Риддер (J. de Ridder) вообще отвергает квазифидеизм Д. Притчарда (он называет его квази-решением реальных проблем религиозной эпистемологии), утверждая, что религиозные убеждения не обладают такими основными свойствами петлевых обязательств как их рамочный характер, арациональность и отсутствие концептуальной связи с истиной и знанием (для Притчарда петлевые обязательства не вера в эпистемическом смысле) [Ridder J. de, 2019] (см. дискуссию с Притчардом [Pritchard D., 2023b; Ridder J. de, Rannali C., 2022, unpubl. manuscript].).

В рамках нашей трактовки ПП как трехаспектных в-правил, которые в контексте могут превращаться в истинные парадигматические или даже непарадигматические убеждения, возражения де Риддера снимаются [Прись И.Е., 2017].

⁷ Фундаментальные законы физики, аксиомы математики и целые физические и математические теории, например, квантовая механика (система ее аксиом), могут трактоваться как ПП или системы ПП, т.е. как в-правила.

существуют и религиозные (и, соответственно, атеистические) петлевые предложения (убеждения) и языковые игры. Глубокие разногласия между теистом и атеистом — подлинные разногласия в том смысле, что права лишь одна сторона. И есть основания полагать, что они могут быть рационально разрешены.

Что касается возможных форм жизни, то в заметках 1938 года Витгенштейн пишет: «Почему бы одной из форм жизни не достичь кульминации в высказывании веры в Страшный суд? Но я не могу сказать ни “да”, ни “нет” на утверждение, что такое будет. Ни “Возможно”, ни “Я не уверен”» (цитируется в [Lavorerio V., 2021, p. 225]).

Список литературы

- Витгенштейн Л.* О достоверности / пер. с англ. Ю.А. Асеева, М.С. Козловой // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–120.
- Пивоваров Д.В.* Философия религии: в 3 т. Т. 2: Гносеология религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 556 с.
- Пись И.Е.* Витгенштейн о знании, достоверности и «осевых предложениях». Saarbrücken, DE: Lambert Academic Publishing, 2017. 144 с.
- Пись И.Е.* Знание в контексте. СПб.: Алетейя, 2022. 720 с.
- Пись И.Е.* «Осевые» разногласия // Диалог. 2018. № 2(11). С. 6–17.
- Пись И.Е.* «Разумный релятивизм», эпистемология добродетелей и контекстуальный реализм // Философия науки. 2020. № 3(86). С. 15–48. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20200302>
- Coliva A., Palmira M.* Disagreement unhinged, constitutivism style // *Metaphilosophy*. 2021. Vol. 52, iss. 3–4. P. 402–415. DOI: <https://doi.org/10.1111/meta.12490>
- Croce M.* The Epistemology of disagreement // *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. 2023. URL: <https://philarchive.org/rec/CROTEO-32> (accessed: 26.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.4324/9780415249126-p081r1-1>
- Fogelin R.J.* The logic of deep disagreements // *Informal Logic*. 1985. Vol. 7, no. 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v7i1.2696>
- Forrest P.* The epistemology of religion // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. 2008. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/religion-epistemology/> (accessed: 03.04.2023).
- King N.L., Kelly T.* Disagreement and the Epistemology of Theology // *The Oxford Handbook of the Epistemology of Theology* / ed. by W.J. Abraham, F.D. Aquino. N.Y.: Oxford University Press, 2017. P. 309–324. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199662241.013.4>
- Kinzel K., Kusch M.* De-idealizing Disagreement, Rethinking Relativism // *International Journal of Philosophical Studies*. 2018. Vol. 26, iss. 1. P. 40–71. DOI: <https://doi.org/10.1080/09672559.2017.1411011>
- Lavorerio V.* Lectures on religious beliefs and the epistemology of disagreements // *Wittgenstein-Studien*. 2021. Vol. 12, iss. 1. P. 217–235. DOI: <https://doi.org/10.1515/witt-2021-0012>
- Pritchard D.* Deep disagreement // *Routledge Handbook to Philosophy of Disagreement* / ed. by M. Baghramian, J.A. Carter, R. Rowland. London: Routledge, 2023. (Forthcoming). URL: <https://www.dropbox.com/s/fxy41172xessn1d/DeepDisagreementFINAL.pdf?dl=0> (accessed: 26.05.2023).
- Pritchard D.* Exploring Quasi-Fideism // *Hinge Epistemology* / ed. by C. Sandis, D. Moyal-Sharrock. London: Anthem Press, 2022. P. 27–50. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv2svjz4r.7>
- Pritchard D.* Hinge commitments and common knowledge // *Synthese*. 2022. Vol. 200. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-022-03647-5> (accessed: 28.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03647-5>
- Pritchard D.* Quasi-Fideism and Epistemic Relativism // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. 2022. Available at: <https://philpapers.org/rec/PRIQAE> (accessed: 26.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.1080/0020174X.2022.2135820>
- Pritchard D.* Religious vertigo // *Religionsphilosophie nach Wittgenstein* / hrsg. von E. Ramharter. Stuttgart, DE: Metzler/Springer, 2023. (Forthcoming). URL: <https://www.dropbox.com/s/1lsm59pis99w1q8/ReligiousVertigoFINAL.pdf?dl=0> (accessed: 26.05.2023).
- Ranalli C., Lagewaard Th.* Deep Disagreement (Part 1): Theories of Deep Disagreement // *Philosophy Compass*. 2022. Vol. 17, iss. 12. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/phc3.12886> (accessed: 21.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12886>
- Ranalli C., Lagewaard Th.* Deep Disagreement (Part 2): Epistemology of Deep Disagreement // *Philosophy compass*. 2022. Vol. 17, iss. 12. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/phc3.12887> (accessed: 21.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12887>
- Ridder J. de.* Against quasi-fideism // *Faith and Philosophy*. 2019. Vol. 36, iss. 2. P. 223–243. DOI: <https://doi.org/10.5840/faithphil201951123>

Ridder J. de., Rannali C. Still against quasi-fideism. 2022. Unpublished manuscript.

Smith P.S., Lynch M.P. Varieties of Deep Epistemic Disagreement // *Topoi*. 2021. Vol. 40. P. 971–982. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-020-09694-2>

References

Coliva, A. and Palmira, M. (2021). Disagreement unhinged, constitutivism style. *Metaphilosophy*. Vol. 52, iss. 3–4, pp. 402–415. DOI: <https://doi.org/10.1111/meta.12490>

Croce, M. (2023). The epistemology of disagreement. *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://philarchive.org/rec/CROTEO-32> (accessed 26.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.4324/9780415249126-p081r1-1>

Fogelin, R.J. (1985). The logic of deep disagreements. *Informal Logic*. Vol. 7, no. 1, pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v7i1.2696>

Forrest, P. (2008). The epistemology of religion. *E.N. Zalta, U. Nodelman (eds.) The Stanford Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/religion-epistemology/> (accessed 03.04.2023).

King, N.L. and Kelly, T. (2017). Disagreement and the epistemology of theology. *W.J. Abraham, F.D. Aquino (eds.) The Oxford Handbook of the Epistemology of Theology*. New York: Oxford University Press, pp. 309–324. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199662241.013.4>

Kinzel, K. and Kusch, M. (2018). De-idealizing disagreement, rethinking relativism. *International Journal of Philosophical Studies*. Vol. 26, iss. 1, pp. 40–71. DOI: <https://doi.org/10.1080/09672559.2017.1411011>

Lavorerio, V. (2021). Lectures on religious beliefs and the epistemology of disagreements. *Wittgenstein-Studien*. Vol. 12, iss. 1, pp. 217–235. DOI: <https://doi.org/10.1515/witt-2021-0012>

Pivovarov, D.V. (2012). *Filosofiya religii: v 3 t. T. 2: Gnoseologiya religii* [The Philosophy of Religion. Vol. 2: Epistemology of Religion]. Yekaterinburg: UFU Publ., 556 p.

Pris, I.E. (2017). *Vitgenshteyn o znanii, dostovernosti i «osevykh predlozheniyakh»* [Wittgenstein on knowledge, credibility and «axial sentences»]. Saarbrücken, DE: Lambert Academic Publishing, 144 p.

Pris, I.E. (2018). [«Axial» disagreements]. *Dialog*. No. 2(11), pp. 6–17.

Pris, I.E. (2020). [«Sensible relativism», virtue epistemology and contextual realism]. *Filosofiya*

nauki [Philosophy of Sciences]. No. 3(86), pp. 15–48. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20200302>

Pris, I.E. (2022). *Znanine v kontekste* [Knowledge in context]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 720 p.

Pritchard, D. (2022). Exploring quasi-fideism. *C. Sandis, D. Moyal-Sharrock (eds.) Hinge Epistemology*. London: Anthem Press, pp. 27–50. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv2svjz4r.7>

Pritchard, D. (2022). Hinge commitments and common knowledge. *Synthese*. Vol. 200. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-022-03647-5> (accessed 28.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03647-5>

Pritchard, D. (2022). Quasi-fideism and epistemic relativism. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. Available at: <https://philpapers.org/rec/PRIQAE> (accessed 26.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.1080/0020174X.2022.2135820>

Pritchard, D. (2023). Deep disagreement. *M. Baghramian, J.A. Carter, R. Rowland (eds.) Routledge Handbook to Philosophy of Disagreement*. London: Routledge Publ. (Forthcoming). Available at: <https://www.dropbox.com/s/fxy41172xessn1d/DeepDisagreementFINAL.pdf?dl=0> (accessed 26.05.2023).

Pritchard, D. (2023). Religious vertigo. *E. Ramharter (hrsg.) Religionsphilosophie nach Wittgenstein* [E. Ramharter (ed.) Philosophy of Religion after Wittgenstein]. Stuttgart, DE: Metzler/Springer. (Forthcoming). Available at: <https://www.dropbox.com/s/1lsm59pis99w1q8/ReligiousVertigoFINAL.pdf?dl=0> (accessed 26.05.2023).

Ranalli, C. and Lagewaard, Th. (2022). Deep disagreement (Part 1): Theories of deep disagreement. *Philosophy compass*. Vol. 17, iss. 12. Available at: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/phc3.12886> (accessed 21.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12886>

Ranalli, C. and Lagewaard, Th. (2022). Deep disagreement (Part 2): Epistemology of deep disagreement. *Philosophy Compass*. Vol. 17, iss. 12. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/phc3.12887> (accessed: 21.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12887>

Ridder, J. de (2019). Against quasi-fideism. *Faith and Philosophy*. Vol. 36, iss. 2, pp. 223–243. DOI: <https://doi.org/10.5840/faithphil201951123>

Ridder, J. de and Rannali, C. (2022). *Still against quasi-fideism*. Unpublished manuscript.

Smith, P.S. and Lynch, M.P. (2021). Varieties of deep epistemic disagreement. *Topoi*. Vol. 40, pp. 971–982. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-020-09694-2>

Wittgenstein, L. (1991). [About reliability]. *Vo-prosy Filosofii*. No. 2, pp. 67–120.

Об авторе

Прись Игорь Евгеньевич

доктор философии,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии Национальной
академии наук Беларуси,
Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1/2;
e-mail: frigr@gmail.com
ResearcherID: L-2532-2016

About the author

Igor E. Pris

PhD in Philosophy,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Leading Researcher

Institute of Philosophy of the National Academy
of Sciences of Belarus,
1/2, Sarganov st., Minsk, 220072, Republic of Belarus;
e-mail: frigr@gmail.com
ResearcherID: L-2532-2016

УДК 1:301.34

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-494-505>

Поступила: 27.01.2023

Принята: 10.10.2023

Опубликована: 22.12.2023

МОДИФИКАЦИЯ ПАРАДИГМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В ЗЕРКАЛЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Шмаков Владимир Сергеевич

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В статье рассматривается проблема эволюции социокультурного развития, анализируются тенденции социокультурной трансформации локальных сообществ Евразии. Использование социокультурного и системного подходов позволяет сформулировать основополагающие принципы объяснения и понимания динамики социокультурного развития. В ходе эволюции культуры и социальности возникают противоречия, связанные с конфронтацией либеральных стандартов и традиционных ценностей. В процессе глобальной и локальной структуризации модифицируются традиционные социокультуры в промежуточные формы, характеризующиеся переходностью позиций. Евразийское социокультурное пространство находится в состоянии расширения, диффузии, наблюдается состояние аномии. Прослеживается разрыв в конструкции социокультурной среды между прошлым и настоящим, дезинтегрируются исторически сложившиеся социокультурные структуры и институты. Нарушается равновесие социокультурного пространства. Механизм социокультурного синтеза, основывающийся на традиционной системе ценностей, деформируется и перестает работать. Разлом традиционных социокультурных связей и отношений ухудшает воспроизводство социального и человеческого капитала сообществ. Процессы сжатия, конвекции социокультурного мира, с одной стороны, определяют попытки консервации основ социокультуры, с другой стороны, прослеживается давление либеральных концепций на социокультурное развитие, что способствует расширению социокультурного пространства, являющегося основой формирующейся парадигмы социокультурного развития. Модели развития социокультурного пространства в своей конструкции сочетают традицию, модерн и архаику как базовые структуры эволюционирующего локального сообщества. Принцип когерентности способствует обеспечению идентификации всех компонентов и модификаций социокультурной системы. Практическая значимость исследования содержится в обозначении и объяснении динамики развития евразийского социокультурного пространства в условиях процессов глобализации, влияющей на содержание, темпы, формы и результаты эволюции, что предопределяет необходимость создания механизмов планирования, управления, способствующих сохранению традиций социокультурного развития локальных сообществ.

Ключевые слова: социокультурная трансформация, локальные сообщества, идентичность, традиции, ценности, когерентность.

Для цитирования:

Шмаков В.С. Модификация парадигмы социокультурного развития локальных сообществ в зеркале модернизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 494–505.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-494-505>

MODIFICATION OF THE PARADIGM OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF LOCAL COMMUNITIES IN THE MIRROR OF MODERNIZATION

Vladimir S. Shmakov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)

The article deals with the problem of the evolution of socio-cultural development, analyzes the trends of socio-cultural transformation of local communities of Eurasia. The use of socio-cultural, systemic approaches allows us to formulate the fundamental principles of explaining and understanding the dynamics of socio-cultural development. In the course of the evolution of culture and sociality, there arise contradictions associated with the confrontation between liberal standards and traditional values. In the process of global and local structuring, traditional sociocultures are modified into intermediate forms characterized by transitional positions. The Eurasian socio-cultural space is in a state of expansion, diffusion, there is a state of anomie. There is a gap in the construction of the socio-cultural environment between the past and the present, historically formed socio-cultural structures and institutions are disintegrated. The balance of the socio-cultural space is disturbed. The mechanism of socio-cultural synthesis based on the traditional system of values is deformed and ceases to work. The breakdown of traditional socio-cultural ties and relations worsens the reproduction of the social and human capital of communities. The processes of compression, convection of the socio-cultural world, on the one hand, determine attempts to preserve the foundations of socio-culture, while, on the other hand, the pressure of liberal concepts on socio-cultural development is noted, which contributes to the expansion of the socio-cultural space, being the basis of the emerging paradigm of socio-cultural development. In their design, the models of socio-cultural space development combine tradition, modernity and the archaic as the basic structures of an evolving local community. The principle of coherence helps to ensure the identification of all components and modifications of the socio-cultural system. The practical significance of the research lies in the designation and explanation of the dynamics of the development of the Eurasian socio-cultural space in the context of globalization processes affecting the content, pace, forms and results of evolution, which determines the need to create planning and management mechanisms that would contribute to the preservation of the traditions of socio-cultural development of local communities.

Keywords: sociocultural transformation, local communities, identity, traditions, values, coherence.

To cite:

Shmakov V.S. [Modification of the paradigm of socio-cultural development of local communities in the mirror of modernization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 494–505 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-494-505>

Введение

Социокультурная трансформация локальных сообществ определяется производственно-экономическими, институциональными и социокультурными процессами. Эволюция социокультуры отображает преобразования моделей жизнедеятельности, трансформацию социальных и культурных ценностей и нормативных

установок, способствует увеличению социального неравенства. Под давлением глобализации, в условиях формирования многополярного мира происходят изменения на глобальном и локальном уровнях, возникают новые формы социокультурных взаимодействий, меняются традиции функционирования социальных общностей и институтов. Традиционные социокультурные ценности под воздействием либе-

ральных концепций подвергаются значительной трансформации. Отметим, что понятие модернизации (экономическая, политическая, социокультурная) часто смешивают с вестернизацией, по сути предполагающей разрушение традиционной «примитивной» культуры, как это произошло в США, и заменой ее на «цивилизованную», западную, «современную» культуру. С нашей точки зрения, вестернизация — это Голливуд в лице небритого К. Иствуда с кольтом и сигарой. Это очень модернизировало культуру аборигенов Северной Америки в плане ее «очеловечивания».

Тем не менее, влияние многополярного, поликультурного мира обостряет проблему осмысления, сохранения и развития социокультурной идентичности локальных сообществ. Модернизация меняет уклад жизни, мировоззренческие позиции личности и сообщества, приводит к разбалансированию традиционной культуры и социальности. Процессы социокультурной трансформации оказывают генерализирующее влияние на формирование адаптационных стратегий локальных сообществ, моделей развития социокультуры. Рассматривая локальное сообщество как объект исследования, в предметную область мы включаем анализ процессов социокультурной трансформации локальных сообществ в условиях глобализации, модификацию социокультурной идентичности под воздействием внутренних и внешних факторов, обуславливающих набор атрибутов — поведенческих, символических, предметных, — регулирующих развитие культуры и социальности. В этом ракурсе локальные сообщества представляют «открытую, равновесную, целостную социально-экономическую и социокультурную систему общающихся между собой членов сообщества, коллектив людей, объединенных общей территорией проживания, связанных экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями. Сообщество может выступать как субъект управления, определяющий и защищающий общие интересы. Деятельность сообщества направлена на сохранение, развитие, самосовершенствование в целях улучшения уровня и качества жизни людей» [Шмаков В.С., 2017, с. 141–142]. Целью исследования является рассмотрение сущности и тенденций социокультурной трансформации ло-

кальных сообществ. Проблемное поле связано с объективной потребностью анализа эволюции социокультуры, трансформации социокультурной идентичности, когерентности социокультурных процессов локальных сообществ. Формирование системных ценностей, выражающих гуманистический потенциал смыслообразующей деятельности, может способствовать не только обеспечению ускоренного развития страны, но и придать общественной динамике особое ценностное содержание.

Производственно-экономические и социокультурные реакции локальных сообществ на процессы модернизации формируются под воздействием ряда факторов. Во-первых, разрушение локальных производственно-экономических, институциональных и социокультурных укладов под давлением глобализации способствует формированию процессов структурной деформации локальных экономик вследствие встраивания в глобальные экономические связи, что приводит к росту безработицы, потере наработанного технико-технологического потенциала. Прослеживаются процессы архаизации производственно-экономических и социокультурных отношений. Во-вторых, социокультурные отношения локальных сообществ определяются содержанием традиционности, архаики, воспроизводимой сообществом, совокупностью институционализированных, устоявшихся практик жизнедеятельности. Модернизационные процессы способствуют деградации и исчезновению уникальных традиционных хозяйственных укладов, неспособных конкурировать с технологически более оснащенными современными производствами, которые переносятся из развитых стран на периферию. В-третьих, развитие социокультурной среды зависит от внутренних условий существования сообщества, определяемых «месторазвитием»: совокупностью географических, экологических, природных комплексов, в которые вписано сообщество. Эти факторы устанавливают границы возможностей, формы и способы адаптации в рамках доступных сообществу ресурсов, включая человеческий фактор, что предопределяет разрушение целостности локальных сообществ, фиксируя два полюса социально-экономической иерархии: бедных и богатых [Шмаков В.С., 2021, с. 110].

Направления социокультурной эволюции

Выделим несколько основных конструктов, определяющих эволюцию социокультуры.

1. Глобализация оказывает воздействие на развитие культуры и социальности в направлении приспособления к мировой (читай, западной) культуре. Идут процессы осознания цивилизационных преимуществ, важности новых технологий и т.д.

2. Результаты давления глобализации на традиционные сообщества оказываются достаточно болезненными. Социокультурные традиции, предписывающие условия существования и развития локальных сообществ, легитимизируют определяющее значение сообщества над личностью в рамках традиционных норм, обычаев, ценностей, на которых основывается жизнь.

3. Сообщество прилагает определенные усилия для сохранения основ своей жизни, оказывает сопротивление процессам трансформации. Вопрос, в каком направлении будет происходить развитие социокультурной среды локальных сообществ, как будет решаться проблема сохранения социокультурной идентичности, сохраняет свою актуальность. Можно полагать, что социокультурная трансформация — переход к новым качественным характеристикам социокультурной системы, — отображает показатели уровня развития культуры и социальности. Собственно, социокультура обозначает тесную взаимосвязь социальных и культурных факторов, определяющих функционирование локального сообщества, подчеркивает специфический характер, процесс и результат деятельности человека, включая духовные и материальные ценности, а также способы отношений между людьми по поводу создания и потребления этих ценностей. В процессе эволюции социокультура трансформируется как под воздействием собственных механизмов развития, так и под давлением внешних обстоятельств. Экзогенные и эндогенные факторы определяют количественные и качественные изменения условий развития локальных сообществ, которые могут быть сопряжены с разрушением ценностно-смысловых систем, что ставит сообщества перед необходимостью адаптации к новым условиям существования, поиска моделей и механизмов сохранения социокультурной идентичности в условиях открытого соци-

окультурного пространства. Переход от традиционного к глобализованному обществу весьма сложен и болезнен. В процессе трансформации нарушается ценностная сфера жизнедеятельности, устанавливающая систему функционирования и развития локального сообщества, что при самом неблагоприятном сценарии развития может повлечь деградацию и развал. Мы полагаем, что сохранение баланса сил, формирующих механизмы поддержания и развития социокультуры и социокультурной идентичности, должны способствовать добровольному осознанному использованию образцов социокультуры «открытого общества».

Социокультурные метаморфозы в локальных сообществах требуют осмысления тенденций трансформации с точки зрения цивилизационного подхода как наиболее масштабного, позволяющего фиксировать устойчивые компоненты человеческой истории, концентрируя внимание на изменчивых социокультурных структурах. Сущность социокультурного анализа эволюции социокультуры заключается в понимании локального сообщества как единства культуры и социальности, возникающего в процессе деятельности субъекта и сообщества, что позволяет сформулировать основные принципы объяснения и понимания проблем развития социокультурного пространства, формирования социокультурной среды. Социокультурный подход фиксирует возможность вникнуть в суть появления, развития и особенностей функционирования всех системных составляющих, методологически обосновать создание, возникновение и существование социокультурных тенденций, расширяет условия анализа путем рассмотрения различных теорий. Разумеется, социокультурная ситуация требует и системного анализа, который позволяет рассматривать социокультурную деятельность как конкретное целостное явление во всем разнообразии связей, способствующих соотносению ее с другими явлениями, и как длительный исторический процесс. Использование аксиологического подхода дает возможность исследовать развитие культуры и социальности как процедуру овладения ценностями общечеловеческой культуры, формирующими потребности, интересы, традиции, ориентации и др.

В исследованиях социокультура рассматривается как процесс, общественное явление, обо-

значающее совокупность культуры и социальности [Межуев Б.В., 2018; Неклесса А.И., 2020]. Она определяется как категория философского знания, объясняющая социокультурную действительность, количественные и качественные изменения социума, социальных и культурных институтов [Шакирова Е.Ю., Листвина Е.В., 2018; Мусаев М.Е., Шутаева Е.А., 2021]. Активно исследуется проблемное поле трансформирующегося социокультурного пространства и локальность развития социокультуры [Nauge Å.L., 2007; Коптелова Т.И., 2014; Дружинин А.Г., 2021]. К.С. Гаджиев, например, подчеркивает: «можно констатировать тот факт, что идентичность во многом конституируется исторической памятью, традициями и культурой» [Гаджиев К.С., 2011, с. 14].

В процессе социокультурной трансформации происходит возрастание роли универсальной составляющей, локальное под давлением глобализации начинает выполнять компенсаторную функцию. И в этом смысле «трансформация» определяет переход к качественно новому состоянию организации локальных сообществ, возникающей в процессе увеличения удельного веса неравновесных и нелинейных отношений со своим окружением, и может служить неким объясняющим мотивом [Vommes M., 2012; Митрошенков О.А., 2016]. Терминологически «социокультурное» фиксирует единство социальности и культуры, подчеркивая взаимосвязь качественных характеристик социокультурных институтов, социальных практик и индивидуальных видений в масштабах социокультурной системы. Ч.К.-О Ламажаа описывает социокультурную трансформацию как «процесс структурных изменений общественного состояния», а «трансформация означает базовые качественные изменения, когда в основе социальной реальности происходят сдвиги, их отзвуки обычно чувствуются во всех сферах социальной жизни, трансформируют ее важнейшее сущностное качество» [Ламажаа Ч.К.-О., 2011, с. 262]. Л.П. Морина, анализируя проблему «социокультурного бытия», выделяет две парадигмы развития: «Модерна» и «Традиции», рассматривая возможности их диалога, подчеркивает, что такой подход, «во-первых, позволяет в истоке идентифицировать “свое” и “чужое”, которые релятивизируются на поверхности социокультурного бытия. Во-

вторых, позволяет ответить на вопрос, — что принципиально может быть усвоено и переведено из плана “другого” в план “своего”, а что при самых изощренных политических и суггестивно-педагогических процедурах фатально предопределено к чуждости» [Морина Л.П., 2012, с. 132–133]. И далее отмечает, что «основной точкой расхождения является модель человека», а «проблема диалога только поставлена, и она не выглядит легкоразрешимой» [Морина Л.П., 2012, с. 135]. Заметим, что смена парадигм — явление долговременное, а диалог — не просто договор о чем-то, но борьба интеллектуальных и социально-политических сил, которая сводится не только к пересмотру социокультурных ценностей, традиций, норм жизнедеятельности и т.д. Смена социокультурной парадигмы — это борьба «своего» и «чужого» в масштабах локального сообщества за сохранение основ жизнедеятельности, в которых воспроизводится и развивается субъект.

Рассматривая проблему социокультурной трансформации в глобальном смысле, необходимо отметить, что она обусловлена и взаимосвязана с производственно-экономическими, политическими и институциональными процессами. Вместе с тем обладает особенностями, определяемыми традиционными формами культуры и социальности, отличающими ее от других субкультур. Очевидно, что быстрые преобразования социокультурной традиции невозможны. Ю.Г. Марченко подчеркивает: «процесс социальной трансформации непостоянен по содержанию и темпам развития, в нем ожидаемые качества могут прирастать неожиданными. В каждой конкретной сфере культуры трансформация происходит специфично, имеет свои скорости и объемы, и, безусловно, пределы изменений, регламентируемые возможностью утраты идентичности» [Марченко Ю.Г., 2009, с. 49]. В этом смысле социокультурная трансформация обостряет проблемы определения места и роли социокультурной идентичности в изменившихся социально-экономических условиях. Как следствие возникает потребность поиска новой аргументации, определяющей необходимость или, наоборот, необязательность сохранения традиционных ценностей, вписывающихся в кросскультурные тенденции развития локальных сообществ. Это оказывает влияние на формирование адаптации-

онных стратегий, определяющих направления социокультурного развития, формирование моделей социокультуры.

Факторы трансформации социокультурного развития

Сформулируем несколько векторов, определяющих механизмы социокультурной трансформации локальных сообществ. 1. Проблема «месторазвития», которую поставил и обосновал один из лидеров евразийства П.Н. Савицкий [Савицкий П.Н., 2002а, 2002b]. 2. Вектор времени, который объединяет и фиксирует прошлое, настоящее и будущее локальных сообществ. В этом векторе отражается вся система жизнедеятельности сообщества, включая развитие культуры и социальности, эмоциональное отношение к историческим и культурным ценностям, наличие и деятельность институтов, определяющих сферу социокультурной жизни, перспективы развития. 3. Процессы модернизации, оказывающие генерализирующее влияние на изменение политического и государственного устройства, трансформацию производственно-экономических оснований, способствующих эволюции социокультурных смыслов жизни локальных сообществ. 4. Трансформация институтов поддержания социокультурной целостности, идентичности, сохранения традиций самоидентификации. 5. Важным фактором социокультурных преобразований является воздействие глобальной массовой культуры в стиле приемов вестернизации как социокультурного насилия. Интернационализация породила массовую культуру, оказывающую интегрирующее воздействие на локальные социокультурные пространства. Глобализация способствует, с одной стороны, сближению локальных социокультур, с другой, служит инструментом диверсификации, обособления, замкнутости. 6. Социокультурная трансформация происходит под влиянием объективных и субъективных факторов, и по своему содержанию представляет действие, объединяющее в себе единство целенаправленного влияния и стихийно складывающегося процесса трансформации.

Поскольку динамика социокультурной эволюции непостоянна по содержанию, темпам и формам развития, подразумевается необходимость регулирующего воздействия, определяющего пределы изменений, создание механиз-

мов управления, позволяющих сохранять традиционное социокультурное пространство локальных сообществ. Подчеркнем, что складывающаяся социокультурная ситуация обусловлена объективными и субъективными факторами и является логическим результатом кардинальных производственно-экономических, институциональных и социокультурных инноваций. Одной из главных проблем социокультурной трансформации является задача сохранения и развития социокультурной идентичности локальных сообществ. Изучение различных аспектов трансформации социокультурной идентичности ставит ряд вопросов, касающихся определения понятий, влияния глобализации на модификацию форм социальных взаимодействий, способствующих изменениям, происходящим в локальных сообществах, трансформации институтов, определяющих и регулирующих развитие культуры и социальности. Социокультурные ценности подвергаются давлению глобализации, что приводит к конфронтации традиционных ценностных норм, стандартов, обычаев и западной «массовой культуры». В процессе изменения условий жизнедеятельности локальных сообществ разрушаются ментальные основы социокультурной идентичности, что порождает негативные последствия (упадок, дезинтеграцию, аномию), которые поставили Россию на грань выживания. Дефиниции идей, выражающих идентификационные параметры и систему координат локальных сообществ, их сохранение и развитие являются залогом нравственного, духовного и материального возрождения страны, повышения ее статуса в мире. В общем смысле социокультурная идентичность раскрывает отношение личности к культуре и социуму, определяет процесс формирования базовых ценностей, указывает его место в локальном сообществе на уровне понимания «свой – чужой», формирует отношение личности к самому себе, другим людям, сообществу и миру в целом.

Положение «свой – чужой» заостряет неоднозначность процессов онтогенеза социокультурной идентичности, подчеркивает необходимость выявления механизмов, в той или иной степени определяющих перспективы сохранения и воспроизводства традиционных норм и ценностей. Э. Эриксон, рассматривая проблему наличия базовой идентичности, являющейся

основанием и условием формирования и функционирования социокультуры, отмечает, что «идентичность содержит взаимодополнительность прошлого и будущего: как в индивиде, так и в обществе она связывает актуальность уходящего прошлого с актуальностью открывающегося будущего. Ни романтизация прошлого, ни меркантильный подход к будущему успеха не принесут» [Эриксон Э.Г., 1996, с. 323]. Возникает вопрос, можно ли определить базовую идентичность как краеугольный камень социокультурной идентичности локального сообщества. Насколько социокультурная система способна к саморегуляции, сохранению традиционных ценностей и, главное, к пониманию и восприятию социокультурных ценностей субкультур? В этом ракурсе С. Хантингтон, характеризуя проблему идентичности, зафиксировал: «идентичностью обладают индивиды, и группы». «Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению». «Индивиды, как и группы (хоть и в меньшей степени), обладают множественными идентичностями». «Идентичности определяются “самостью”, являясь при этом результатом взаимодействия конкретного человека или группы с другими людьми или группами» [Хантингтон С., 2008, с. 50–53]. Э. Эриксон постулирует несколько иной подход, связанный, вероятно, с его специализацией психолога. «Еще раз подчеркивая взаимосвязь биографии и истории, я должен упомянуть о досадном и странном, никогда мной не подразумевавшемся отождествлении термина “идентичность” с вопросом “Кто я?” Человек задает себе такой вопрос, либо временно находясь в болезненном состоянии, либо в момент плодотворного внутреннего конфликта, или в отрочестве...» [Эриксон Э.Г., 1996, с. 328]. Французский социолог А. Турен воспроизвел свой вывод без лишних затрат содержательно и коротко: «идентичность — осознанное самоопределение социального субъекта» [Touraine A., 1973, p. 360]. С.Л. Соловьева, исследуя психологические механизмы развития идентичности, отмечает, что первостепенная функция идентичности «состоит в обеспечении приспособления к новым социальным условиям, сохранении определенности и целостности. Понятие “идентичность” носит интегративный характер, объ-

единя в себе индивидуальное и социальное начало и представляя собой явление, которое вытекает из диалектической взаимосвязи общества и индивида, характеризуя качество этой взаимосвязи» [Соловьева С.Л., 2018, с. 5].

Мы полагаем, что эти подходы к проблеме идентичности в большой степени касаются и современного развития Российской Федерации, особенно относительно сохранения «самости», что в условиях многонационального государства становится головной болью, требующей если не решения, то широкого обсуждения. Речь идет о конструктивных преобразованиях традиционных социокультурных ценностей, способствующих приобретению новых качеств, что делает их менее устойчивыми к влиянию времени. Понятно, что достаточно жесткий подход к неприятию ценностей «соседей» драматизирует, создает затруднения в системе межнациональных отношений, неприятием «чужого», самоизоляции. Базовая социокультурная идентичность, с нашей точки зрения, представляет собой динамическую структуру, имеющую механизмы саморегуляции, обеспечивающие поддержание, сохранение и воспроизводство культуры и социальности локальных сообществ. Основным механизмом сбережения норм, ценностей, жизненных укладов выступают национальные традиции, социальное и культурное наследие. В этом случае сущность социокультурной трансформации есть процесс качественного изменения жизнедеятельности локального сообщества, социальных и культурных институтов, регулирующих процессы социокультурного развития. Формирование и развитие социокультурных институтов — процесс сложный и многофакторный. Функции институтов многозначны, как и механизмы их функционирования.

Прогнозируемые, планируемые качественные и количественные изменения могут и не состояться. Исследование эволюции социокультуры дает возможность глубже понять процессы, происходящие в локальных сообществах, получить возможность прогнозировать и планировать результаты в целях компетентного управленческого воздействия для стимулирования, торможения, коррекции процессов в целом или каких-либо отдельных структурных элементов. В этом ключе социокультурная динамика есть процедура преобразования и со-

вершенствования социокультурной среды и реформирования социокультурного пространства под воздействием эндогенных и экзогенных факторов.

В ходе социокультурной трансформации в Российской Федерации обозначились две системы ценностей — либеральная и традиционная, составляющие основу модификации социокультурной идентичности. Формируются модели управления культурой и социальностью, в которых значительная часть регулятивных функций отдана процессам саморегуляции и обратной связи. В ходе социокультурной эволюции субъекты локальных сообществ объединяются на основе языка, традиционных ценностей, религии и т.д., что усиливает стохастичность протекающих процессов. Возрождаются старые противоречия и разногласия, а смена производственно-экономических условий, институциональности приводит к возникновению диссонанса между нарастающей скоростью изменений, консервативностью институтов и недостаточностью возможностей традиционной «картины мира» для адаптации к новым реалиям. Глобализация обостряет эти противоречия, меняется социокультурная картина мира, что приобретает зловещее звучание. Возросшая динамика социокультурных процессов значительно опережает способности локальных сообществ к адаптации.

Складывающаяся парадигма социокультурной динамики предполагает использование модели развития, которая подразумевала бы системное изучение основных социокультурных характеристик локальных сообществ, отражающих его современное социокультурное и духовно-нравственное состояние. В основу модели может быть положен принцип когерентности, использование которого способствует обеспечению идентификации всех компонентов и модификаций социокультурной системы, обеспечению контроля за информацией, вносимой в социокультурную среду. Возможна разработка механизмов, обеспечивающих сохранение и развитие социокультурных ценностей, раскрывающих структуру системы и ее функции, а также отвечающих за координированное управление развитием и улучшением характеристик системы. Когерентность в этом контексте представляет собой понятие, фокусирующее в себе временные, процедурные, коммуни-

кативные, функциональные типы связности, конституирующие культуру и социальность. Прослеживание когерентных связей является, на наш взгляд, фундаментом микро-и макроуровневой интеграции социокультурного университета. Проблему когерентности культуры и социальности можно рассматривать как понятие, маркирующее архитектуру современных социокультурных коммуникаций, и как фактор, формирующий систему социокультурных взаимозависимостей и взаимодействий. Когерентный подход позволяет, во-первых, анализировать этапы зарождения, эволюции и смены социокультурных форм, представлять культуру и социальность как системно передаваемый от поколения к поколению социально и исторически значимый опыт. Во-вторых, проследить когерентные связи на микро-и макроуровневой интеграции сообщества, наблюдать за развитием и влиянием внешних и внутренних факторов на существенные структуры социокультурного пространства. В-третьих, использование принципа когерентности при исследовании трансформации культуры и социальности позволяет фиксировать степень усиления или ослабления, истощения социокультурной деятельности в целях контроля, исправления, дополнения, получения обратной связи и т.д. В-четвертых, прогнозировать, планировать результаты. [Шмаков В.С., 2022]. Когерентность способствует согласованию социокультурных пакетов во времени протекания процессов, значимых для социокультурной деятельности, что дает возможность увидеть за распределением формальных особенностей глубинные структуры современной социокультурной динамики. Использование принципа когерентности в анализе многоэтапного развития культуры и социальности дает возможность предопределять результаты инициированного процесса, отмечать стадии усиления или ослабления социокультурной деятельности, что является необходимым условием контроля развития системы, ее исправления, дополнения, получения обратной связи и т.д.

Заключение

Анализируя проблему воздействия глобализации на трансформацию социокультурного развития, можно отметить, что ее влияние носит двойственный характер. На фоне формирова-

ния глобального экономического пространства отмечается, с одной стороны, активизация и углубление интеграционных процессов, с другой, прослеживается тенденция локализации, обособления культуры и социальности. Трансформируются традиционные социокультурные ценности, идеалы, мораль, отношение к природе и обществу. Претерпевает существенные изменения социокультурная идентичность, размывается государственность. В этом отношении евразийство, исторически обладающее определенной интеллектуальной традицией, заметным популярным умонастроением и мировосприятием, можно рассматривать как своеобразную попытку подготовки мировоззренческого основания для формирования идеологической платформы создания евразийской государственности, способной противостоять давлению западных концепций. Евразийское социокультурное пространство содержит в себе географический, социокультурный, национально-исторический контексты. В этом смысле социокультурную сферу жизнедеятельности локальных сообществ необходимо рассматривать в процессе исторической динамики, характеризующуюся традиционными нормами, ценностями, моделями, и имеющую разновекторную направленность на локальность и универсальность.

В целом, социокультурная эволюция определяется в рамках нескольких основных конструкторов. Во-первых, глобализация оказывает воздействие на развитие евразийского социокультурного пространства в направлении формирования полиполярного мира, приспособления к мировой (читай, западной) культуре. Во-вторых, прослеживаются процессы осознания цивилизационных преимуществ, важности новых технологий и т.д. В-третьих, под давлением либеральной «массовой» культуры осуществляется своеобразное социокультурное «насилие», замена социокультурной эволюции модернизацией в стиле вестернизации.

В локальных сообществах в результате модернизационных процессов происходит разрушение традиционных социокультурных связей и отношений, обеспечивающих воспроизводство социального и человеческого капитала сообществ. Нарушается баланс соотношения устойчивости и изменчивости социокультурной сферы. Режим равновесия, являющийся осно-

вой жизнедеятельности сообществ в историческом времени и пространстве, гарантировавший сосуществование многообразия социальных и культурных ценностей, находится в состоянии бифуркации, возрастает угроза сохранению и развитию традиционной социокультурной общности. Осуществляются процессы смены социокультурных стереотипов, ориентирующие локальные сообщества в системе нормативных социокультурных поведенческих характеристик, размываются ценностные ориентации, нормы, стандарты, идеалы. Глобализация предопределяет некоторую целостность развития экономического и социокультурного пространства, дифференцируя уровень социально-экономического развития. Эти процессы детерминируют движение нелинейности, локализации регионов, что порождает противоречия глобальности и локальностей, проблему социокультурной интеграции и дезинтеграции локальных сообществ, разрушая социокультурную идентичность.

1. В условиях глобальной и локальной реструктуризации социокультурного пространства формируются сценарии, определяющие перспективы развития евразийского социокультурного пространства. Локальные сообщества, находящиеся в условиях социально-экономической нестабильности, деструкции производства, испытывают затруднения во всех сферах жизнедеятельности, ощущают разрушение целостности сообщества до полной дезинтеграции. Отмечаются процессы модификации содержательных традиционных качеств в промежуточные формы, дающие возможность приспособляться к новым условиям. Под давлением либеральных концепций формируются условия унификации, шаблонирования социокультурной среды, что приводит социокультурное пространство в состояние диффузии, нестабильности, аномии.

2. Социокультурное пространство находится в состоянии расширения, более полно ощущаются воздействия либеральных концепций на социокультурное развитие. Положение социокультурного пространства характеризуется переходностью позиций. В результате «новых» ориентаций возникают разрывы между прошлым и настоящим, что способствует разрушению, дезинтеграции прежних социокультурных структур и институтов. В литературных источ-

никах обсуждается конфликт между современной и традиционной культурами, где глобальное представлено как система прогрессивных общечеловеческих универсальных ценностей, а локальное — как нечто второстепенное. Такой подход страдает узостью, ограниченностью и противоречит прогрессу, активизирует процесс деструкции культуры и социальности локальных сообществ, способствует размыванию идентификационных рамок, разрушению системы доминирующих в сообществе ценностей и смыслов, которые сформировались в ходе исторического развития.

3. Локальные сообщества ощущают необходимость сохранения традиционных социокультурных ценностей. В условиях состояния сжатия, конвекции социокультурного мира осуществляют попытки консервации основ социокультуры. В процессе перехода от традиционализма, локальности сообщества пытаются сберечь свою историю и идентичность. Локальное сообщество поляризуется. Конфликт традиционных и «новых» ценностей способствует расколу, возникновению противоречий, конфликтности интересов сторонников и противников социокультурной модернизации. Формируются социально-территориальные локации, в рамках которых сообщества пытаются сохранить специфическую социокультурную среду обитания.

4. Поляризация социокультурного пространства способствует деструкции традиционных, символических, предметных атрибутов, являющихся фундаментом, основой жизнедеятельности сообществ, порождает преобразование социальных и культурных маркеров. В процессе социокультурной трансформации продуцируются модели социокультурного развития, фиксирующие возникновение противоречий между движением к унификации, универсализации культуры и социальности, и сохранением, стабилизацией традиционных социокультурных ценностей.

Социокультурную трансформацию необходимо анализировать как процесс, ассоциирующий традицию, модерн и архаику, рассматривая их базовыми структурами эволюционирующего локального сообщества.

Отметим, что механизм социокультурного синтеза, интеграции локального сообщества на основе существующей системы ценностей в целях обеспечения воспроизводства и функци-

онирования локального сообщества деформируется и перестает работать. Динамика социокультурных процессов локальных сообществ определяется в масштабах от попытки сохранения традиций социокультурного развития сообществ до разрушения социокультурной идентичности. Противоречия, связанные с конфронтацией либеральных стандартов и традиционных ценностей, можно оценивать как диссонанс между многообразием традиционных социокультурных интересов и способностью государства эффективно решать задачи управления и развития социокультурной среды.

Выявление основных вызовов и угроз для сохранения социокультурной идентичности, определение механизмов стабилизации и воспроизводства традиционной культуры и социальности, моделирование социокультурного развития, регулирование процессов взаимосвязи и взаимоотношений в ходе социокультурного диалога, есть задача, решение которой может снять масштабные проблемы сохранения социокультурной идентичности в рамках геокультурного пространства Евразии.

Список литературы

- Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
- Дружинин А.Г.* Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного фед. ун-та, 2021. 270 с.
- Коптелова Т.И.* Евразийская методология изучения социального развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1(33). С. 141–146.
- Ламажаа Ч.К.-О.* Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 262–264.
- Марченко Ю.Г.* Социокультурные трансформации в постсоветском российском обществе: история, реалии, альтернативы // Социальная политика и социология. 2009. № 1(43). С. 46–52.
- Межуев Б.В.* Есть ли у России свой «цивилизационный код», и в чем он может заключаться? // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 35–43. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440000221-8>
- Митрошенков О.А.* Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям (социально-философский анализ) // Власть. 2016. Т. 24, № 2. С. 14–28.

Морина Л.П. Социокультурные трансформации в современном мире: аналитические аспекты // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2012. Т. 25(64), № 1–2. С. 131–136.

Мусаев М.Е., Шутаева Е.А. Социокультурная трансформация на постсоветском пространстве в условиях современной глобализации мирохозяйственного развития // Инновационная наука. 2021. № 7. С. 79–81.

Некlessа А.И. Приватизация будущего. Движение к новой семантике, концепции и практике мира // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 153–166. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.11>

Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства / сост. Н. Агамалян и др. М.: Артогея-центр, 2002. С. 297–304.

Савицкий П.Н. Евразийство // Основы евразийства / сост. Н. Агамалян и др. М.: Артогея-центр, 2002. С. 266–280.

Соловьева С.Л. Идентичность как ресурс выживания // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 1(48). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2018_1_48/nomer08.php (дата обращения: 23.01.2023). DOI: <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11050>

Шакирова Е.Ю., Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: антропологические метаморфозы // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 55–65.

Шмаков В.С. Влияние производственно-экономической модернизации на трансформацию социокультурной идентичности // BENEFICIUM. 2021. № 1(38). С. 106–113. DOI: [https://doi.org/10.34680/beneficium.2021.1\(38\).106-113](https://doi.org/10.34680/beneficium.2021.1(38).106-113)

Шмаков В.С. Когерентность социокультурных процессов: к проблеме методологии // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2022-20-2-103-111>

Шмаков В.С. Сельские локальные сообщества: к методологии исследования // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 4. С. 135–145. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2017-15-4-135-145>

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2008. 640 с.

Эриксон Э.Г. Идентичность: Юность и кризис / пер. с англ. А.Д. Андреева и др. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Bommes M. Integration Takes Place Locally: On the Restructuring of Local Integration Policy // Immigration and Social Systems: collected essays of M. Bommes / ed. by C. Boswell, G. D'Amato. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, 2012. P. 125–155. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048517299-009>

Hauge Å.L. Identity and Place: a Critical Comparison of three Identity Theories // Architectural Science Review. 2007. Vol. 50, iss. 1. P. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.3763/asre.2007.5007>

Touraine A. Production de la société. Paris: Seuil, 1973. 542 p.

References

Bommes, M. (2012). Integration takes place locally: On the restructuring of local integration policy. C. Boswell, G. Amato (eds.) *Immigration and social systems: Collected essays of M. Bommes*. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, pp. 125–155. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048517299-009>

Druzhinin, A.G. (2021). *Idei klassicheskogo yevraziystva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskii analiz* [The ideas of classical Eurasianism and modernity: socio-geographical analysis]. Rostov-on-Don, Taganrog: SFU Publ., 270 p.

Erickson, E.G. (1996). *Identichnost': Yunost' i krizis* [Identity: Youth and crisis]. Moscow: Progress Publ., 344 p.

Gadzhiev, K.S. (2011). [National identity: conceptual aspect]. *Voprosy Filosofii*. No. 10, pp. 3–16.

Hauge, Å.L. (2007). Identity and place: a critical comparison of three identity theories. *Architectural Science Review*. Vol. 50, iss. 1, pp. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.3763/asre.2007.5007>

Huntington, S. (2008). *Kto my? Vizovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti* [Who are we? Challenges to American national identity]. Moscow: AST Publ., 640 p.

Koptelova, T.I. (2014). [Eurasian methodology of studying social development]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 1(33), pp. 141–146.

Lamazhaa, C.K.-O. (2011). [Social transformation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 1, pp. 262–264.

Marchenko, Yu.G. (2009). [Sociocultural transformations in post-Soviet Russian society: history, realities, alternatives]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology]. No. 1(43), pp. 46–52.

Mezhuev, B.V. (2018). [Does Russia have its own «civilizational code», and what can it consist of?].

Voprosy Filosofii. No. 7, pp. 35–43. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440000221-8>

Mitroshenkov, O.A. (2016). [Identity: From theoretical concept to the administrative influence (socio-philosophical analysis)]. *Vlast'*. Vol. 24, no. 2, pp. 14–28.

Morina, L.P. (2012). [Sociocultural transformations in the modern world: analytical aspects]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya* [Scientific notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political Science. Sociology]. Vol. 25(64), no. 1–2, pp. 131–136.

Musaev, M.E. and Shutaeva, E.A. (2021). [Sociocultural transformation in the post-Soviet space in the conditions of modern globalization of world economic development]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science]. No. 7, pp. 79–81.

Neklessa, A.I. (2002). [Privatization of the future. Movement towards new semantics, concepts and practices of the world]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2, pp. 153–166. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.11>

Savitskiy, P.N. (2002). [Eurasianism]. *Osnovy evraziystva* [Fundamentals of Eurasianism]. Moscow: Artogeya-Tsentr Publ., pp. 266–280.

Savitskiy, P.N. (2002). [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. *Osnovy evraziystva* [Fundamentals of Eurasianism]. Moscow: Artogeya-Tsentr Publ., pp. 297–304.

Shakirova, E.Yu. and Listvina, E.V. (2018). [Modern socio-cultural situation: anthropological metamorphoses]. *Voprosy Filosofii*. No. 1, pp. 55–65.

Shmakov, V.S. (2017). [Rural local communities: on the study methodology]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy]. Vol. 15, no. 4, pp. 135–145. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2017-15-4-135-145>

Shmakov, V.S. (2021). [The impact of industrial and economic modernization on the transformation of socio-cultural identity]. *BENEFICIUM*. No. 1(38), pp. 106–113. DOI: [https://doi.org/10.34680/beneficium.2021.1\(38\).106-113](https://doi.org/10.34680/beneficium.2021.1(38).106-113)

Shmakov, V.S. (2022). [Coherence of socio-cultural processes: on the problem of methodology]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy]. Vol. 20, no. 2, pp. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2022-20-2-103-111>

Solov'eva, S.L. (2018). [Identity as a resource of survival]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. Vol. 10, no. 1(48). Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2018_1_48/nomer08.php (accessed 23.01.2023). DOI: <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11050>

Touraine, A. (1973). *Production de la société* [Production of the company]. Paris: Seuil Publ., 542 p.

Об авторе

Шмаков Владимир Сергеевич

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН,
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;
e-mail: vsshmakov@gmail.com
ResearcherID: ITU-6788-2023

About the author

Vladimir S. Shmakov

Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch
of the of the Russian Academy of Sciences,
8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia;
e-mail: vsshmakov@gmail.com
ResearcherID: ITU-6788-2023

УДК 1:301(470)

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-506-516>

Поступила: 18.07.2023

Принята: 12.10.2023

Опубликована: 22.12.2023

ДИХОТОМИЯ «ЭЛИТА–МАССЫ» В ИДЕОЛОГИИ ВНЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Козырев Максим Сергеевич

Академия управления МВД России (Москва),

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва)

Цель статьи — выявление особенностей социального противопоставления между населением и внесистемной оппозиции на основе анализа идеологии последней. Методологической базой работы является тезис о том, что тому или иному социальному положению соответствуют определенные точки зрения и тип мышления (тотальная идеология). Поэтому схожие идеологические интенции различных групп внесистемной оппозиции относительно описываемой дихотомии приводят к мысли, что социальное положение у них тоже схожее. По всей видимости, это группы профессиональных политиков, стремящихся занять более высокие социальные позиции либо вернуться на те, которые они занимали ранее. Также к характеристике этих групп можно отнести обладание ими высокого уровня квалификационного ресурса, делающего возможным формулирование тех или иных идеологических конструкций относительно высокого уровня экономического ресурса, что исключает из их дискурса проблему дефицитности материальных средств к существованию, присущую большинству населения современной России, а также социальную замкнутость, не позволяющую артикулировать интересы иных групп, к которым они не принадлежат. Это приводит к умозаключению, что внесистемная оппозиция представляет собой выходцев из среды городской интеллигенции, в том числе околоэлитарной, с завышенными ожиданиями касательно своего общественного положения. Из «иметь или быть» они выбирают первое. Несмотря на оппозиционность, эти группы не стремятся взорвать или существенным образом реконструировать существующий социальный порядок. Их идеологии нельзя причислить к утопиям, а пределом чаяний внесистемной оппозиции является собственная восходящая вертикальная социальная мобильность.

Ключевые слова: идеология, анализ документов, социальная дифференциация, внесистемная оппозиция, противопоставление.

Для цитирования:

Козырев М.С. Дихотомия «элита–массы» в идеологии внесистемной оппозиции современной России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 506–516.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-506-516>

THE «ELITE–MASS» DICHOTOMY IN THE IDEOLOGY OF THE NON-SYSTEMIC OPPOSITION OF MODERN RUSSIA

Maksim S. Kozyrev

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow),
Plekhanov Russian Economic University (Moscow)*

The article aims to identify the features of the social opposition between the population and the non-systemic opposition based on an analysis of the ideology of the latter. The methodological basis of the work was the proposition that a certain social position corresponds to certain points of view and type of thinking (total ideology). Therefore, similar ideological intentions of various groups of non-systemic opposition in relation to the described dichotomy leads to the idea that their social position is also similar. Apparently, these are groups of professional politicians seeking to occupy higher social positions or return to the ones they previously occupied. These groups can also be characterized by a high level of qualification resources, which makes it possible to formulate certain ideological constructs, a relatively high level of economic resource, which excludes from their discourse the problem of scarcity of material means of subsistence, inherent in the majority of the population of modern Russia, as well as social isolation, which does not allow them to articulate the interests of other groups to which they do not belong. This leads to the conclusion that the non-systemic opposition represents people from the urban intelligentsia, including the near-elitist intelligentsia, with inflated expectations of their social status. From «to have or to be» they choose the former. Despite their being in opposition, these groups do not seek to blow up or substantially reconstruct the existing social order. Their ideologies cannot be classified as utopias, and the limit of the aspirations of the non-systemic opposition is its own upward vertical social mobility.
Keywords: ideology, document analysis, social differentiation, non-systemic opposition, opposition.

To cite:

Kozyrev M.S. [The «elite–mass» dichotomy in the ideology of the non-systemic opposition of modern Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 506–516 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-506-516>

Введение

Особенность идеологии как источника информации в том, что она представляет собой не только обоснование интересов, деятельности и целей тех или иных социальных групп, но зачастую и образное метафорическое представление действительности [Гирц К., 2004]. Естественный язык неспособен передать все нюансы социальной реальности, поэтому одна из функций идеологии — это символическое моделирование действительности. Если учесть этот момент, то идеолог является нам не столько в виде ловкого манипулятора сознанием, сколько художника, чье образное мышление поможет нарисовать

«дорожную карту» и не дать заблудиться в постоянно усложняющемся социальном мире.

Однако, даже выхолостив ложь и манипуляции, мы вряд ли получим объективное, пусть фигуральное и образное, описание сложившегося положения дел. Социальная действительность неизбежно накладывает отпечаток на наше мышление. Более того, определенному социальному положению соответствуют определенные точки зрения, способы мышления, методы наблюдения, аспекты [Манхейм К., 1994, с. 220]. Это фундаментальное свойство общественного бытия, без которого вряд ли была бы возможна адаптация личности к социальной среде в частности и ее функционирова-

ние вообще. Человеческое сознание социально субъективно, как бы нам этого ни хотелось.

В итоге исследователь сталкивается с любопытным противоречием. С одной стороны, идеология может быть ценным источником информации, которым грех не воспользоваться в таком качестве. С другой, эта информация явно искаженная, субъективная, выраженная метафорически. Разрешить это противоречие можно, если встать на позиции своего рода дешифратора, используя научно обоснованные методики интерпретации. Проблема лишь в научном качестве последней.

Дополнительным доводом в пользу выбора идеологии как источника информации будет ее непринужденность. В том смысле, что у идеологов есть возможность высказаться самостоятельно и на свое усмотрение по тем вопросам, которые они сочтут актуальными и важными без какого-либо явного или латентного принуждения. Интервьюер или анкета не дают на человека, пытаясь выяснить его, возможно, несуществующее мнение.

Предметом данного исследования является дихотомия «элита–массы». Подобное разделение и противопоставление имеет для современной социальной стратификации Российской Федерации фундаментальное значение. Индустриализация, урбанизация XX в. и связанная с ними массовая восходящая социальная мобильность населения породили столь же массовые ожидания высокого уровня потребления. Однако экономические трансформации тридцатилетней давности сделали невозможным их реализацию для большинства населения страны. Более того, мировоззренческая ориентация на материальное изобилие как мерило жизненного успеха только усилилась. Обретение богатства и элитарность стали медийным мейнстримом. При таких условиях возникает подробно описанное Робертом Мертоном [Мертон Р.К., 2006] расхождение между социальной и культурной структурой: элитой хотят стать почти все, но только у меньшинства есть реальные возможности ею быть. Девиз сословного общества «каждому свое» отбрасывается. Соответственно, социум разделяется на две конкурирующие и разновеликие стороны. Первые — те, кто борьбу за обладание экономическим ресурсом выиграл, вторые — те, кто проиграл. Масло в огонь подливают дефицитность

экономического ресурса, а также сомнительная этическая и правовая приемлемость обретения государственных предприятий во время их приватизации. В итоге между элитой и всеми остальными возникает противопоставление и противостояние, в котором последние задают риторический вопрос «а чем мы хуже?». Первые же находят подобные притязания несостоятельными, обвиняя массы в безответственности, пассивности, архаичности, неспособности самостоятельно мыслить, самоорганизоваться и т.п. [Козырев М.С., 2017].

В этой связи крайне любопытным научным вопросом является отношение к указанной дихотомии со стороны тех, кто, как может показаться, занимает промежуточное положение в ней, т.е. внесистемной оппозиции. Очевидно, что оппозиционность заставляет противопоставлять (а равно и противостоять) себя правящей элите, но не ясно, отождествляют ли они себя с населением, народными массами? И будут ли эти противопоставления и отождествления не только политическими, но и социальными? Именно этим вопросам посвящена данная работа.

Методология и методы

Методологической основой статьи являются научные изыскания ряда ученых, среди которых следует выделить, например, Карла Манхейма и Пьера Бурдьё. Согласно выводам первого, определенному социальному положению соответствуют определенные точки зрения и тип мышления (тотальная идеология) [Манхейм К., 1992]. Схожая интенция обнаруживается у Пьера Бурдьё. По его мнению, в идеологических системах воспроизводится в неузнаваемом виде структура поля социальных классов [Бурдьё П., 2007, с. 93, 186]. Как было сказано выше, основной загвоздкой является релевантная интерпретация идеологического материала. С этой целью будет применен классический анализ документов, направленный на выявление смысла (в том числе неявного) текста. Узким местом этого метода является слабая формализованность и, как следствие, зависимость от квалификации исследователя, нивелировать которое помогут «точные критерии», разработанные Манхеймом [Манхейм К., 1994, с. 607–609], и критерии истинности интерпретации текста, определенные философами постмодернизма [Гадамер Г.-Г.,

1991; Деррида Ж., 2000; Эко У., 2016]. К первой категории относятся значение применяемых понятий, структура категориального аппарата, господствующие модели мышления, феномен контрпонятия, ступень или уровень абстракции социальной группы, предпосланная онтология. Ко второй — право текста на буквальный смысл, необходимость учета социально-исторического контекста создания текста и его внутреннюю согласованность.

В качестве источника информации выступают материалы политических партий, размещенных на официальных сайтах таковых, либо статьи и иные работы их лидеров. В число субъектов внесистемной оппозиции были включены «Яблоко», «Парнас», «Россия будущего», а также общественные объединения русских националистов. Признаками отнесения именно к такой категории являются либо отсутствие легального статуса партии или общественного объединения (отсутствие в реестре Министерства юстиции РФ), либо слабая вовлеченность (отсутствие таковой) в государственное управление. Последнее следует из анализа партийной принадлежности депутатов Государственной Думы РФ и региональных законодательных собраний.

Помимо прочего следует оговорить еще один нюанс. Партии внесистемной оппозиции часто не имеют доступа к традиционным средствам массовой коммуникации (телевидение, радио), что заставляет их использовать наиболее доступный канал распространения информации — Интернет. Однако российскими властями в последнее время интернет-ресурсы внесистемной оппозиции (в первую очередь официальные сайты партий, исключенных из реестра Минюстом) активно блокируется. Поскольку данная работа — это результат многолетнего труда автора, то ряд источников были проанализированы до того, как они были изъяты из открытого доступа или поменяли доменное имя во всемирной паутине.

Результаты и обсуждение

Политическая партия «Яблоко»

Элита у данной партии описывается как ловкие беспринципные, аморальные [Вишневский Б.Л., 2018], эгоистичные [Коган-Ясный В.В., 2016], некомпетентные, невежественные мошенники

[Вишневский Б.Л., 2018], основание власти которой — это манипуляция сознанием, ложь и насилие [Коган-Ясный В.В., 2016]. При этом распространены упреки в отсутствии саморефлексии [Коган-Ясный В.В., 2016], подавлении российского потенциала развития [Либеральные ценности..., 2015] или отказ в праве на элитарность вообще [О Европейском пути России, 2014].

Анализ вышеуказанного вызывает закономерный вопрос: как лица с такими низкими морально-деловыми качествами смогли захватить власть и удерживать ее в течение трех десятилетий?

Один из ответов можно увидеть ниже.

«Так работает негативный отбор — чем человек подлее, лицемернее, бесчестнее, тем у него сегодня больше шансов сделать властную карьеру» [Вишневский Б.Л., 2018, с. 154].

Создается впечатление, что именно порядочность, честность, ум, высокий уровень образования и профессионализма мешают представителям «Яблока» захватить политическую власть в России. Но они не теряют надежд сформировать элиту, обладающую данными качествами. Подтверждением чего служит следующая цитата: «Ядро демократической оппозиции — это такая элита. Формированием этой элиты и должно заниматься “Яблоко”» [О Европейском пути России, 2014, с. 24].

Отношение к большей части населения России двойственно.

С одной стороны, можно наблюдать признание талантов русского народа [Главное. Основные публикации..., 2018], гражданской активности населения [Либеральные ценности..., 2015], чему свидетельствуют указанные ниже цитаты.

«Есть, конечно, разные точки зрения, но точка зрения моя и моих товарищей заключается отнюдь не в том, что российский народ какой-то не такой. Российский народ ровно такой же, как и все образованные народы мира — не лучше и не хуже» [Историческое знание..., 2014].

«Теперь выйдите на улицу и спросите любого прохожего, и он тоже захочет всего этого. Получается, что подавляющее большинство людей придерживается демократических взглядов» [Вишневский Б.Л., 2018, с. 213–214].

«...повысился уровень гражданской активности, возникали формальные и неформальные объединения граждан, которые также в разной

форме взаимодействовали с либеральными силами — в политических и неполитических протестах» [Либеральные ценности..., 2015, с. 211].

С другой, российское общество рисуется прямо-таки эсхатологическими мазками, т.е. граждане РФ разобщены, закрепощены, пошлы, недоверчивы, внушаемы, неспособны осмыслить современность и критически мыслить, подспудно поощряют политику войны и агрессии, коррупции и воровства, инфляции и полицейщины [Главное. Основные публикации..., 2018], что иллюстрируется следующими цитатами.

«У выборов 18 марта — два чудовищных результата.

Первый результат — огромное количество граждан, проголосовавших за Путина, то есть — за сохранение нынешней политики.

Политики войны и агрессии, коррупции и воровства, инфляции и полицейщины» [Вишневский Б.Л., 2018, с. 169–170].

«Разобщенность людей между собой была велика, хотя, конечно, несопоставимо меньше той, которая воцарилась сейчас» [Коган-Ясный В.В., 2016, с. 27].

«Жлобство и пошлость не просто существуют, они стали предметом гордости, своеобразным критерием уже достигнутого или будущего успеха» [Коган-Ясный В.В., 2016, с. 38].

Помимо указанного, население воспринимается исключительно как объект политики. В субъектности ему отказывают [О Европейском пути России, 2014]: «Граждане заинтересованы в демократии, но установить демократическую традицию и создать демократическую идеологию “снизу” невозможно, это может сделать только властная элита» [Коган-Ясный В.В., 2016, с. 4].

Для идеологии «Яблока» характерно разделение населения на две составляющие: критически мыслящее и рефлексирующее меньшинство и остальные, которые такими качествами не наделены [Коган-Ясный В.В., 2016; Либеральные ценности..., 2015; Главное. Основные публикации..., 2018].

«Все развитие человечества — непрерывная цепь ошибок большинства и правоты меньшинства» [Вишневский Б.Л., 2018, с. 129].

«Наконец, “консервативный поворот” 2014 года до предела обострил раскол общества по вопросу об аннексии Крыма и гибридной войны в Украине, при этом либеральные партии

оказались представителями интересов критического меньшинства, являющегося с точки зрения властей и поддерживающего их большинства предателями и “пятой колонной”» [Либеральные ценности..., 2015, с. 210].

Анализ вышеприведенных цитат позволяет определить следующие особенности идеологии «Яблока» и социального положения ее представителей.

Во-первых, психологизм, т.е. сведение причин политических, экономических, духовных и социальных проблем к морально-деловым качествам элиты и остальной части населения, идеология политической партии «Яблоко» типична для либерализма, но при этом она не является утопичной в смысле Манхейма [Манхейм К., 1992, 1994]. На слом существующего социального порядка она не направлена, а значит, в каком-то смысле консервативна.

Во-вторых, подобный фокус внимания говорит о той или иной степени социальной изолированности представителей партии от большей части населения. В нюансы социального положения различных групп партия почти не вникает, видимо, по причине отсутствия опыта такого погружения. Немного утрируя, следует предположить, что выходцев из народа в их рядах совсем немного.

Политическая партия «Парнас»

Элита, по мнению лидера партии М. Касьянова*, является эгоистичной, беспринципной, нелегитимной, консервативной, узурпирующей власть группой [Касьянов М.М.*, 2016b].

«Политическая власть в стране узурпирована небольшой группой людей, которые ставят своей целью обеспечить несменяемость своего правления, сделать его независимым от воли людей. Право граждан на выражение своего мнения подавляется насилием» [Наши убеждения].

Характеристика населения — покровительственно-негативная. В большинстве своем народ воспринимается как объект политического воздействия, который не имеет и не может иметь собственного мнения, не способный к активным действиям по защите своих прав.

* Включен в «Реестр иностранных агентов» Министерством юстиции РФ 24.11.2023.

Подспудно объявляется об авторитарности (тоталитарности) коллективного сознания и интеллектуальной неполноценности граждан с низким уровнем их правового сознания. В противном случае не было бы поводов обвинять в неукорененности демократических принципов в сознании и необходимости в разъяснении «причинно-следственных связей между этим политическим курсом и возможными катастрофическими последствиями» [В гостях у Юрия Пронько..., 2015], как это сделано ниже.

«И не заметили и не поняли, что Путин отобрал у них свободу: отобрал выборы, отобрал свободную прессу» [Касьянов М.М.*, 2016а].

«Российская Федерация решила для себя возможным почему-то не уважать международные обязательства, а те страны привержены этому, потому что у них демократические принципы укоренились в сознании граждан, у нас они пока еще, к сожалению, не успели этого сделать. Поэтому рассуждения о том, что мы самые сильные, самые лучшие, весь мир обязан нас бояться просто потому, что мы существуем, вот этот весь шовинистический угар, который в теме Крым наш развился, конечно, он к добру не приведет» [Касьянов М.М.*, 2014].

«Мы должны говорить со всей откровенностью об опасностях продолжения политического курса нынешней власти, объясняя гражданам причинно-следственные связи между этим политическим курсом и возможными катастрофическими последствиями» [Касьянов М.М.*, 2013].

Из последней цитаты также следует, что общественные проблемы сводятся к проблемам управления вообще и подбора кадров (плохие управленцы) в частности. Описаний каких-либо иных причинно-следственных связей в публикациях представителей партии «Парнас» обнаружить не удалось.

Политическая партия «Россия будущего»

Данную партию связывают с А.А. Навальным. Он и его сторонники с 2012 г. добиваются регистрации своей партии под названиями «Народный альянс», «Партия прогресса» или «Россия будущего». Все используемые партией

информационные ресурсы (интернет-издание «Медуза»**, «Эхо» (ранее «Эхо Москвы»), Colta.ru, «Международного французского радио» и т.д.) в настоящий момент заблокированы. В этой связи одним из немногих доступных источников информации, содержащий непринужденные (насколько это возможно в данном случае) высказывания лидера партии, является книга К.В. Воронкова «Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров», в которой содержатся материалы беседы и интервью с А.А. Навальным, а также выдержки из «Живого журнала» (navalny.livejournal.com) последнего 2007–2012 гг., в совокупности составляющих более 70 % текста книги (примерно 5,3 печатного листа). Мнение Воронкова о Навальном во внимание не принималось и анализу не подвергалось.

Элита лидером «России будущего» оценивается как коррупционная [Воронков К.В., 2012, с. 126, 171, 185], эгоистичная, бесполезная [Воронков К.В., 2012, с. 121, 193], а партия «Единая Россия» — «это партия жуликов и воров» [Воронков К.В., 2012, с. 195, 201].

К населению отношение двойственное. С одной стороны, это крепостные [Воронков К.В., 2012, с. 130] с отсутствием особых традиций к самоуправлению [Воронков К.В., 2012, с. 129] и многие из них «телевизору верят больше, чем другим источникам информации» [Воронков К.В., 2012, с. 200–201], т.е. неспособны к самостоятельному мышлению. С другой, большинство людей «будет с удовольствием жить честно» [Воронков К.В., 2012, с. 101] и «нормально работать» [Воронков К.В., 2012, с. 107, 127], если власть будет жить честно.

По всей видимости, по мнению Навального, вся загвоздка заключается в личном примере власти предрежащих. Из чего следует, что как и в предыдущих случаях, основная проблема России — это ее нечестная, эгоистичная, коррупционная элита. Именно в ее замене видится успех общественного развития. Проблемы формационного порядка не обсуждаются.

* Включен в «Реестр иностранных агентов» Министерством юстиции РФ 24.11.2023.

** Включен в «Реестр иностранных агентов» и «Список средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента» Министерством юстиции РФ 23.04.2021. Включен в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ (расп. № 138-р от 07.02.2023).

**Общественные объединения
русских националистов**

Русский национализм в постсоветской России стал распространенным идеологическим и политическим явлением. Однако во второй половине 2000-х гг. деятельность русских националистических организаций начала активно пресекаться правоохранными органами. Многие лидеры националистических организаций были подвергнуты уголовному преследованию и наказанию, а их информационные ресурсы заблокированы. Но националистические организации не исчезли вовсе, многие продолжают существовать в той или иной организационно-правовой форме (зачастую нелегально) и поныне. К таковым можно отнести:

- Всероссийское общественное патриотическое движение «Русское Национальное Единство» (РНЕ);
- Общероссийское общественное политическое движение «Россия Освободится Нашими Силами»;
- Общественная организация — политическая партия «Российский общенациональный союз».

Помимо названных, использованы идеологические тексты иных, запрещенных, националистических общественных объединений, чей анализ автор проводил, когда их информационные ресурсы были доступны. Это «Национально-державная партия России» (НДПР), «Национальное Освобождение Русского Народа» («Северное братство»), «Народная национальная партия», «Национал-социалистическое общество», «Родина – Конгресс русских общин».

Нынешняя элита русскими националистами описывается негативно. Хотя ее характеристики достаточно скупы, но есть указание на то, что она антинациональна, преступна, аморальна [Аверьянов А.Н., 2008], порочно слаба и состоит из уродливого союза бюрократов и «порочных» с ними бизнесменов [Программа политической партии «Российский общенациональный союз», 2011].

Больше оценочных категорий можно найти относительно русского народа. Причем это отношение назвать однозначным нельзя. С одной стороны, у русских низкий уровень национального и религиозного самосознания [Основы социально-политической концепции...], они бес-

помощны [Артемов И.В., 1999], разобщены и не в состоянии самоорганизоваться. Для иллюстрации можно привести следующую цитату.

«У нас есть понимание того, что российское общество находится в глубоком кризисе. Оно разобщено, разорвано на мелкие части. Кризис солидарности является следствием нравственного кризиса, и в свою очередь, влечет кризис экономический и политический. Разобщенность русского народа является главной причиной того, что общество сегодня неспособно влиять на власть, заставить ее работать в интересах страны, народа и каждого человека» [Программа политической партии «Российский общенациональный союз», 2011].

Подспудно доказывается неспособность русских без чужой помощи (без элиты, аристократии [Марочкин С., 2005]) осознать и защитить свои национальные интересы, противодействовать антирусской политике, размыванию русской культуры и т.д. [Артемов И.В., 1999].

С другой, можно обнаружить и положительные характеристики русского народа: способность к самоорганизации при обеспечении себя дефицитом или при организации кооперативов [Марочкин С., 2005]. Помимо прочего, по мнению националистов, русский дух, с которым все никак не могут расправиться чужеродные силы, оказался очень живуч [Марков С., 2002].

Помимо прочего, в идеологии части русских националистических организаций обнаруживается откровенная русофобия. Под ней здесь понимается неприязненное отношение ко всему русскому, к самим русским и всей истории (или ее большей части) русского народа. К данному выводу автор пришел по результатам проведенного ранее анализа идеологий националистических общественных объединений («Национально-державная партия России», «Национальное Освобождение Русского Народа» («Северное братство»), «Народная национальная партия», «Национал-социалистическое общество», «Родина – Конгресс русских общин») [Козырев М.С., 2017].

В частности, ведущее положение в жизни нации отводится элите, аристократии с одновременным недоверием к интеллектуальным способностям «нижних слоев общественной атмосферы», с приписыванием «черни» изначальной бесстыдности и безнравственности. Описанное сочетается с пренебрежительно-

покровительствующим отношением к большинству населения, воспроизводимому по типу: как бы ни был плох народ, но все же надо о нем заботиться и его воспитывать. А огульное (каких-либо научных исследований в подтверждении своей позиции националисты не предъявляют) приписывание всем русским таких черт, как низкий уровень национального и религиозного самосознания, беспомощность, разобщенность, низкий уровень самоорганизации и т.п. нельзя назвать иначе, чем неприязненное отношение.

Казалось бы, русофобия противоречит базовым положениям идеологии русского этнического национализма. Но это противоречие снимается введением дополнительного критерия «русскости», т.е. в русскую нацию или в русских зачисляют не всех, а только тех, кто соответствует определенным критериями. Чаще всего таковым выступает мировоззрение (националистическая идеология). Причем все остальные, кто не разделяет эту идеологию, обвиняются в маргинальности, немотивированной агрессии, оболваненности, отмороженности, пораженности коренных архетипов самосознания или же за ними закрепляются презрительные прозвища (совки, овоши).

В итоге можно констатировать, что для упомянутых выше националистических организаций свойственно либо внесение определенных мировоззренческих критериев при зачислении в русскую нацию (следовательно, интересы оставшихся не принимаются во внимание, как не вошедших в нацию), либо построение идеологических концепций, в которых незлитарным слоям отказывается в самостоятельности в политическом процессе и отводится второстепенная, пассивная роль. В обоих случаях большинство населения характеризуется скорее негативно [Козырев М.С., 2017].

Заключение

Разношерстная идеология внесистемной оппозиции является в большей степени средством внутригруппового маркирования. Структурно в их идеологических построениях больше общего, чем отличий: во-первых, негативное отношение к правящей элите, во-вторых, отказ населению в его политической субъектности и приписывание ему негативных черт, зачастую переходящее в социальный расизм и русофобию, в-третьих, сведение всех или почти всех

общественных проблем к вопросам управления и рекрутирования элит.

Схожие идеологические интенции различных групп внесистемной оппозиции относительно описываемой дихотомии приводит к мысли, что социальное положение у них тоже схожее. По всей видимости, это группы профессиональных политиков, стремящихся занять более высокие социальные позиции, либо вернуться на те, которые они занимали ранее.

Помимо указанного, к характеристике этих групп можно отнести обладание ими высокого уровня квалификационного ресурса, делающего возможным формулирование тех или иных идеологических конструкций относительно высокого уровня экономического ресурса, что исключает из их дискурса проблему дефицитности материальных средств к существованию, присущую большинству населения современной России, а также социальную замкнутость, не позволяющую артикулировать интересы групп, к которым они не принадлежат. Подобное приводит к умозаключению, что внесистемная оппозиция представляет собой выходцев из среды городской интеллигенции, в том числе околоэлитарной, с завышенными ожиданиями касательно своего общественного положения. Из «иметь или быть» они выбирают первое.

Несмотря на оппозиционность, эти группы не стремятся взорвать или существенным образом реконструировать существующий социальный порядок. Их идеологии нельзя причислить к утопиям, а пределом чаяний внесистемной оппозиции является собственная восходящая вертикальная социальная мобильность. Классовый эгоизм столь же характерен для этих групп, как и для правящей элиты, в котором первые обвиняют последних.

Список литературы

Аверьянов А.Н. Русская национальная и политическая идентичность: от прошлого к будущему / Общероссийская общественная организация «Собор русского народа». 2008. 24 мая. URL: <https://srn.su/?p=1209> (дата обращения: 04.07.2023).

Артемов И.В. Русское действие. Стратегия и тактика православно-патриотического движения в России / Общественное объединение «Россия освободится нашими силами». 1999. URL: <http://ronsslav.com/igor-artyomov-ks-oppozitsii-vybiraet-put> (дата обращения: 04.04.2022).

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко и др. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2007. 288 с.

В гостях у Юрия Пронько. Программа «Ежедневник» // Радиостанция «Серебряный Дождь». 2015. URL: http://kasyanov.ru/index.html?layer_id=100&nav_id=1&id=640 (дата обращения: 25.02.2022).

Вишневский Б.Л. Невосторженный образ мыслей: статьи, выступления, интервью 2015–2018 годов. М.: РОДП «Яблоко», 2018. 272 с.

Воронков К.В. Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров. М.: Эксмо-Пресс, 2012. 224 с.

Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. А.В. Михайлова и др. М.: Искусство, 1991. 368 с.

Гириц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О.В. Барсукова и др. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.

Главное. Основные публикации Григория Явлинского в 2017–2018 годах / сост. А.В. Космынин и др. М.: РОДП «Яблоко», 2018. 176 с.

Деррида Ж. О грамматики / пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Историческое знание как фактор развития: сб. докл. конф. / под ред. Г.М. Михалевой, В.Л. Шейниса. М.: РОДП «Яблоко», 2014. 160 с.

*Касьянов М.М.** Борис Немцов никогда не шел на компромисс с совестью // Эхо Москвы. 2016. 26 фев. URL: <https://echo.msk.ru/programs/year2016/1719236-echo/> (дата обращения: 15.08.2022).

*Касьянов М.М.** Эта власть органически не способна к реформам / LiveJournal. 2013. 12 дек. URL: <https://mkasyanov.livejournal.com/2929.html> (дата обращения: 17.07.2023).

*Касьянов М.М.** Я не могу себе представить, что Россия вновь окажется страной без будущего, где господствует насилие, унижение, бесчеловечность и нищета // Эхо Москвы. 2016. 6 мая. URL: <https://echo.msk.ru/programs/bezkupur/1760574-echo/> (дата обращения: 15.08.2022).

*Касьянов М.М.** Трагедия «Боинга» изменит ход событий (интервью передаче «Лицом к событию») // Радио «Свобода»***. 2014. 17 июля. URL: <https://www.svoboda.org/a/25460217.html> (дата обращения: 15.08.2022).

* Включен в «Реестр иностранных агентов» Министерством юстиции РФ 24.11.2023.

*** Включен в «Реестр иностранных агентов» и «Список средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента» Министерством юстиции РФ 05.12.2017.

Коган-Ясный В.В. Частное мнение о России — в трудном поиске смысла: политические очерки, 2001–2015. М.: РОДП «Яблоко», 2016. 100 с.

Козырев М.С. Дихотомия «элита–массы» в публикациях представителей политической партии «Единая Россия» // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4(107). С. 407–411.

Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе: сб. докл. конф. / под ред. Г.М. Михалевой. М.: РОДП «Яблоко», 2015. 232 с.

Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.И. Левиной. М.: Юрист, 1994. 700 с.

Манхейм К. Идеология и утопия: в 2 ч. / пер. М.И. Левиной. М.: ИНИОН РАН, 1992. Ч. 1. 245 с.

Марков С. Это сладкое слово «язычество» / ВОПД «Русское национальное единство». 2002. URL: <http://www.rusnation.org/stat/pub029.shtml> (дата обращения: 15.08.2022).

Марочкин С. Смысл русской идеи. Отпор клеветникам / ВОПД «Русское национальное единство». 2005. URL: <http://www.rusnation.org/stat/pub005.shtml> (дата обращения: 04.04.2023).

Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 880 с.

О Европейском пути России / под ред. Г.М. Михалевой. М.: РОДП «Яблоко», 2014. 56 с.

Основы социально-политической концепции ВОПД «Русское национальное единство» / Традиция: Русская энциклопедия. URL: https://traditio.wiki/Основы_социальной_концепции_ВОПД_РНЕ (дата обращения: 04.07.2023).

Наши убеждения / Партия народной свободы «Парнас». URL: <https://parnasparty.ru/party/creed> (дата обращения: 17.07.2023).

Программа политической партии «Российский общенациональный союз», принята 17 декабря 2011 г. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/17736222-17740790.doc> (дата обращения: 04.07.2023).

Эко У. От древа к лабиринту: исторические исследования знака и интерпретации / пер. с итал. О.А. Поповой-Пле. М.: Академ. проект, 2016. 560 с.

References

Artemov, I.V. (1999). *Russkoye deystviye. Strategiya i taktika pravoslavno-patrioticheskogo dvizheniya v Rossii* [Russian action. Strategy and tactics of the Orthodox-Patriotic movement in Russia]. Public

association «Russia will be Freed by our Forces».

Available at: <http://ronsslav.com/igor-artyomov-ks-oppozitsii-vybiraet-put> (accessed 04.04.2022).

Aver'yanov, A.N. (2008). *Russkaya natsional'naya i politicheskaya identichnost': ot proshlogo k buduschemu* [Russian national and political identity: from the past to the future]. All-Russian public organization «Cathedral of the Russian people», May 24. Available at: <https://srn.su/?p=1209> (accessed 04.07.2023).

Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow: IES Publ., St. Petersburg: Aletyya Publ., 288 p.

Derrida, J. (2000). *O grammatologii* [Of grammarology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.

Eko, U. (2016). *Ot dreva k labirintu: istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii* [From the tree to the labyrinth: Historical studies on the sign and interpretation]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 560 p.

Gadamer, H.-G. (1991). *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Iskustvo Publ., 368 p.

Geertz, C. (2004). *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow: ROSSPEN Publ., 560 p.

Kas'yanov, M.M.* (2013). *Eta vlast' organicheski ne sposobna k reformam* [This government is organically incapable of reforms]. LiveJournal, Dec. 12. Available at: <https://mkasyanov.livejournal.com/2929.html> (accessed 17.07.2023).

Kas'yanov, M.M.* (2014). *Tragediya «Boinga» izmenit khod sobytii (interv'y u peredache «Litsom k sobytiyu»)* [The Boeing tragedy will change the course of events (interview with the program «Facing the Event»)]. Radio «Svoboda»***, Jul. 17. Available at: <https://www.svoboda.org/a/25460217.html> (accessed 15.08.2022).

Kas'yanov, M.M.* (2016). *Boris Nemtsov nikogda ne shel na kompromiss s sovest'yu* [Boris Nemtsov never compromised with his conscience]. Ekho Moskvy, Feb. 26. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/year2016/1719236-echo/> (accessed 15.08.2022).

Kas'yanov, M.M.* (2016). *Ya ne mogu sebe predstavit', chto Rossiya vnov' okazhetsya stranoy bez buduschego, gde gospodstvuet nasilie, unizhenie,*

beschlovechnost' i nischeta [I cannot imagine that Russia will once again turn out to be a country without a future, where violence, humiliation, inhumanity and poverty prevail]. *Ekho Moskvy*, May 6. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/bezkupur/1760574-echo/> (accessed 15.08.2022).

Kogan-Yasnyy, V.V. (2016). *Chastnoe mnenie o Rossii — v trudnom poiske smysla: politicheskiye ocherki, 2001–2015* [Private opinion about Russia — in a difficult search for meaning: political essays, 2001–2015.]. Moscow: RUDP «Yabloko» Publ., 100 p.

Kosmynin, A. et al. (eds.) (2018). *Glavnoe. Osnovnye publikatsii Grigoriya Yavlinskogo v 2017–2018 godakh* [The main thing. The main publications of Grigory Yavlinsky in 2017–2018]. Moscow: RUDP «Yabloko» Publ., 176 p.

Kozyrev, M.S. (2017). *Dikhotomiya «elita–massy» v publikatsiyakh predstaviteley politicheskoy partii «Edinaya Rossiya»* [The dichotomy of «elite–mass» in the publications of the representatives of the political party «United Russia»]. *Evraziyskiy yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal]. No. 4(107), pp. 407–411.

Mannheim, K. (1992). *Ideologiya i utopiya: v 2 ch.* [Ideology and utopia: in 2 parts]. Moscow: ISSS RAS Publ., part 1, 245 p.

Mannheim, K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow: Yurist Publ., 700 p.

Markov, S. (2002). *Eto sladkoe slovo «yazychestvo»* [This sweet word is «paganism»]. All-Russian public patriotic movement «Russian National Unity». Available at: <http://www.rusnation.org/stat/pub029.shtml> (accessed 15.08.2022).

Marochkin, S. (2005). *Smysl russkoy idei. Otpor klevetnikam* [The meaning of the Russian idea. Rebuff to slanderers]. All-Russian public patriotic movement «Russian National Unity». Available at: <http://www.rusnation.org/stat/pub005.shtml> (accessed 04.04.2023).

Merton, R.K. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST Publ., Khranitel' Publ., 880 p.

Mikhaleva, G.M. (ed.) (2014). *O Evropeyskom puti Rossii* [About the European way of Russia]. Moscow: RUDP «Yabloko» Publ., 56 p.

Mikhaleva, G.M. (ed.) (2015). *Liberal'nye tsennosti i konservativnyy trend v evropeyskoy politike i obschestve: sbornik dokladov konferentsii* [Liberal values and conservative trend in European politics and society: collected conference reports]. Moscow: RUDP «Yabloko» Publ., 232 p.

* Включен в «Реестр иностранных агентов» Министерством юстиции РФ 24.11.2023.

*** Включен в «Реестр иностранных агентов» и «Список средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента» Министерством юстиции РФ 05.12.2017.

Mikhaleva, G.M. and Sheynis, V.L. (eds.) (2014). *Istoricheskoe znanie kak faktor razvitiya: sbornik dokladov konferentsii* [Historical knowledge as a factor of development: collected conference reports]. Moscow: RUDP «Yabloko» Publ., 160 p.

Nashi ubezhdeniya [Our convictions]. People's Freedom Party (PARNAS). Available at: <https://parnasparty.ru/party/creed> (accessed 17.07.2023).

Osnovy sotsial'no-politicheskoy kontseptsii VOPD «Russkoe natsional'noe edinstvo» [The basics of the socio-political concept of the «Russian National Unity»]. Traditsiya: Russkaya entsiklopediya. Available at: https://traditio.wiki/Osnovy_social'noj_koncepcii_VOPD_RNE (accessed 04.07.2023).

Programma politicheskoy partii «Rossiyskiy obshchenskiy soyz», prinyata 17 dekabrya

2011 g. [Program of the political party «Russian National Union», accepted December 17, 2011]. Available at: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/17736222-17740790.doc> (accessed 04.07.2023).

V gostyakh u Yuriya Pron'ko. Programma «Ezhednevnik» (2015) [Visiting Yuri Pronko. The program «Diary»]. Radio station «Serebryanyy Dozhd'». Available at: http://kasyanov.ru/index.html?layer_id=100&nav_id=1&id=640 (accessed 25.02.2022).

Vishnevskiy, B.L. (2018). *Nevostorzhenny obraz mysley: stat'i, vystupleniya, interv'y u 2015–2018 godov* [An uncorrupted way of thinking: articles, speeches, interviews 2015–2018]. Moscow: RUDP «Yabloko» Publ., 272 p.

Voronkov, K.V. (2012). *Aleksey Naval'nyy. Groza zhulikov i vorov* [Alexey Navalny. The storm of crooks and thieves]. Moscow: Eksmo-Press, 224 p.

Об авторе

Козырев Максим Сергеевич

кандидат философских наук, доцент

доцент кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;

доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 115054, Москва, Стремянный пер., 36;

e-mail: max-han@yandex.ru
ResearcherID: V-2034-2018

About the author

Maksim S. Kozyrev

Candidate of Philosophy, Docent

Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 8, Zoya and Alexander Kosmodemyansky st., Moscow, 125993, Russia;

Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian Economic University, 36, Stremyanny ln., Moscow, 115054, Russia;

e-mail: max-han@yandex.ru
ResearcherID: V-2034-2018

УДК 1:378:004

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-517-526>

Поступила: 30.04.2023

Принята: 10.09.2023

Опубликована: 22.12.2023

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: «АНТИЦИФРОВИЗАТОРСКИЙ» ПОДХОД

Афанасенко Яна Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Статья посвящена анализу цифровизации образования с позиции «антицифровизаторского» подхода. Целью данной статьи является выявление и обсуждение проблемного философского контекста, характерного для «антицифровизаторского» подхода. Автор полагает, что в рамках последнего следует исходить из интерпретации цифровизации как инструмента уничтожения сущности человека, в результате чего он уже не может воспроизводить ни себя, ни условия своего существования. Происходит замена интеллектуального труда развлечением в рамках геймификации, мышление дерационализируется, распространяется феномен «цифрового слабоумия». В свою очередь, речевая деятельность, коммуникация сводятся к взаимодействию с машинными алгоритмами и подчинении им, что ведет к десоциализации. Показана связь современной формы цифровизации с неомальтузианством и трансгуманизмом, а также с устаревшими подходами механистического материализма и метафизического мышления. Собственно образовательной проблемой в контексте цифровизации становится уничтожение традиционной системы образования и педагогики, превращение образования в симулякр, а его участников — в управляемые алгоритмами или искусственным интеллектом объекты. По мнению автора, выход из этой кризисной ситуации возможен только при условии новой рецепции советского опыта в области образования и гуманистического наследия прошлого.

Ключевые слова: образование, цифровизация, цифровые и когнитивные технологии, неомальтузианство, трансгуманизм.

Для цитирования:

Афанасенко Я.А. Философские аспекты цифровизации образования: «антицифровизаторский» подход // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 517–526.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-517-526>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-517-526>

Received: 30.04.2023

Accepted: 10.09.2023

Published: 22.12.2023

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION: «ANTI-DIGITALIZATION» APPROACH

Yana A. Afanasenko

Perm State University (Perm)

The article is devoted to the analysis of digitalization of education from the perspective of the «anti-digitalisation» approach. The aim of the study is to identify and discuss the problematic philosophical context specific to the «anti-digitalization» approach. The author believes that this approach should be based on the interpretation of digitalization as a tool for destroying the essence of man, as a result of which he can no longer reproduce either himself or the conditions of his existence. Intellectual labor is

being replaced by gamification, entertainment, thinking is de-rationalized, and the phenomenon of «digital dementia» is spreading. In turn, speech activity, communication are reduced to interaction with and subordination to machine algorithms, which leads to desocialization. The paper shows the relationship between the contemporary form of digitalization and Neo-Malthusianism and transhumanism as well as the outdated approaches of mechanistic materialism and metaphysical thinking. What becomes the educational problem in the context of digitalization is the destruction of the traditional system of education and pedagogy, the turning of education into a simulacrum, and of its participants — into algorithm-driven objects. In the author's opinion, the way out of this crisis situation is possible only with a new reception of the Soviet experience in the field of education and the humanistic heritage of the past.

Keywords: education, digitalization, digital and cognitive technologies, Neo-Malthusianism, transhumanism.

To cite:

Afanasenko Ya.A. [Philosophical aspects of digitalization of education: «anti-digitalization» approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 517–526 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-517-526>

Введение

Под цифровизацией мы понимаем перевод информации в электронные, т.н. «большие данные», включающие всю персональную информацию, а также управление ими. Цифровизация образования — значимый феномен современной социальной трансформации. Это феномен неоднозначный, проблематичный с точки зрения осмысления человека. В пользу этого свидетельствует существование двух альтернативных подходов к ее пониманию: «цифровизаторский» и «антицифровизаторский». Рассматривая цифровизацию как объект, а цифровизацию образования как предмет исследования, мы используем современный диалектико-материалистический метод. Цель нашей работы — раскрыть содержание позиции «антицифровизаторов» и с указанных теоретико-методологических позиций проанализировать связанный с ней философский контекст.

Для сторонников цифровизации образования она — безусловное благо, условие и инструмент развития цифровой экономики (А. Асмолов, П. Лукша и др). Для «антицифровизаторов» цифровизация — зло, форма идейной колонизации, разрушающая русский культурный код, русскую цивилизацию и, шире, человеческую цивилизацию в целом (О. Четверикова, А. Швабауэр, Р. Газенко, И. Шнуренко). Кто же в большей степени прав, особенно в свете выявления теоретических оснований данных подходов?

Неомальтузианство и трансгуманизм в их связи с цифровизаторским подходом

На фоне борьбы этих подходов представляется необходимым выявить, вероятно, неочевидные для сторонников «цифровизации» их теоретические основания. К таковым, по мнению автора, относится неомальтузианство с его идеей экспоненциального роста народонаселения и необходимости его сокращения, желательно до 225–300 млн [Катасонов В.В., 2018], а также трансгуманистическая концепция, связанная с перспективой уничтожения человека, его «преодоления» с помощью технологий генетических, которые меняют тело, и цифро-когнитивных, трансформирующих сознание и самосознание человека [Четверикова Т.В., 2021, с. 5, 55]. О том, что идеи Мальтуса выступают в современном мире идеологической основой цифрового трансформационного проекта, говорит М.Л. Альпидовская [Альпидовская М.Л., 2021]. С подробным изложением того, каким образом использование генетических (в широком смысле — биологических) технологий обусловлено целью полного управления функциями живых организмов, а применение цифро-когнитивных (информационных) технологий обусловлено целью манипуляции человеческим сознанием, в т.ч. посредством его интеграции с компьютером, можно ознакомиться в работе А.В. Турчина, М.А. Батина [Турчин А.В., Батин М.А., 2013].

Что общего между неомальтузианством и трансгуманизмом? На взгляд автора, обе эти концепции являются выражением интересов господствующих экономических и политических элит, правящего класса. Их основная цель — абсолютный контроль над материальными и духовными факторами бытия вплоть до права решать, кому жить, а кому нет. Однако если неомальтузианство делает акцент на ограничении рождаемости и потребления, то трансгуманизм заряжен идеей необходимости трансформации природы человека как слабого и никчемного существа, переставшего эволюционировать, и поэтому нуждающегося в техническом «апгрейде».

Цифровизация является результатом применения информационно-коммуникационных технологий, которые входят в состав NBICS-технологий, называемых также «конвергентными технологиями» [Дудин М.Н. и др., 2019]. NBICS-технологии являются, в свою очередь, инструментом реализации трансгуманистического проекта. В силу того, что трансгуманизм направлен на преодоление человека как биологического вида и социального существа, цифровые технологии, обслуживающие данный проект, сводят на нет привычное для человека многообразие идентичностей, вмняя ему единственную идентичность — цифровую. Важно отметить, что это требование не распространяется на избранное меньшинство, и потому, согласно утверждению О.Н. Четвериковой, цифровые технологии являются одним из инструментов тотального контроля в отношении большей части человечества [Четверикова О.Н., 2015, с. 16–17], которое если и не элиминируется полностью, то радикально тормозится в развитии. Как видим, мальтузианская идея сокращения населения принимает в трансгуманизме новую форму, связанную с определенным применением конвергентных технологий. Далее мы продемонстрируем, каким образом эти весьма спорные концепции оказываются фактическим основанием практической деятельности по цифровизации образования.

Практики цифровизации образования и их теоретические основания.

Цифровизация в системе образования означает в итоге полный перевод учебного процесса на образовательные цифровые платформы, управ-

ление этим процессом с помощью предлагаемого образовательного контента, представленного на этих платформах, включение каждого обучающегося в индивидуальную образовательную траекторию, определяемую машинным алгоритмом и/или самообучающимся искусственным интеллектом.

Автором уже анализировались особенности «цифровизаторского» подхода к образованию [Афанасенко Я.А., Чернова Т.Г., 2023]. Было отмечено, что «цифровизаторский» и «антицифровизаторский» подходы отличаются концептуальными основаниями, понятийным аппаратом, затрагиваемыми проблемами, диаметрально противоположным пониманием самого процесса цифровизации.

Напомним, что для «цифровизаторов» цифровизация — естественный процесс изменения общества, определяемый цифровым вектором трансформации экономики, в который должны встроиться все институты общества, включая образование. Компетентностный подход в данном случае означает овладение «цифровой грамотностью», цифровыми технологиями, к которым относятся дистанционное образование, геймификация и «технология искусственного интеллекта». Целью цифровизации является создание тотальной образовательной цифровой среды (ЦОС) и полное погружение в нее. Соответственно, для «цифровизаторов» цифровизация образования проблемой вообще не является.

Напротив, по мнению «антицифровизаторов», цифровизация понимается как инструмент информационной войны, как попытка уничтожения традиционной системы образования, его содержания и методологии, как формирование ситуации десоциализации и интеллектуальной деградации как учащихся, так и преподавателей [Цветкова С., 2021]. Рассмотрим особенности идейного основания данного подхода.

Фундаментальная, формирующая принципиально новую трансгуманистическую философскую картину мира, мысль, которая реализуется через цифровизацию с помощью цифровых и когнитивных технологий, — необходимость трансформации человека, его сознания и природы, т.е. самой его сущности. Отметим, что с позиции материалистического подхода речь идет о трансформации «интегральной», социально-биологической сущности в цифровую. С позиций подхода религиозного можно

говорить об убийстве души («искры Божией») [Оситис А.П., 2020]. В обоих случаях итогом цифровизации в сфере образования становится появление «человека служебного», существа, лишённого человеческой идентичности.

Так, уже в начале 1990-х гг. о необходимости трансформации человека говорит один из главных идеологов современного трансгуманизма, английский философ и футуролог Макс Мор, разработавший доктрину «Принципы экстропианства» (авт. экстропия — степень живучести системного интеллекта), излагающую пути перехода человека в постчеловеческое существование: «Когда технология позволит нам преодолеть себя в психологическом, генетическом и нейробиологическом аспектах, мы, ставшие трансчеловеками, сможем превратить себя в постчеловеков — существ беспрецедентных физических, интеллектуальных и психологических способностей, самопрограммирующихся, потенциально бессмертных, ничем не ограниченных индивидов» [Макс Мор, 2015].

Этому мнению вторят спикеры канадской компаний «Горизонты политики», занимающейся прогнозированием будущего: «биологические и цифровые системы сближаются и могут изменить то, как мы работаем, живем и даже развиваемся как вид. Это не просто технологическое изменение... биодигитальная конвергенция может изменить наше понимание самих себя и заставить нас пересмотреть то, что мы считаем человеческим или естественным» [Шок: правительство Канады..., 2021].

Для образования, в частности, российского, это практически означает следующее. В программном документе «Образование для сложного общества» от 2018 г. в гл. 1.2. «Мегатренды, определяющие наше будущее» к основным движущим силам экономических и социальных изменений отнесена наряду с автоматизацией и тотальной цифровизацией. «В эпоху тотальной цифровизации человечество будет окружено данными, соединено на локальном и глобальном уровнях через мобильные и адаптивные человеко-машинные среды “умных” домов и городов, дроны, роботов на улицах, “интернет вещей”, а также портативные устройства и импланты. Более того изменяется представление о том, что значит “быть человеком”, с учетом нарастающего использования искусственного

интеллекта и гибридной (дополненной и виртуальной) реальности для усиления человеческих возможностей» [Лукша П. и др., 2018, с. 25].

Человеко-машинные среды, импланты, биоцифровая конвергенция, изменение представления о том, что значит быть человеком, — все это часть глобального трансгуманистического проекта по трансформации привычного нам человека *Homo sapiens* с помощью NBICS-технологий. Однако трансформация эта и, соответственно, цифровизаторский подход, несмотря на его технологическую оснащенность, не обладает достаточно проработанной теоретической, философской базой, адекватной уровню начала XXI в. Как будет показано ниже, теоретической базой «цифровизаторов» можно считать концепции, близкие к механистическому материализму, появившемуся более 300 лет назад.

Напротив, теоретический дискурс «антицифровизаторов» гораздо более философичен: он проблематизирует феномен цифровизации и ее контекст, выходит за пределы собственно процесса цифровизации, с рефлексивной позиции рассматривает связанные с ней риски. В рамках этого подхода подразумевается, что разрушение в условиях современной капиталистической системы традиционной системы образования и педагогики посредством формирования ее симулякра (ЦОС) через стадию «служебного человека» или «человека одной кнопки» приведет к концу человечества и появлению иной искусственно созданной формы существования.

Как известно, все начинается с детства. По итогам реализации форсайт-проекта «Детство – 2030» было заявлено о чипизации детей с целью развития способностей и о необходимости интеграции в общество детей-роботов [Радченко А.Ф., Попов С.В., 2010]. Из четырех вариантов эволюции — «человек фармацевтический», «человек генно-модифицированный», «человек бионический» и человек «загруженный», — выделяемых О.Н. Четвериковой, такой новой форме существования в наибольшей степени отвечает модель «человека бионического», характеризующаяся в том числе принятием необходимости внедрения в тело и мозг искусственных имплантов и/или чипов [Четверикова О.Н., 2021, с. 64]. По мнению автора, серьезной альтернативой подобной «образовательной» парадигме может быть только возвраще-

ние к советскому опыту в области образования и гуманистическому наследию прошлого [Кайдалов В.А. и др., 2005].

С точки зрения философского диалектико-материалистического подхода, а именно в данном, антицифровизаторском, контексте, он, как убежден автор, как никогда актуален. Философские аспекты цифровизации в проблемном ключе видятся такими.

Во-первых, следует констатировать **весьма неблагоприятные изменения концептуальных основ образования**. Если основанием традиционного образования (взятого, например, в советском варианте) является материалистический, научный подход, включающий гуманистические ценности, связанные с утверждением учащегося и учителя (преподавателя) в качестве активных субъектов образовательного процесса, субъектов познания с диалектическим типом мышления, при этом итогом обучения становится появление человека-творца (в идеале), то основанием цифрового «образования» становится трансгуманистическое мировоззрение. Само цифровое «образование» принимает «псевдонаучный» характер (верификация и фальсификация предлагаемых данных отходит на второй план), а его итогом оказывается появление уже даже не столько человека-потребителя, сколько «человека служебного» или цифрового объекта (в идеале), имеющего к человеку весьма отдаленное отношение, поскольку речь идет о существах с искусственно ограниченными самосознанием и когнитивными способностями, в отношении которых практикуется внешнее управление его размножением [Ковальчук М.В., 2016].

С философской точки зрения, основой этих изменений оказываются **идеи обновленного механистического материализма**: трансгуманизм, рассматривая человека как исключительно материальный объект (при фактическом игнорировании специфики его сознания и самосознания), как существо несовершенное, закончившее эволюцию и в силу этого уже неизменное по своей природе, видит общество как инертное, пассивное образование, расколотое на отдельных индивидов, на которое можно воздействовать извне и тем самым изменить его по своему усмотрению. Инициировав соответствующую трансформацию образования и субъектов образовательного процесса, трансгу-

манизм отрицает идею развития и саморазвития социальной формы организации материи, предлагая NBICS-технологии в качестве искусственного средства такой трансформации. Поэтому складывается впечатление, что трансгуманизм является обновленной версией механистического материализма, причем в крайне догматичной его форме.

Несмотря на то, что идеи механистического материализма являются далеко не новыми и в ходе развития философии не раз подвергались обоснованной критике, именно эта весьма спорная концепция фактически принимается в наши дни как основа для выработки стратегии развития образования. Так, согласно нацпроекту «Образование», предполагается, что к 2024 г. во всех субъектах Российской Федерации должна быть внедрена ЦОС. Принято и соответствующее постановление Правительства России [Постановление Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040]. В свою очередь, Министерство просвещения России приняло целевые показатели, которые устанавливает нацпроект «Образование»: чем больше детей с цифровым профилем появится на этих платформах, тем лучше [Почти 30 тысяч школ..., 2021]. Отметим, что с юридической точки зрения такого рода эксперимент предполагает согласие участников, об этом говорится в ст. 21 Конституции РФ [Конституция РФ, ст. 21]. Однако в Положении сказано о внедрении ЦОС на постоянной основе [Постановление Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040]. Соответственно, либо пред нами логическое противоречие, либо данный эксперимент «обречен на успех» вне зависимости от его результатов.

Во-вторых, цифровизация образования формирует и культивирует **метафизический стиль мышления**, неспособный выходить за пределы эмпирически воспринимаемой действительности, но вполне отвечающий сущности упомянутого механистического материализма.

В основу «цифрового образования» кладется, по сути, метафизичная идея неизменной человеческой природы, слабой и несовершенной, которую можно улучшить, «развить» только с помощью цифровых технологий. Об этом постоянно говорят «цифровизаторы», используя такие концепты, как креативность, критическое мышление, компетентность, коммуникативность. Однако если исходить из фактов, то,

например, по М. Шпитцеру, массированное использование детьми и молодежью в жизни цифровых средств массовой информации и компьютера ведет к отсутствию умения мыслить и сомневаться, возникающего на фоне дефицита чувственно-двигательных впечатлений и катастрофически суженного социального окружения [Шпитцер М., 2014, с. 189]. Это способствует нарушению внимания, поверхностности и неэффективности, неумению выделять главное, разрушает способность к самоконтролю и вызывает стресс [Шпитцер М., 2014, с. 203–204], ведет к бессоннице, депрессии и болезненной зависимости [Шпитцер М., 2014, с. 237], а в итоге — к «цифровому слабоумию», когда человек все принимает без критики, не может размышлять и ответственно, рационально относиться к своему будущему [Шпитцер М., 2014, с. 254–255].

По М. Шпитцеру, «цифровое слабоумие выражается главным образом в отсутствии необходимости использовать умственные способности в полном объеме, то есть думать, желать, действовать, осознавая при этом, что именно происходит, где мы находимся и, в конце концов, кто мы. Возникает порочный круг из потери контроля, прогрессирующего духовного и телесного распада, снижения социального статуса, коммуникативного отчуждения, стресса и депрессии; все это снижает качество жизни и ведет к ее сокращению» [Шпитцер М., 2014, с. 257]

Есть еще один важный момент, на который обращает внимание Шпитцер, — медийная грамотность. Как пишет автор, само это понятие неадекватно: «тот, кто приравнивает медийную грамотность к грамотности, тот приравнивает владение несколькими программами фирмы Microsoft к чтению произведений Гете и написанию сочинений. Это — чудовищный подлог. Вдобавок понятие “медийная грамотность” дезинформирует нас: для пользования компьютером или Интернетом не требуются никакие особые способности (за исключением поверхностного знания пользовательских программ, которые каждый может усвоить за несколько занятий). Зато нужно солидное начальное или общее образование. Если такое образование уже получено (не через компьютер или Сеть), тогда можно и в Интернете найти нужные сведения и получить необходимую информацию. Если же человек ничего (пока) не знает,

то цифровые СМИиК не сделают его умнее и образованнее. Необходимо иметь начальные, базовые знания в какой-то области, чтобы затем получить возможность углубить их» [Шпитцер М., 2014, с. 270–271].

Учитывая, что для «цифровизаторов» именно цифровая грамотность и медиаграмотность как разновидности первой являются главным приоритетом в образовании, возникает вопрос: действительно ли медийная грамотность «по-русски» отличается от медийной грамотности «по-американски» содержательно? И если нет, то какова действительная цель ее внедрения?

В-третьих, цифровизация ведет к отчуждению родовой сущности человека, сознательной жизнедеятельности, а также к отчуждению его потребностей, материальных и культурных, и способностей. Например, геймификация образования как основная тенденция в ближайшем будущем обещает превратить обучение в удовольствие, не приучает трудиться, связана с манипулятивным отношением к потребностям учащегося и его способностям.

М. Корнфорт в работе «Диалектический материализм» приводит интересный, более чем 70-летней давности пример. Он пишет, что в большинстве английских школ детей регулярно тестируют на умственные способности. При этом утверждается, что каждый ребенок изначально обладает некоторым неизменным количеством «умственных способностей», которые можно выявить и которые будут определять его способности на протяжении всей жизни независимо от каких-либо внешних обстоятельств [Корнфорт М., 1956, с. 63–64]. В настоящее время нечто подобное находим в новом стандарте «Технологии искусственного интеллекта в образовании», где говорится о том, что совокупность технологий искусственного интеллекта (ИИ) может использоваться для автономного обучения без вмешательства педагогического работника посредством ИИ-репетитора. Далее, в этом стандарте речь идет о том, что должен собираться «цифровой след» (как образовательная часть цифрового профиля), т.е. данные об обучающемся и его активностях, которые включают в себя видео-, аудиозаписи, данные о хронологии взаимодействия с различными средствами обучения, взаимодействия с другими участниками в сфере образования, о последующем трудоустройстве, профессиональной

деятельности и т.д. Это и есть непрерывное образование, а по сути, сбор данных в течение жизни, что предполагает в дальнейшем полный контроль над жизнью человека. Когда все данные стекаются в «цифровой след», компьютерная система в ответ будет давать рекомендации, что делать дальше, как жить и как учиться (какие выбрать предметы, в каком объеме, какой уровень задать), формируя соответствующие цифровым данным потребности и ожидая формирования адекватных этим потребностям способностей. Отклонение от этих рекомендаций (например, если у ребенка или молодого человека проснулись другие потребности, актуализировались иные способности), вероятно, приветствоваться не будет. Стоит ли говорить, что подобная практика создает не человека как субъекта познания и как субъекта социального бытия, творческого, мыслящего, активного, а как объект цифрового маркетинга?

Важно также подчеркнуть, что технологии, которые используются в процессе цифровизации образования — это не только цифровые технологии в привычном нам понимании (дистанционное образование и геймификация), это также неочевидные цифровые и когнитивные технологии, внедрение которых «цифровизаторы» обычно не афишируют. Что мы имеем ввиду под «неочевидной» частью процесса цифровизации? Важнейшей частью этого процесса является, во-первых, формирование в образовательной среде определенного, привязанного к цифровой реальности, управляемого социального поведения через использование таких инструментов воздействия, как цифровой журнал и цифровой дневник, перевод отчетности в цифровую форму, внедрение цифровой индивидуальной траектории обучения и цифрового профиля, ведущих к формированию новой, цифровой (сетевой) идентичности, более значимой, чем все прочие идентичности.

Во-вторых, следует признать, что важной целью когнитивных технологий является трансформация сознания и манипуляция им. К трансформации сознания мы относим, например, формирование упомянутого метафизического стиля мышления. Создание индивидуального плана или индивидуальной траектории обучения в цифровой реальности является еще одной когнитивной технологией. Но эта траектория фактически, на взгляд автора, призвана

детерминировать как всю деятельность человека в процессе обучения, так и его последующую профессиональную деятельность в качестве человека служебного. По крайней мере в настоящее время индивидуальная траектория обучения, по мнению автора, означает постепенное исключение роли преподавателя в прежнем, человеческом смысле этого слова и наделение его функцией контролера.

Заключение

С точки зрения сторонников «антицифровизаторского» подхода, кризис системы современного капитализма используется как повод для погружения большей части общества в тотальную цифровую реальность, в которой объектом отчуждения станет уже сама природа человека (в интегральном его понимании). Человек перестает быть биологическим и социальным существом с присущими ему потребностями и способностями, он станет управляемым, лишенным автономии объектом.

NBICS-технологии, являясь важнейшим технологическим основанием четвертой промышленной революции, по факту оказываются не столько прогрессивными инструментами развития человека и общества, сколько инструментами отчуждения сущности человека, направленными на изменение и угнетение его биологической и социальной природы, на социальную атомизацию и десоциализацию людей, их интеллектуальную деградацию. Инструментами, приводящими к таким следствиям в системе, оказываются тотализация дистанционных форм обучения, формирование ЦОС в целом.

Идея необходимости радикального изменения природы человека является частью трансгуманистического проекта, имеющего целью трансформировать естественную эволюцию человечества в искусственный, управляемый с помощью NBICS-технологий процесс. В результате *Homo sapiens* должен уйти в небытие, а ему на смену придут искусственно созданные формы квазичеловеческого существования.

В отличие от «цифровизаторов», «антицифровизаторы» не рассматривают цифровизацию образования как основной и единственно возможный подход к использованию цифровых ресурсов в трансформации образования и экономики. Они полагают, что создание ЦОС, по крайней мере, в настоящее время провоцирует

дифференциацию институтов образования и сегрегацию обучающихся. Среди других, далеко не однозначных следствий этого процесса, отмечается геймификация, становящаяся основной формой обучения.

К философским аспектам цифровизации как проблемы в сфере образования мы относим изменение концептуальной основы образования, связанное с превалированием идей механистического материализма, культивирование метафизического стиля мышления, отчуждение родовой сущности человека, его сознательной деятельности, а также отчуждение его потребностей и способностей.

Наконец, зададимся вопросом, возможно ли преодоление противоречия между восприятием сущности и перспектив развития цифровизации ее сторонниками и противниками? Для сторонников цифровизации в перспективе невозможно совмещение традиционных элементов образования с инновационными в силу зависимости их деятельности от властного дискурса, принятых программных документов («Форсайт-проект 2030» и т.д.), нормативной базы. Для «антицифровизаторов» возможно гармоничное соединение традиционного образования с цифровыми технологиями, но последние должны играть подчиненную роль и отвечать принципам гуманистической модели образования.

Список литературы

Альпидовская М.Л. Движущие силы мирохозяйственной трансформации XXI века: человек, капитал, технос // *Цифровизация и бытие: колл. моногр.* / под ред. Ю.М. Осипова, М.И. Лугачева, Т.С. Сухиной, Т.Н. Юдиной. М.: Эконом. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. С. 7–23.

Афанасенко Я.А., Чернова Т.Г. Философские аспекты цифровизации российского образования // *Общество: философия, история, культура.* 2023. Вып. 4. С. 49–57. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2023.4.6>

Дудин М.Н., Шутьков А.А., Анищенко А.Н. Шестой большой цикл в развитии мировой экономики: NBIC-конвергенции в АПК // *Проблемы рыночной экономики.* 2019. № 3 С. 74–82. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2019-3-74-82>

Кайдалов В.А., Железняк В.Н., Имакаев В.Р. Философия и педагогическая теория. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2005. 272 с.

Катасонов В.В. Глобальный геноцид в «научной» упаковке. К юбилею Римского клуба /

Царьград. 2018. 5 сент. URL: https://ug.tsargrad.tv/articles/globalnyj-genocid-v-nauchnoj-upakovke-k-jubileju-rimskogo-kluba_156263 (дата обращения: 30.04.2023).

Ковальчук М.В. Сегодня возникла реальная технологическая возможность выведения «служебного» подвида людей / *МедиаМера.* 2016. 25 фев. URL: <https://mediamera.ru/post/24603> (дата обращения: 30.04.2023).

Корнфорт М. Диалектический материализм: пер. с англ. / общ. ред. П.Н. Федосеева. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 500 с.

Лукиша П., Кубиста Д., Ласло А., Попович М., Ниненко И. Образовательные экосистемы для общественного развития: доклад Global Education Futures // *Образование для сложного общества.* М.: Российский учебник, 2018. С. 10–127. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshhestva.pdf> (дата обращения: 30.04.2023).

Макс Мор. Манифест Трансгуманизма / Институт высокого коммунитаризма. 2015. 14 сент. URL: https://communitarian.ru/publikacii/povuyu_mirovoy_poryadok_metody/maks_mor_manifest_transgumanizma_14092015/ (дата обращения: 30.04.2023).

Осумис А.П. Опасность цифровизации и тотального контроля над личностью: православный взгляд / *Союз православных женщин.* 2020. 21 дек. URL: <http://союзправославныхженщин.рф/articles/1603277021> (дата обращения: 30.04.2023).

Постановление Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74922819/> (дата обращения: 30.04.2023).

Почти 30 тысяч школ будут оснащены цифровым оборудованием к концу 2024 года / Министерство просвещения РФ. 2021. 7 окт. URL: <https://edu.gov.ru/press/4220/pochti-30-tysyachshkol-budut-osnascheny-sovremennym-cifrovym-oborudovaniem-k-koncu-2024-goda/> (дата обращения: 30.04.2023).

Радченко А.Ф., Попов С.В. «Детство – 2030» — опыт проведения форсайт-проекта в России // *Образовательная политика.* 2010. № 5–6(43–44). С. 66–81.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 21. URL: <https://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-21-krf> (дата обращения: 30.04.2023).

Турчин В.А., Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 263 с.

Цветкова С. Цифровая школа уничтожит российское образование. Ученые против искусственного интеллекта // Общественная служба новостей. 2021. 19 янв. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/tsifrovaya-shkola-unichtozhit-rossijskoe-obrazovanie-uchyonye-protiv-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 30.04.2023).

Четверикова О.Н. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. М.: Геннадий Маркелов, 2015. 128 с.

Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании, наши дети как товар. М.: Книжный мир, 2021. 416 с.

Шок: правительство Канады открыто принимает трансгуманизм // Technocracy News & Trends. 2021. 10 мая. URL: <https://goo.su/F6KmI> (дата обращения: 30.04.2023).

Шнитцер М. Антимозг: Цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина. М.: АСТ, 2014. 288 с.

References

Afanasenko, Ya.A. and Chernova, T.G. (2023). [Philosophical aspects of the digitalization of Russian education]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, history, culture]. Iss. 4, pp. 49–57. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2023.4.6>

Al'pidovskaya, M.L. (2021). [The driving forces of the world economic transformation of the XXI century: man, capital, technos]. *Tsifrovizatsiya i bytie, pod red. Yu.M. Osipova i dr.* [Yu.M. Osipov et al. (eds.) Digitalization and being]. Moscow: MSU Faculty of Economics Publ., pp. 7–23.

Chetverikova, O.N. (2015). *Razrushenie budushego. Kto i kak unichtozhaet suverennoe obrazovanie v Rossii* [Destruction of the future. Who and how destroys the sovereign education in Russia]. Moscow: Gennadiy Markelov Publ., 128 p.

Chetverikova, O.N. (2021). *Transgumanizm v rossiyskom obrazovanii, nashi deti kak tovar* [Transhumanism in Russian education, our children as a commodity]. Moscow: Knizhniy Mir Publ., 416 p.

Cornforth, M. (1956). *Dialekticheskiy materializm* [Dialectical materialism]. Moscow: Inostrannaya Literatura Publ., 500 p.

Dudin, M.N. Shut'kov, A.A. and Anischenko, A.N. (2019). [The sixth major cycle in the development of the world economy: the era of NBIC-convergence in agroindustrial complex]. *Problemy*

rynnochnoy ekonomiki [Market economy problems]. No. 3, pp. 74–82. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2019-3-74-82>

Katasonov, V.V. (2018). *Global'nyy genotsid v «nauchnoy» upakovke. K yubileyu Rimskogo kluba* [Global genocide in a «scientific» package. To the anniversary of the Club of Rome]. Tsargrad, Sep. 5. Available at: https://ug.tsargrad.tv/articles/globalnyj-genocid-v-nauchnoj-upakovke-k-jubileju-rimskogo-kluba_156263 (accessed 30.04.2023).

Kaydalov, V.A., Zheleznyak, V.N. and Imakaev, V.R. (2005). *Filosofiya i pedagogicheskaya teoriya* [Philosophy and pedagogical theory]. Perm: PSTU Publ., 272 p.

Koval'chuk, M.V. (2016). *Segodnya vznikla real'naya tekhnologicheskaya vozmozhnost' vyvedeniya «sluzhebnoy» podvida lyudey* [Today, a real technological opportunity has arisen to breed a «service» subspecies of people]. MediaMera, Feb. 25. Available at: <https://mediamera.ru/post/24603> (accessed 30.04.2023).

Luksha, P., Kubista, D., Laslo, A., Popovich, M., Ninenko, I. (2018). [Educational ecosystems for social development: Global Education Futures report]. *Obrazovanie dlya slozhnogo obschestva* [Education for a complex society]. Moscow: Rossiyskiy uchebnik Publ., pp. 10–127. Available at: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshestva.pdf> (accessed 30.04.2023).

Maks Mor. *Manifest Transgumanizma* (2015) [Max Mohr. Manifesto of Transhumanism]. Institute of High Communitarianism, Sep. 14. Available at: https://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/maks_mor_manifest_transgumanizma_14092015/ (accessed 30.04.2023).

Ositis, A. (2020). *Opasnost tsifrovizatsii i total'nogo kontrolya nad lichnost'yu: pravoslavniy vzglyad* [The danger of digitalization and total control over personality: Orthodox view]. Union of Orthodox Women, Dec. 21. Available at: <http://союзправославныхженщин.рф/articles/1603277021> (accessed 30.04.2023).

Pochti 30 tisyach shkol budut osnascheny tsifrovym oborudovaniem k koncu 2024 goda (2021) [Almost 30 thousand schools will be equipped with digital equipment by the end of 2024]. Ministry of Education of RF, Oct. 7. Available at: <https://edu.gov.ru/press/4220/pochti-30-tisyach-shkol-budut-osnascheny-sovremennym-cifrovym-oborudovaniem-k-koncu-2024-goda/> (accessed 30.04.2023).

Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 07.12.2020 № 2040 «O provedenii eksperimenta po vnedreniyu

tsifrovoy obrazovatel'noy sredy» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 2040 of December 7, 2020 «On conducting an experiment on the implementation of a digital educational environment»]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74922819/> (accessed 30.04.2023).

Radchenko, A.F. and Popov, S.V. (2010). [«Childhood – 2030» — the experience of conducting a foresight project in Russia]. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy]. No. 5–6(43–44), pp. 66–81.

Shok: pravitel'stvo Kanady otkryto prinimaet transgumanizm (2021) [Shock: Canadian government openly embraces transhumanism]. *Technocracy News & Trends*, May 10. Available at: <https://goo.su/F6KmI> (accessed 30.04.2023).

Spitzer, M. (2014). *Antimozg. Tsifrovye tekhnologii i mozg* [Anti-brain Digital technologies and the brain]. Moscow: AST Publ., 288 p.

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneni-

yami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular voting on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]. Article 21. Available at: <https://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-21-krf> (accessed 30.04.2023).

Tsvetkova, S. (2021). *Tsifrovaya shkola unichtozhit rossiyskoe obrazovanie. Uchenye protiv iskusstvennogo intellekta* [The digital school will destroy Russian education. Scientists are against artificial intelligence]. Public news service, Jan. 19. Available at: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/tsifrovaya-shkola-unichtozhit-rossijskoe-obrazovanie-uchyonye-protiv-iskusstvennogo-intellekta/> (accessed 30.04.2023).

Turchin, V.A. and Batin, M.A. (2013). *Futurologiya. XXI vek: bessmertie ili global'naya katastrofa?* [Futurology. XXI century: immortality or global catastrophe?]. Moscow: BINOM. Laboratoriya Znaniy Publ., 263 p.

Об авторе

Афанасенко Яна Александровна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: blyambimbombam@mail.ru
ResearcherID: JDW-0324-2023

About the author

Yana A. Afanasenko

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: blyambimbombam@mail.ru
ResearcherID: JDW-0324-2023

УДК 165:159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-527-535>

Поступила: 13.09.2023

Принята: 30.11.2023

Опубликована: 22.12.2023

ПРАКТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПОСТКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Сатыбалдина Диана Кайратовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

В данной статье предпринимается попытка осмысления практик человека в постконфликтной ситуации в рамках пространственно-ориентированного подхода. Традиционные методы осмысления конфликтов, например, исследования травмы, акцентируют внимание на психоэмоциональном состоянии участников конфликта. Опираясь на работы А. Лефевра, М. де Серто и Г. Башляра, автор предлагает рассмотреть данную проблему в философско-антропологическом ключе, позволяющем выявить отношения между опытом постконфликтной ситуации и повседневным пространством индивида. Рассматривая пространства постконфликтной ситуации как «неместа» и исходя из теоретического подхода М. де Серто, автор предлагает несколько тактик пребывания и адаптации человека к постконфликтной ситуации. Автор полагает, что основных тактик такого рода две: это «тактика неподвижности» и тактика «временной укорененности». «Неподвижность» понимается как право индивида на несовершенство действия, как возможность если не сформировать, то осмыслить вероятности конструирования «здесь и сейчас» новых пространственных связей. Кроме того, «неподвижность» рассматривается автором как возможность перейти к следующему шагу — «временной укорененности». Такая укорененность характеризуется более устойчивыми границами и пространственными практиками, которые позволяют воспроизвести «домашние» практики, и тем самым найти психоэмоциональную и даже физиологическую устойчивость в новой постконфликтной повседневности. Возможность воспроизведения элементов старого доконфликтного существования задает перспективу существования в новой реальности.

Ключевые слова: место, дом, неместо, конфликт, постконфликтная ситуация.

Для цитирования:

Сатыбалдина Д.К. Практики пространственного существования человека в условиях постконфликтной ситуации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 527–535.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-527-535>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-527-535>

Received: 13.09.2023

Accepted: 30.11.2023

Published: 22.12.2023

THE PRACTICES OF HUMAN SPATIAL EXISTENCE IN A POST-CONFLICT SITUATION

Diana K. Satybalдина

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

This article attempts to develop understanding of human practices in a post-conflict situation within the framework of the spatially oriented approach. Traditional methods of understanding conflicts, such as trauma studies, focus on the psycho-emotional state of the participants in a conflict. Based on the works

of A. Lefebvre, M. de Certeau and G. Bachelard, the author proposes to consider this problem in a manner of Philosophical Anthropology, which allows us to identify the relationship between the experience of a post-conflict situation and everyday space of the individual. Considering the spaces of a post-conflict situation as «non-places», and based on the theoretical approach of M. de Certeau, the author proposes several tactics for a person's staying and adaptation to a post-conflict situation. The author believes that there are two main tactics of this kind: the «tactics of immobility» and the tactics of «temporary rootedness». «Immobility» is understood as an individual's right not to act, as an opportunity while not to form but to comprehend the probabilities of constructing new spatial connections «here and now». In addition, «immobility» is considered by the author as an opportunity to move on to the next step — «temporary rootedness». Such rootedness is characterized by more stable boundaries and spatial practices that allow us to reproduce «home» practices, and thereby find psycho-emotional and even physiological stability in the new post-conflict everyday life. The possibility of reproducing elements of the old pre-conflict existence sets the prospect of existence in a new reality.

Keywords: place, home, non-place, conflict, post-conflict situation.

To cite:

Satybaldina D.K. [The practices of human spatial existence in a post-conflict situation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 527–535 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-527-535>

Когда мы обращаемся к исследованиям пост-конфликтных ситуаций, в большинстве работ по этой теме мы встретим исследования в аспекте травматического или посттравматического опыта, а также исследования, демонстрирующие географические, миграционные или, иными словами, количественные характеристики изменений социального и политического пространства. Классическое понятие травмы сфокусировано на двух основных аспектах: с одной стороны, на том, как травма влияет на жертву, повторно вторгаясь в ее память, сказываясь на ее поведении, а с другой, в «невозможности памяти» в принципе [Айерман Р., 2013, с. 122]. В свою очередь, когда речь заходит о культурных травмах, следует отметить, что они не являются вещами. Они представлены различными процессами производства смыслов и атрибуций, противоборством индивидов и групп, в котором эти группы не просто обозначают ситуацию, но и пытаются найти для нее способы контроля и управления. В случае травмы всегда имеет место происшествие сильного, шокирующего характера, которое вызывает мобилизацию мнений и эмоций. Культурная же травма представлена двумя измерениями: эмоциональным опытом и реакцией интерпретации [Айерман Р., 2013, с. 124]. Подход в рамках данной теории сфокусирован на анализе и рефлексии опыта и эмоций, позво-

ляя сформировать представление об идентичности людей и социальных групп после и во время травматического опыта [Аникин Д.А., Головашина О.В., 2017]. Однако при таком подходе не всегда можно проследить, каким образом человек конструирует свою постконфликтную повседневность, а также каким образом социум решает проблему необходимости и возможности формирования нового человека в новой реальности. В выявлении и понимании содержания соответствующих человеческих, социальных практик и состоит основная цель данной статьи.

Если мы обратимся к историческим исследованиям переживаний, мемуаризации и описанию конфликтных и постконфликтных ситуаций на примере вынужденных перемещений в СССР, то обнаружим, что их разделяют на советский и постсоветский периоды. Так, исследователями отмечается, что, например, работы о проблемах депортации народов в советский период чаще публиковались за рубежом, «так как в Советском Союзе эта тема была под запретом до середины 80-х гг. XX века» [Макалков Т.Ж., Шотбакова Л.К., 2022, с. 136]. Также следует отметить, что одним из важных вопросов, на которые пытались ответить данные исследования, были определение депортаций [Кропачев С.А., 2011, с. 101] и выявление инструментов, которые использовали власти для

«адаптации» или «интеграции» этих народов в новой среде. Например, в работах Н. Неймарка, посвященным изучению особенностей депортации чеченцев, ингушей и крымских татар, отвергается версия о «геноциде» этих народов советским правительством. Автор интерпретирует действия властей как попытку перевоспитания с целью отречения от национальной культуры, традиций и даже от родины. Представители указанных народностей рассматривались как «человеческий материал», который нужно было сохранить, а вот понятия нации у них должно было исчезнуть через ассимиляцию и отрыв от корней [Макалаков Т.Ж., Шотбакова Л.К., 2022, с. 138]. При этом большой объем научных трудов посвящен непосредственно формированию и особенностям послевоенной историографии как в странах участниках военных конфликтов (и Второй мировой войны в частности), так и их соседей.

Для нас же важно отметить, что за время своей жизни человек неизбежно проходит через множество конфликтных ситуаций. В том числе через конфликтные ситуации, которые затрагивают не только отдельных индивидов, но и целые сообщества, однако существенным отличием межгрупповых социальных конфликтов является неизбежное и существенное изменение повседневной жизни человека. Георг Зиммель отмечал, что «конфликт — это принцип связи и принцип изменения культурных форм» [Черепанова Е.С., 2016]. Для наших дальнейших рассуждений важно отметить, что подобные культурные формы могут иметь различные репрезентации: это и быт, и язык коммуникации, и потребление, и дом. В данной работе мы будем исходить из того, что, будучи финальной стадией конфликта [Абакумова И.В., Рядинская Е.Н., 2016], постконфликтная ситуация представляет также и этап формирования нового социального пространства и находит выражение в том числе и в культурных формах. Таким образом, целью данного небольшого исследования является следующее: имеет ли постконфликтная ситуация особое пространственное выражение, и какие повседневные практики характерны для человека в подобных обстоятельствах. Объектом исследования в данном случае выступает социальное пространство постконфликтной ситуации, а предметом исследования является проблема переживания

человеком кризиса вынужденного пространственного перемещения.

Повседневность человека связана с устоявшимися практиками и нормами, которые находят воплощения в локальных проявлениях. Чтобы понять, каким образом постконфликтная ситуация выражается в повседневном социальном пространстве жизни человека, нам в первую очередь следует обозначить основные топологические формы, которые предоставляют собой устоявшиеся повседневные практики, и которые могут трансформироваться вследствие конфликтной ситуации. На наш взгляд, подобными формами локальности могут служить «места» и «дом».

В современной гуманитарной науке понятие «места» имеет свою историю описания и исследования. Исключая чисто топологический и географический подходы, мы остановимся на понимании места как пространства опыта и переживаний. Еще Анри Лефевр отмечал, что, несмотря на абстрактность, репрезентации пространства входят в социально-политические практики и воплощаются в конкретных пространственных формах. Эти формы не просто репрезентированы, они в первую очередь переживаются, а не осмысляются индивидом. Их не ограничивает ни когерентность, ни связность. Это пространство высказывает себя через предметы и вещи, «у него есть ядро или эмоциональный центр — Эго, постель, комната, квартира или дом; площадь, церковь, кладбище. Оно включает локусы страсти и действия, локусы пережитых ситуаций, а значит, сопряжено со временем. Тем самым оно может получать различные качественные характеристики: направленное, ситуационное, реляционное, потому что по сути своей оно является качественным, текучим, динамичным» [Лефевр А., 2015, с. 55]. В свою очередь, Дж. Урри, анализируя работы М. Хайдеггера, отмечает, что для немецкого мыслителя «“проживать” означало жить в покое, быть довольным и находиться дома в каком-то месте» [Урри Дж., 2012, с. 110], а А.Ф. Филиппов подчеркивает, что место — это проживаемая форма пространства, которое имеет ясное направление. Субъект не просто представлен телесно, он, очевидно, существует здесь и сейчас, в конкретной точке, «в отличие от всякого там» [Филиппов А.Ф., 2008,

с. 198]. Таким образом, мы можем отметить, что повседневность человека состоит не просто из пребывания в каких-то абстрактных пространствах городов или государств, но представлена существованием в определенных местах, репрезентированных и сформированных опытом человека, отчего они обретают индивидуальную значимость.

Важно отметить, что местом с глубоко выраженной психоэмоциональной и личной связью для человека становится дом. Это место наделяется сакральными смыслами, а предметы родного, близкого и постоянного быта даже могут обретать абсолютизированные формы. Подобные рассуждения приводит А. Лефевр, комментируя «Поэтику пространства» Г. Башляра и называя их даже ««топофилией» пространства репрезентации». Он отмечает, что по Башляру содержимое дома, выраженное в предметах быта, таких как гардеробы и комоды, кровати и диваны, возносится до практически онтологических высот. Сам же дом наряду с человеком принадлежит и космосу, «весь, от погреба до чердака, от фундамента до крыши, он обладает плотностью, одновременно сновиденной и рациональной, земной и небесной. Отношения между Жилищем и Эго близки к тождеству» [Лефевр А., 2015, с. 129–130]. Этой идее по Лефевру в некоторой степени противостоит М. Хайдеггер, для которого подвижность, перемещение и бродяжничество противостоит Жилищу. «Эти положения почти тавтологичны и мало что добавляют к великолепной, но загадочной формулировке: “Обитать есть фундаментальная черта бытия и всего сущего в нем”. А язык есть не что иное, как Жилище Бытия» [Лефевр А., 2015, с. 130]. Перемещение и мобильность в принципе может рассматриваться исследователями как «своего рода пробел (*blank space*), выступающий в качестве альтернативы для места, ограниченности, оснований и стабильности» [Cresswell T., 2006, p. 1–2]. В ключе философской антропологии стоит отметить идею Г. Плеснера о том, что для человека в принципе сокрыто его собственное бытие. В этом выражена ограниченность его животной организации. Его телесность дана в отношении некоторой срединной позиции, «в абсолютном “здесь” – “теперь”» [Плеснер Х., 2004]. Таким образом, именно некоторая локальность, расположение в пространстве является существен-

ной формой самовосприятия человека, более того «человек подчинен закону эксцентричности, по которому его бытие в “здесь” – “теперь”, то есть его растворение в переживании, больше не совпадает с точкой его существования» [Плеснер Х., 2004, с. 290], что еще раз подчеркивает, что пространственное восприятие человека связано с переживаниями и эмоциональным выражением.

Крупные конфликты, такие как мировые войны, миграционные кризисы, поствоенная оккупация, в процессе своего развития и существования приводят, на наш взгляд, к появлению так называемых «немест». Как от изменения повседневной жизни в тылу, так и непосредственно в пространстве боевых действий привычные «места» трансформируются, разрушаются или исчезают в своем материальном воплощении. «Дом» как особая форма локализации человека может подвергаться не только трансформации, но и исчезнуть в принципе, а участники конфликта могут быть перемещены на новое «место» во всех смыслах данного термина. В такой момент индивид оказывается в «неместах», которые характеризуются минимизированным социальным взаимодействием. В «неместах» никто не должен вести себя как дома, и, более того, зачастую не имеет для этого возможности. «Неместо» — это «пространство, лишенное символических выражений идентичности, отношений и истории: примеры включают аэропорты, автострады, анонимные гостиничные номера, общественный транспорт» [Бауман З., 2008, с. 111–112]. Это транзитное лиминальное пространство, которое исключает регулярный повторяющийся опыт и возможность полноценно воспроизводить привычные повседневные практики. В связи с этим мы можем зачислить в ряды «немест» и центры временного размещения беженцев, и окопы, и различного рода укрытия, и транспортные средства для перемещения беженцев и эвакуированных людей. Из рассуждений З. Баумана в «Текущей современности» [Бауман З., 2008] можно сделать вывод, что «неместа» являются местом борьбы личного и социального с незначимым, нейтральным и нивелированным. Извлечение из привычных паттернов поведения в таком пространстве может привести к неожиданной и непредсказуемой реакции, что способ-

ствуется формированию практик, позволяющих оставаться в зоне внутренней безопасности.

Если закономерным итогом включения в военный конфликт или миграционный кризис становится потеря «дома», своего «места» и пребывание в «неместах», то очевидным становится необходимость адаптации к ситуации конфликта и появления форм пребывания в постконфликтной ситуации. Исходя из пространственно-ориентированного подхода, мы можем обратиться к работе М. де Серто «Изобретение повседневности», которая известна введением в социальные и гуманитарные науки тактико-стратегического подхода. Французский исследователь отмечает, что для реализации стратегического подхода требуется устойчивость и выраженный субъект воли и власти. Более того, когда мы говорим о стратегии, мы предполагаем наличие некоторого места. Это место не только обозначено как ограниченное и собственное, но и становится точкой отсчета в построении управленческих связей с внешними пространствами, которые репрезентируют цели и угрозы. Таким образом стратегии направлены на разнородных акторов: от клиентов и врагов, населенных пунктов и субурбий, до объектов и задач исследования [Серто М. де, 2013, с. 109]. Мы можем сделать вывод, что для человека в повседневных практиках в рамках постконфликтной ситуации и пребывания в «неместе» описанный стратегический подход не является подходящим. На наш взгляд, для человека в постконфликтной ситуации более актуальной будет предложенная Серто концепция тактик, которые он определяет как действие, которое можно рассчитать, находясь в ситуации отсутствия собственного места; при этом не осуществляется отграничения от внешнего пространства, которое в иных ситуациях обеспечивает автономность. При использовании тактики всегда остается место для другого, поэтому она использует территорию в той форме, какой она организована другими субъектами, обладающими силой [Серто М. де, 2013, с. 110]. Тактика изворотлива, изобретательна, сиюминутна и мобильна. Она не работает с устоявшимися структурами, позволяет реагировать на вызовы здесь и сейчас, в конкретных обстоятельствах, предоставляя индивиду возможность извлекать личную выгоду. Безусловно, стратегии имеют возможность разграничивать, производить и

навязывать пространства, но в тактиках у человека остается перспектива использования, пересборки и манипуляции этими пространствами [Серто М. де, 2013, с. 101].

Конфликтная и постконфликтная ситуация может стать причиной различных типов перемещения, и чаще всего эти перемещения являются вынужденными. В современных зарубежных исследованиях миграцию подразделяют на добровольную и вынужденную, в свою очередь, в рамках вынужденной миграции современными авторами выделяются [Channa Z.H. et al., 2023] различные категории мигрантов, основываясь на экономических, политических и социальных факторах. К первой категории относят беженцев. Беженцами, согласно определению ООН от 1951 г., принято считать лиц, которые живут за пределами страны, гражданство которой они имеют, не имея возможности или желания вернуться в силу преследования по различным признакам. Ко второй категории относят лиц, ищущих убежища. Это люди, которые перешли международную границу и покинули страну, где у них имеется гражданство, в поисках защиты. Это соответствует Конвенции о статусе беженцев 1951 г., но подобного статуса у этих людей нет, поскольку их заявление о предоставлении указанного статуса находится на рассмотрении. К третьей категории причисляют внутренне перемещенных лиц, к которым относят большие по численности группы людей, вынужденные внезапно или неожиданно покинуть свои дома в результате вооруженных конфликтов, внутренних государственных проблем, систематических нарушений прав человека, природных или техногенных катастроф, но при этом они остаются на территории своей страны. В этой категории представлены люди, перемещенные вследствие политики или проектов, реализованных с целью «развития территории», к этому можно отнести масштабные инфраструктурные проекты, инициативы по расчистке городов, добычу полезных ископаемых и вырубку лесов, создание парков/заповедников и биосферные проекты. К четвертой категории причисляют лиц, перемещенных по причине экологических проблем и стихийных бедствий, т.е. мигрировавших в рамках территории своей страны в результате стихийных бедствий, изменения окружающей среды, техногенных катастроф, промышленных

аварий, радиоактивного загрязнения. Еще к одной группе вынужденных мигрантов относятся люди, незаконно ввезенные на территорию государства, которых перевозят с целью получения прибыли. Эти люди хоть и выступают как участники подобного бизнеса, но зачастую обладают меньшими правами, чем те, кто организуют их перемещение, а также подвержены различным опасностям и эксплуатации. К последней категории вынужденных мигрантов относят людей, ставших жертвами торговли людьми. Они зачастую не имеют физической возможности покинуть новую страну пребывания, такого человека могли принудить к миграции, связав финансовыми обязательствами или угрозами насилия [Channa Z.H. et al., 2023, p. 94–95].

Ситуация военных конфликтов и мировых войн может стать причиной появления различных форм миграции населения, и, более того, практически любой формы вынужденной миграции. Люди, вовлеченные в той или иной форме в военные действия, неизбежно сталкиваются с изменениями своего социального пространства. В свою очередь, эти изменения связаны с короткой или продолжительной практикой пребывания в «неместах». Исходя из этого, у нас возникает вопрос, какие пространственные тактики доступны человеку в постконфликтной ситуации, характеризующейся пребыванием в «неместах»? На наш взгляд, их две: «тактика неподвижности» и «тактика временной укорененности».

Неподвижность (англ. stillness) и укорененность на сегодняшний день являются одними из аспектов изучения пространств мобильности. Начавшись с «неудовлетворенности в отношении валоризации форм неподвижности-укорененности и оседлого образа жизни», исследование неподвижности в теориях мобильности позволило открыть новые аспекты в практиках перемещения [Cresswell T., 2012, p. 648]. И если в современных теориях неподвижность рассматривалась изначально как «потраченный впустую момент или как пустота и бездействие» [Cresswell T., 2012, p. 648], то теперь мы можем говорить о неподвижности как праве на несовершенство действия, праве не перемещаться, возможности если не сформировать, то осмыслить вероятности конструирования

новых «здесь и сейчас» пространственных связей.

Подобную тактику поведения можно реализовать через ряд вполне привычных повседневных практик, позволяющих пребывать в неподвижности/спокойствии, либо комплексе ощущений, свойственных состоянию неподвижности, не пребывая в нем, например, с помощью музыки, книг, гаджетов, различного рода «огораживаний» с помощью вещей и одежды. Не случайно такие места неподвижности/спокойствия представлены в границах, и именно границы играют ключевую роль в современных исследованиях мобильности [Cresswell T., 2012, p. 649]. Неподвижность дает шанс на стабильность, необходимую человеку, лишенному жизненных оснований, а также на формирование базовых личных границ. Также мы можем рассматривать неподвижность как возможность перейти к следующему шагу — первичной, временной укорененности. Такая укорененность, на наш взгляд, характеризуется более устойчивыми границами и пространственными практиками, которые позволяют не только определить «свое место», но и воспроизвести «домашние» практики, позволяющие найти психоэмоциональную и даже физиологическую устойчивость в новой постконфликтной повседневности. К таким практикам можно отнести небольшие привычные ритуалы (выпитая с утра чашка кофе, чтение новостей, сидя в кресле или на диване), прослушивание музыки и просмотр фильмов из родных мест, возможность приготовить привычные блюда, организовывать пространства для сна и отдыха в привычном порядке. Например, в немецких общинах спецпереселенцев Урала после Второй мировой войны немцы смогли «сохранить свою конфессиональную идентичность и некоторые основы календарной обрядности в семье» [Киссер Т.С., 2019, с. 122]. Также следует упомянуть и коммуникацию на родном немецком языке, хотя эта практика и становилась все менее значимой с каждым последующим поколением. Со схожим опытом утраты привычного пространства столкнулось не только немецкое население СССР, но и немцы в Германии во время Второй мировой войны, как при наступлении армий, так и после войны в рамках вынужденной миграции по территории четырех оккупационных зон.

Описывая свой детский опыт эвакуации и временного возвращения на родную ферму, участники тех событий отмечают, что они столкнулись не только с временной потерей дома, но и по возвращению в родные места поняли, что утрачены результаты их личного труда, потеряно ощущение безопасности, которым характеризуется домашнее пространство, а внешние повреждения дома как объекта постоянно напоминали о его хрупкости [Hughes V., 2016, p. 30]. Но все же элементы прошлой жизни позволяли ощущать причастность к конкретному месту. Дальнейшая же послевоенная миграция лишила людей и привычной общинной коммуникации, которая была связана не только с языком, но и системой коллективной поддержки. Переселенные в тесные и некомфортные условия, люди стали идеализировать образ своего прошлого дома, которого больше не было, т.е. представления о новом доме строились с отсылкой на несуществующий идеальный и романтизированный образ [Hughes V., 2016, p. 32]. Для этих людей возможностями для адаптации в новом пространстве становились включения в местные ассоциации, занятие привычным видом деятельности (сельским хозяйством), появление новых семей и детей.

Если же мы обратимся к бытоописанию, представленному в фронтовых письмах Великой Отечественной войны, то описания жизни в блиндаже вполне будут соответствовать приведенному выше описанию «немест»: «внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на гвозде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. <...> Спим рядышком, понятно — не раздеваясь, так как в любую минуту может прозвучать любимая команда “Расчет, к оружию!”» [Сенявская Е.С., 1997, с. 144], при этом в своих обращениях к близким Ю.И. Каминский (отрывок его письма к брату приведен ранее) главной просьбой отмечает письма и возможность доступа к книгам, которые выступают главным напоминаем о жизни вне фронта, а также «мирными» практиками, которые можно воспроизвести даже в рамках ограниченной окопной жизни. Таким образом, возможность воспроизведения элементов ста-

рого доконфликтного существования задает перспективу существования в новом послевоенном или постконфликтном мире.

Повседневная жизнь человека неразрывно связана с различными местами: рабочими, учебными пространствами, транспортом, некоторые из них образуют прочные психоэмоциональные связи и практики, становясь местом особого порядка, как это происходит, например, с домом. В свою очередь, опыт переживания военного конфликта связан со многими потрясениями, к которым относится в том числе утрата собственных мест и домов. Мы видим, что постконфликтная ситуация характеризуется не только разнообразными формами вынужденной миграции людей, но и формированием особых форм социального пространства — «немест». Люди, переживающие опыт пребывания в подобных «неместах», формируют персональные практики адаптации и нормализации повседневности, которые выражаются в «тактиках неподвижности» и тактике «временной укорененности». Эти тактики могут выражаться не только в восстановлении групповой коммуникации, своего социального и экономического статуса, но и, казалось бы, в совсем незначительных мелочах — использовании привычных предметов быта, письмах или выпитой чашке чая.

Выражение признательности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00851).

Acknowledgements

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) (project No. 23-18-00851).

Список литературы

- Абакумова И.В., Рядинская Е.Н.* Особенности постконфликтного восстановления: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 4(38). С. 208–214.
- Айерман Р.* Социальная теория и травма / пер. Д.О. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 1. С. 121–138.
- Аникин Д.А., Головашина О.В.* Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017.

№ 425. С. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/425/10>

Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Киссер Т.С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 372 с.

Кропачев С.А. Современная российская историография депортаций народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23(238). С. 100–103.

Лефевр А. *Производство пространства* / пер. с фр. И.К. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

Макалаков Т.Ж., Шотбакова Л.К. Зарубежная историография проблемы адаптации народов Северного Кавказа, насильственно переселенных в Казахстан в 40-х гг. XX века // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2022. № 4(108). С. 135–141. DOI: <https://doi.org/10.31489/2022hph4/135-141>

Плеснер Х. *Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию* / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

Сенявская Е.С. *Человек на войне. Психолого-исторические очерки*. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. 232 с.

Серто М. де. *Изобретение повседневности. 1. Искусство делать* / пер. с фр. Д.Я. Калугина, Н.С. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Урри Дж. *Мобильности* / пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Филлипов А.Ф. *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 290 с.

Черепанова Е.С. *Философия конфликта: учеб. пособие*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 196 с.

Channa Z.H., Pathan P.A., Shaikh E.Kh.Z. Migration: Concept, Types & Rational // Journal of Grassroot. 2023. Vol. 50, no. 2. P. 90–101.

Cresswell T. *Mobilities II: Still* // Progress in Human Geography. 2012. Vol. 36, iss. 5. P. 645–653. DOI: <https://doi.org/10.1177/0309132511423349>

Cresswell T. *On the move: Mobility in the Modern Western World*. N.Y.: Taylor & Francis Group, LLC, 2006. 340 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203446713>

Hughes V. *Narrating «Home»: Experiences of German Expellees after the Second World War* // Refuge. 2016. Vol. 32, no. 1. P. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25071/1920-7336.40381>

References

Abakumova, I.V. and Ryadinska, E.N. (2016). [The specific features of a post-conflict reconstruction: domestic and foreign experience]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev]. No. 4(38), pp. 208–214.

Aierman, R. (2013). [Social theory and trauma]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 12, no. 1, pp. 121–138.

Anikin, D.A. and Golovashina, O.V. (2017) [Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 425, pp. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/425/10>

Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity]. St. Petersburg: Piter Publ., 240 p.

Certeau, M. de. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The practice of everyday life]. St. Petersburg: European University Publ., 330 p.

Channa, Z.H., Pathan, P.A. and Shaikh, E.Kh.Z. (2023). Migration: Concept, types & rational. *Journal of Grassroot*. Vol. 50, no. II, pp. 90–101.

Chrepanova, E.S. (2016). *Filosofiya konflikta* [Philosophy of conflict]. Yekaterinburg: UFU Publ., 196 p.

Cresswell, T. (2012). *Mobilities II: Still*. *Progress in Human Geography*. Vol. 36, iss. 5, pp. 645–653. DOI: <https://doi.org/10.1177/0309132511423349>

Cresswell, T. (2006). *On the move: Mobility in the Modern Western World*. New York: Taylor & Francis Group Publ., 340 p. DOI:

<https://doi.org/10.4324/9780203446713>

Filippov, A.F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 290 p.

Hughes, V. (2016). *Narrating «Home»: Experiences of German Expellees after the Second World War*. *Refuge*. Vol. 32, no. 1, pp. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25071/1920-7336.40381>

Kisser, T.S. (2019). *Nemtsy Urala: etnoistoriya i identichnost'* [Germans of the Urals: Ethnohistory and identity]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 372 p.

Kropachev, S.A. (2011). [Modern Russian historiography of deportations of the peoples of the USSR during the Great Patriotic War]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo univversiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 23(238), pp. 100–103.

Lefebvre, H. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka Press, 432 p.

Makalakov, T.Zh. and Shotbakova, L.K. (2022). [Foreign historiography of the problem of adaptation of the peoples of the North Caucasus, forcibly resettled in Kazakhstan in the 40s. XX century]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Sariya: Istorija. Filosofiya* [Bulletin of the Karaganda University. «History. Philosophy» series] No. 4(108), pp. 135–141. DOI: <https://doi.org/10.31489/2022hph4/135-141>

Plessner, H. (2004). *Stupeni organicheskogo i chelovek: vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Lev-

els of organic life and the human: an introduction to philosophical anthropology]. Moscow: ROSSPEN Publ., 368 p.

Senyavskya, E.S. (1997). *Chelovek na voyne. Psikhologo-istoricheskie ocherki* [A man at war. Psychological and historical essays]. Moscow: IRH RAS Publ., 232 p.

Urry, J. (2012). *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis Publ., 576 p.

Об авторе

Сатыбалдина Диана Кайратовна

ассистент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: diasatru@gmail.com
ResearcherID: ACM-6680-2022

About the author

Diana K. Satybaldina

Assistant Lecturer of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: diasatru@gmail.com
ResearcherID: ACM-6680-2022

УДК 111.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-536-546>

Поступила: 01.11.2023

Принята: 30.11.2023

Опубликована: 22.12.2023

**«ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ» И СЕМАНТИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
В ФИЛОСОФИИ РАЗЛИЧИЯ Ж. ДЕРРИДА:
К ЦЕННОСТНОМУ ИЗМЕРЕНИЮ ДЕКОНСТРУКЦИИ**

Сковородко Александр Денисович

*Зональная научная библиотека им. В.А. Артисевич
Саратовского национального исследовательского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)*

Статья посвящена концептуальному оформлению семантического пространства экономической метафоры, произведенному в философии различия Ж. Деррида на фоне осуществляемого ею размежевания с диалектической интерпретацией различия. Цель данной работы — показать, как Деррида совмещает под одной идиомой («экономия *differance*» или просто «*differance*») несколько смыслов «экономии», конфликтующих, но функционально соотнесенных друг с другом, а также через раскрытие этого момента подвести к вопросу о ценностных основаниях деконструктивистского мышления. Для этого исследование прибегает к сравнительному анализу текстов Деррида и некоторых авторов, у которых он заимствует и трансформирует экономическую метафору в контексте критики диалектического метода философствования (Ж. Батай и Э. Левинас). Философия Деррида, реконструируя диалектическую экономию, переосмысляет экономическую метафору и выводит недиалектическое Различие в качестве самостоятельного философского проекта. В статье, также при обращении к комментарию Ф. Ларюэля, устанавливается, что сопряжение конфликтующих друг с другом смыслов экономии, из которого только и может быть выведено чистое Различие, достигается Деррида через активную эквилибристику или перестановку акцентов внутри по-новому понятой экономической метафоры (экономия и диалектика *то* преодолимы, *то* необходимы). Принцип, согласно которому за счет этой перестановки организуется семантическое пространство «экономии», также указывает на присутствие в деконструкции определенных ценностных предпосылок. Результаты анализа позволят развить исследование вопроса о роли ценностных установок в деконструкции. Например, исследование может быть продолжено в сторону углубленного сравнения проектов Ж. Деррида и Э. Левинаса в контексте этической проблематики их философии.

Ключевые слова: деконструкция, диалектика, Другой, Ж. Батай, Ж. Деррида, Различие, Э. Левинас, экономия.

Для цитирования:

Сковородко А.Д. «Преодоление диалектики» и семантическое пространство экономической метафоры в философии различия Ж. Деррида: к ценностному измерению деконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 536–546. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-536-546>

**«OVERCOMING DIALECTICS» AND THE SEMANTIC SPACE
OF ECONOMIC METAPHOR IN J. DERRIDA'S PHILOSOPHY
OF DIFFERENCE: TOWARD THE VALUE DIMENSION
OF DECONSTRUCTION**

Alexander D. Skovorodko

Regional scientific library named after V.A. Artisevich, Saratov State University (Saratov)

The article discusses the conceptual design of the semantic space of economic metaphor proposed in J. Derrida's philosophy in the context of its demarcation with the dialectical interpretation. The purpose of this work is to show how Derrida mixes under one idiom (the «economy of difference» or simply «différance») several meanings of «economy», conflicting, but functionally correlated with each other, and also, through revealing this point, to bring to the question of the value foundations of deconstructivist thinking. For this, the study employs a comparative analysis of texts by Derrida and some authors from whom he borrows and transforms the economic metaphor in the context of criticism of dialectical method of philosophizing (G. Bataille and E. Levinas). Derrida's philosophy, by reconfiguring dialectical economy, rethinks the economic metaphor and brings out non-dialectical Difference as an independent philosophical project. The article, while also referring to F. Laruelle's commentary, establishes that the pairing of conflicting meanings of economy, only from which a pure Difference can be obtained, is achieved by Derrida through an active balancing or shifting of emphasis in a newly understandable economic metaphor (economy and dialectic are sometimes surmountable, sometimes necessary). The principle according to which, due to this rearrangement, the semantic space of «economy» is organized, also indicates the presence of certain value preconditions in deconstruction. The results of the analysis open up prospects for exploring the question of the role of values in deconstruction. For example, it is possible to continue research with a deeper analysis of Derrida's and Levinas's projects in the context of the ethical questions of their philosophy.

Keywords: deconstruction, dialectics, the Other, G. Bataille, J. Derrida, Difference, E. Levinas, economy.

To cite:

Skovorodko A.D. [«Overcoming dialectics» and the semantic space of economic metaphor in J. Derrida's philosophy of difference: toward the value dimension of deconstruction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 536–546 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-536-546>

Введение

Основной предмет данного исследования — связь между проблемой множественности смыслов внутри экономической метафоры, используемой в философии различия Ж. Деррида, и вопросом о способах, какими эта философия осуществляет демаркацию между чистым Различием и диалектическим противоречием, выводах первое через деконструкцию последнего. Раскрытие этой связи, как мы покажем ниже, также намечает вопрос о ценностном измерении деконструкции.

Вначале мы обратимся к одному из первых текстов Ж. Деррида, «Письмо и различие» [Деррида Ж., 2000], где экономия рассматривается как метафора диалектического противоречия и операции снятия (Левинас, текст «Насилие и метафизика» [Деррида Ж., 2000, с. 99–197]; Батай, «Невоздержанное гегельянство» [Деррида Ж., 2000, с. 317–352]). Здесь Ж. Деррида начинает говорить об экономии в контексте своих размышлений о *differance* (в дальнейшем также *различение*), переосмысляя и развивая данную метафору в рамках собственных концептуаль-

ных построений. Таким образом, понятия, разрабатываемые Батаем, Левинасом и Деррида и обусловившие их интерес к этой метафоре, будут рассмотрены нами как критические модификации некоторых решений гегелевской диалектики. Отношение Деррида к Г.В.Ф. Гегелю в этих текстах опосредовано мыслью Батая и Левинаса, которые вступают в полемику с немецким философом, и чьи понятия Деррида перенимает либо без существенной корректировки («общая экономия», Батай), либо с определенной переинтерпретацией («Иное» и «Тождественное» в их левинасовской интерпретации). Эту преэминентность необходимо зафиксировать для понимания специфики решений самого Деррида относительно гегелевской диалектики и ее «экономизма» (об этом экономизме см. далее). В «Glas» [Derrida J., 1974], «Позициях» [Деррида Ж., 2007] и докладе «Differance» [Деррида Ж., 2000, с. 377–403] Деррида, поместив фигуры Батая и Левинаса внутрь собственных размышлений, будет еще теснее связывать экономическую метафору с функционированием *differance*, а также еще раз прояснит собственное отношение к диалектике.

«Donner le temps» [Derrida J., 1991], непосредственно посвященный экономии как самостоятельному объекту изучения, представляет рубеж, после которого (в связи, например, с последующей дискуссией вокруг дара и дарения [О даре..., 2011]) можно наблюдать перестановку акцентов в экономической метафоре в сторону вопроса о ценностном измерении деконструкции. Экономия все чаще берется в контексте оппозиции дар — обмен и этических импликаций этой последней. Данное смещение интереса сопровождается заметным сближением Деррида с этико-религиозной мыслью Левинаса, некогда ставшей объектом критики в «Письме и различии».

Однако это развертывание экономической метафоры в иное, новое для нее измерение этики и ценности не должно заставлять думать, будто определенный, требующий своего объяснения выбор (в пользу различия и Иного) не сохранился в философии различия еще до того, как был совершен данный переход. Они пролегают в ней гораздо глубже, не только на уровне обозреваемой «темы» и случайного предмета для интерпретации, но и фундируют этот проект

целиком, определяя его интенции. Понять, что это так, можно, обратив внимание на устройство семантического пространства экономической метафоры в философии Ж. Деррида в контексте его деконструкции диалектики и на то *решение*, которое выстраивает и кодирует данное пространство. Мы обратимся к некоторым замечаниям Ф. Ларюэля, где прямо или косвенно уточняется интересующая нас множественность смыслов внутри экономической метафоры, которая подразумевает не их дискретность и безразличное сосуществование внутри общего континуума, а их функциональную соотнесенность при одновременной несовместимости или конфликтности между ними. Обнаружив то, как вопреки этой конфликтности скрепляются смыслы экономии в философии различия, т.е. сам принцип организации семантического пространства экономической метафоры, позволит утверждать, что, несмотря на явную критику Левинаса со стороны раннего Деррида, его мысль *всегда* глубоко зависела от левинасовского этико-религиозного учения об Ином. До того, как дар (Иному) стал для Деррида темой, деконструкция уже началась с ценностного выбора [Deconstruction in a nutshell..., 1997, p. 127–128], с *решения*, ответственного за то, что в экономической метафоре у Деррида разрозненные и конфликтные смыслы соотнесены таким, а не иным образом при возможности альтернативных конфигураций этой экономии (например, диалектической конфигурации, но также и левинасовской). Таким образом, нас интересуют не столько поздние тексты Деррида, посвященные Левинасу, сколько те предельные условия, при которых Различие может быть «вырвано» из диалектики, но чьи исток и основание, мы полагаем, обнаружимы лишь при постановке вопроса о ценностных предпосылках этих философий.

В большей степени наш анализ отталкивается именно от «Письма и различия», где логика и структура *differance* *выводится* из дерридианского прочтения чужих понятий и раскрывается на их материале (хотя в тексте о Батае *differance* не фигурирует, здесь мысль Деррида следует логике этого термина). Мы постараемся рассмотреть работу *differance* в узком кругу понятий Гегеля, Батая и Левинаса. «Позиции» и доклад «Различение», в таком случае, являются, скорее, некоторым обобщением и систематизацией опы-

та, полученного в «Письме и различии». Был возможен, впрочем, и иной подход: мы могли бы заняться именно этими текстами и изучить структуру *differance* саму по себе, элементами которой уже будут левинасовские, батаевские и гегелевские понятия (соотнеся, например, неэкономическую функцию задержки или промедления производства значений с тратой Батая и с Иным Левинаса, а неотделимую от нее продуцирующую функцию — с ограниченной экономией и с Тождественным [Деррида Ж., 2000, с. 394–396]). Нам важно описать то, как Деррида решает пересобрать экономическую метафору, как она фигурирует у Батая и Левинаса, а также подспудно у Гегеля, в новую, альтернативную конфигурацию, которая бы отображала, скорее, процессы, относящиеся к Различию, а не к диалектике, из которой Различие выводится посредством определенной стратегии или определенного решения деконструкции. Поэтому первый путь, позволяющий (с намеченными выше целями) обнаружить в философии Различия такую стратегию и такое решение, предпочтительнее.

Синтаксис «общей экономии» Ж. Батая и «ограниченная экономия» *Aufhebung*

Для начала несколько слов об общем фоне послевоенной французской феноменологии в ее отношении к экономической тематике. Рефлексия над экономией здесь происходит вместе с осмыслением проблематики дара (у раннего Деррида, впрочем, это не столь выражено). М. Энафф отмечает, что у таких авторов, как Э. Левинас, Ж.-Л. Марион, Ж. Деррида дар — это односторонний акт отдачи, на который не должно последовать никакого ответа со стороны получателя, и который никогда не будет возмещен [Энафф М., 2015, с. 12]. Под экономией же этими мыслителями чаще всего понимается такая коммуникация, где акт отдачи, напротив, требует взаимности. Вместе с тем дерридианское понимание экономии потребовало бы, во-первых, дополнения понятиями «ограниченной» и «общей» экономии Ж. Батая и термином *differance*, через который в «*Donner le temps*» также описывается экономический обмен [Derrida J., 1991, p. 58–59]; во-вторых, следовало бы после этого дополнения отвлечься от дерридианского описания опыта дара, абсолютно Иного, чья патетика не должна нас

обманывать, и обратить внимание на *самостоятельную ценность* экономии для его философии, которая вовсе не является ущербным членом оппозиции дар-обмен, но играет здесь свою особую роль. Впрочем, ценностное значение экономии у Деррида может быть извлечено только после выполнения первого пункта.

Для Ж. Батая (как впоследствии и для Деррида) понятие «общей экономии» «предполагает осмысление и учетывание фактора неустранимых потерь, издержек, неизбежных утрат в отношениях репрезентации (отображения) и обозначения будь то конкретных объектов, или современных абстрактных сверхчеловеческих реальностей» [Кропотов С.Л., 2000, с. 126]. Тем самым «общая экономия», как и деконструкция, охватывает самый широкий спектр феноменов (мистический опыт, так и поэзия, как обмен в первобытных племенах (при опоре на исследования М. Мосса и Ф. Боаса) и в современном обществе, так и сам опыт философской рефлексии, служа их универсальной матрицей. Если ограниченная экономия описывает обычный цикл обмена, возмещения всех произведенных трат, то общая экономия представляет тот же процесс, но в перспективе тотального уничтожения всех ресурсов [Батай Ж., 2006, с. 117, 152–154]. Как следует из определения общей экономии, экономия ограниченная не может быть отделена от нее или полностью ею отрицаться. Симметрия обмена, сохраняясь, *встраивается* Батаем в новый синтаксис, более широкий контекст, где утверждается, что стабильность ограниченной экономии суть временное явление на пути к совершенной растрате ресурсов, истощающей ее целиком.

Что происходит с философией, пропущенной через эту матрицу? Главным образом Батая здесь интересует система гегелевского снятия (*Aufhebung*). Согласно Деррида, Батай делает с диалектикой Гегеля то же, что и с ограниченной экономией — сохраняет и встраивает ее в конфигурацию или синтаксис общей экономии [Деррида Ж., 2000, с. 320–321]. Но что «расходуется» и «приобретается» в диалектике? Сам *Aufhebung*, как замечает и Батай, и Деррида, является понятием целиком экономическим, соответствуя батаевской ограниченной экономии. У Гегеля «*Aufheben* — значит, во-первых, устранить, отрицать... Но *aufheben* означает также сохранить» [Гегель Г.В.Ф., 1974, с. 238]. В свою

очередь, отрицание без этого возмещения определяется Гегелем как «абстрактная негативность» [Гегель Г.В.Ф., 2000]. Для Гегеля, как в истории раба и господина, где последний становится собой, только идя на смертельный риск, негативность выполняет продуцирующую функцию, производит смысл и истину, сама по себе не являясь хоть сколько-то ценной [Bataille G., 1988, p. 344]. Негативность, таким образом, призвана работать на диалектику, чье движение увенчивается тотальностью абсолютной Идеи, отрицание которой уже несколько не будет отличаться от ее же утверждения, а вместе с ней, следовательно, утверждения *Aufhebung* [Малкина С.В., 2015, с. 47–48, 56–57].

Однако Батая, как уже говорилось, не интересуется *противопоставление* общей и ограниченной экономии, а в случае системы Гегеля — абстрактной негативности и негативности *Aufhebung*. Речь идет о том, чтобы реконфигурировать их отношения внутри общего пространства. Вначале Батай делает то, что позже сделает Деррида с даром — заставляет усомниться в возможности для траты стать феноменом сознания (дар влечет за собой благодарение и тем самым снимает себя как дар — у Деррида прослеживается тот же мотив [Derrida J., 1991, p. 26–27]). Как в случае жертвоприношения или безудержной траты заявляемый риск всегда рискует обратиться в комедию, поскольку жертва уже вознаграждается символическим признанием, так и в случае чистой негативности говорить о ее возможности удастся с большим трудом [Bataille G., 1988, p. 336]. Разуму доступна *только* негативность *Aufhebung*. Например, нельзя, отрицая А и говоря не-А, не сохранять при этом отрицаемое А, не обретать его заново на ином уровне [Малкина С.В., 2015, с. 47–48, 56–57]. На самом деле, абстрактная негативность «никогда не имела места... всегда отсутствует, потому что, став присутствующей, она вновь взялась бы за работу» [Деррида Ж., 2000, с. 323]. То, что хочет произвести Батай, все же утверждая возможность общей экономии, имеет место только на постоянно оспариваемой *различающей* границе между позитивом и негативом и производимыми ими смыслом и бессмыслием [Деррида Ж., 2000, с. 322].

Однако ничто не мешает Батаю и Деррида утверждать, что ограниченная экономия являет-

ся лишь моментом общей, тем самым «*инвертируя*» гегелевскую систему целиком [Тимофеева О.Л., 2005], внося в нее Инаковость, которая уже не подчиняется ни логике, ни диалектике. Этот ход Батая и Деррида для своего описания требует частично оставить пространство диалектики и двинуться по направлению к иным концептуальным решениям. Невозможность настоящего опыта траты без его незамедлительной компрометации и, следовательно, наша «обреченность» на ограниченную экономию и ее вечное движение по кругу, сочетается с утверждением перспективы, в которой диалектическое движение будет окончательно оставлено. В теперь уже обращенном синтаксисе гегелевской системы негативность выполняет не (только) служебную функцию, но (и) является ее *реальным*, пусть и недоступным нам итогом. Это *реальность*, если проводить аналогию (довольно ограниченную) между батаевским отрицанием и не-экономической функцией в структуре дерридианского *differance*, скорее в смысле гуссерлевского *reell*, а не *real*; такое реальное, чья актуальность проявляет себя, не будучи данной в качестве феномена сознания, *real* [Дронов А.В., 2007, с. 63–65]. Надлежит расспросить правомерность этого утверждения траты, которая не может и не должна стать феноменом, но которая все же *есть* (как есть, например, смерть, в опыт уже не конвертируемая, но оттого не менее действенная; и если бы мы занимались разбором структурных и функциональных элементов *differance* в стороне от батаевской проблематики, потребовалось бы также изучить не только «реальность» *reell*, но и ее *всегда-уже* осуществляемое действие, ее *актуальность* в полном смысле слова, потому приведенная аналогия полезна, но в нашем случае имеет ограниченное применение).

Преодоление Тожественного через Иное в учении Э. Левинаса

Случай Э. Левинаса, тоже намеренного преодолеть диалектику, представляется, с одной стороны, особым, с другой — во многом повторяющим Батая. Выводя на передний план понятия Тожественного и Иного, Левинас целит прямо в диалектику, в которой Иное, подобно негативности, является лишь функцией системы, всегда возвращающейся к Тожественному через само его отрицание. Такое возвращение *воспрещает*

ся в радикальной этике Иного и в понятии Дела. Левинас постулирует этическую самоценность Иного, его уникальность, несводимость к Тожественному: «Иное не есть отрицание Тожественного, как считал Гегель. Основополагающий факт онтологического разделения на Тожественное и Иное есть не отторгающее друг друга отношение Самотождественного и Другого» [Левинас Э., 2000, с. 286]. Дело как акт принятия Иного характеризуется отказом от какой-либо взаимности вообще, будучи невозвращением к себе, ответственностью перед Иным и жертвенной самоотдачей. «Радикально помышленное Дело есть такое движение Тожественного к Иному, которое никогда не возвращается к Тожественному... Следовательно, оно не требует благодарности Иного: ведь благодарность была бы возвратом движения к своему началу» [Левинас Э., 2004, с. 614].

Левинас списывает все сомнения в возможности порывания с диалектикой и (ее) экономикой на «философский скептицизм» и говорит об осмысленности решения подчинить (этически) Тожественное Иному [Critchle S., 2014, p. 156–169]. Проблема и одновременно радикализм этого решения заключаются в том, что его можно принять, лишь находясь за пределами философского дискурса, когда онтология, диалектика и феноменология, а также политика и право, на чьих территориях такой маневр совершенно недопустим, превращаются в заложников этики и религии. Ведь как возможно Иное, которое прежде бы не относилось, полагая себя тем самым в зависимость от него, к Тожественному? По отношению к чему, спрашивает Деррида, Иное тогда выступает как Иное? Отделяться от Тожественного означает все же соотноситься с ним *в самом отделении* двух терминов. И, наконец, будучи бесконечно Иным, получается, что оно одновременно не должно являться собой, т.е. Иным. Потому Иное всегда должно быть Иным Иного. В противном случае оно становится тождественным (себе) [Деррида Ж., 2000, с. 158–159]. Таким образом, Деррида от лица диалектики выражает определенное недоверие к этому способу ее преодолеть.

Однако Деррида не опрокидывает это учение обратно в диалектику безвозвратно и целиком, скорее, развивает мысль Левинаса в определенном направлении, *инвертируя* отношения Тож-

дественного и Иного так, как это делает Батай с ограниченной экономией. Вместо того, чтобы отбросить любой разговор об Ином, Деррида устанавливает между ним и Тожественным отношения *различения* (*differance*), которое уже не было бы целиком диалектическим. *С одной стороны*, Иное действительно диалектически (экономически) неотделимо от Тожественного *в самом акте отделения*, но *с другой стороны*, оно выступает в роли нередуцируемого избытка по отношению к Тожественному. Иное *и вне, и внутри* отношений с Тожественным. Как и батаевская «трата» в общей экономии, вопреки своей невозможности постулируемая в качестве реального (в установленном смысле *reell*, если и дальше развивать аналогию) конца диалектического движения, Иное бесконечно ускользает из его логики, играя с ней [Деррида Ж., 2000, с. 159–160]. Речь, таким образом, даже не идет о *противоречии* между терминами, как оно понимается Гегелем, ведь оно бы предполагало наличие у них некоторого общего основания, способного примирить (снять) противоположности. «Гегель... определяет различие как противоречие именно для того, чтобы иметь возможность его разрешить, интериоризировать, снять его в соответствии с силлогистическим процессом негативной диалектики» [Деррида Ж., 2007, с. 52–53]. Чтобы этого избежать, Деррида выдвигает бесконечное различие, *differance* Иного и Тожественного, в котором *Иное полагается как реальное или абсолютное* [Laruelle F., 2013, p. 185], т.е. несводимое к, пусть и необходимым для его утверждения, синтаксическим отношениям от-деления (нужно заметить, что у Деррида понятие Тожественного получает — например в цитируемых здесь «Позициях», где проводится разница между *le même* и *l'identique*, переведенными как «то же» и «тождественное» [Деррида Ж., 2007, с. 17] — определенную модификацию, на которую обращает внимание и Ларюэль, но которую, однако, мы видим здесь возможным опустить). Различие между терминами теперь уже является не отношением *противоречия*, а предстает в качестве чистой *конфликтности* [Деррида Ж., 2007, с. 52–53], различению без конечного синтеза. Эту инверсию Иного и Тожественного Ф. Ларюэль назовет *иудаистской инверсией различия* [Laruelle F., 1986, p. 153–157].

**«Иудаистская инверсия различия»
и неоднородность экономической метафоры
в философии Ж. Деррида**

Деррида в собственном понимании Различия (как *differance*) совмещает греческое (диалектическое и, в конечном счете для Деррида, метафизическое) и иудаистское (этико-религиозное; используя обозначение «иудаистский», Ф. Ларюэль собирает под ним группу мыслителей XX в., чья философская рефлексия была посвящена проблемам инаковости и различия) понимание Иного как подчиненного Тожественному и как абсолютного. Это соответствует соотношению двух экономий — ограниченной и общей — внутри семантического пространства экономической метафоры. С одной стороны, Деррида, в отличие от Левинаса, говорит о невозможности *полностью* оставить ограниченную экономию *Aufhebung* и, следовательно, диалектику: отношения Иного и Тожественного, экономии и траты образуют связь, где один термин раз за разом определяется через другой в сам момент активного утверждения своей позитивности и независимости. Но, с *другой стороны*, им же говорится о том, что Иное и трата превалируют над *Aufhebung* и формируют синтаксис общей экономии, поэтому сущность Иного не исчерпывается этими отношениями, а трата «реальнее» экономии. Как можно говорить *одновременно* и о том, и о другом? Высказывания об экономике и диалектике *то* как о неустрашимых, *то* как, наоборот, не абсолютных, указывают на размещение двух разных смыслов экономической метафоры под одной идиомой (*differance* и его собственная экономия) [Laruelle F., 1986, p. 135–136], на неоднородность ее семантического пространства. Однако до Ф. Ларюэля эту двойственность заметил и сам Деррида: «Как мыслить *differance* сразу и как обходной маневр экономики, который в стихии того же всегда имеет в виду вновь обрести удовольствие... и, с другой стороны, как соответствие невозможному присутствию, как трату без запаса... даже как инстинкт смерти и несенность с совсем-другим, пересекающим с виду любую экономику?» [Деррида Ж., 2000, с. 394]. Очевидно, что «невозможно помыслить *вместе* экономическое и неэкономическое, то же и совершенное иное, и т.д.» [Деррида Ж., 2000, с. 394]. С одной стороны: «посредством

этого сопоставления *ограниченной и общей экономии* мы под привилегированным видом гегельянства перемещаем и переписываем сам философский проект» (курсив наш; перевод немного скорректирован. — А.С.) [Деррида Ж., 2000, с. 394]. Но как тогда соединить это утверждение с другим, высказанным еще в связи с Батаем и Левинасом, что диалектика никогда не преодолевается полностью [Derrida J., 1974, p. 235–236]? Проблема, таким образом, заключается в наличии *двух абсолютизируемых* конфигураций экономии, которые должны как-то *сосуществовать* в *differance*, не исключая друг друга окончательно.

Деррида характеризует движение *differance* как направленное в сторону бесконечно Иного, перечисляя, как видно в цитате выше, батаевские и левинасовские понятия через запятую, тем самым их отождествляя. Но их реальность является, считает Ф. Ларюэль, спорной (то же самое относится к утверждению абсолютного характера негативной, не-экономической функции прото-насилия *differance* в качестве *reell* [Дронов А.В., 2007, с. 66–70]; мы полагаем, что оба исследования здесь мыслят в одинаковом направлении, ставя вопрос о *de jure* деконструкции, а также релевантности самого этого вопроса применительно к деконструкции там, где она начинает произвольно полагать свои *априори*). Оно состоит в изменении порядка внутри диалектического различия, в котором Иное подчиняется Тожественному. Эта инверсия не менее спекулятивна, о чем по поводу левинасовского понимания бесконечности было сказано уже самим Деррида [Деррида Ж., 2000, с. 150–151]. Последним отвергается возможность встретить трату или Иное непосредственно как феномены (*real*), но, понимая, что в противном случае реального ослабления *Aufhebung* не будет, и движению *differance* придется вернуться к диалектике Гегеля, исчерпывая Иное его отношением к Тожественному, остается *утверждать* трату, Иное как *реальный* (в смысле *reell*), но недостижимый (как *real*) конечный горизонт. Эта убежденность в их реальности или необходимости являются во многом левинасовскими. Они могут быть обоснованы только через религиозную веру [Laruelle F., 2013, p. 190–191], этический приказ или политическую ставку [Deconstruction in a nutshell..., 1997, p. 17–19, 33–34].

Соотнести два смысла метафоры (экономии как нередуцируемой и как конечной) под единством *differance*, полагает Ларюэль, возможно только через их эквилибристику [Laruelle F., 1986, p. 132–133] или, добавим, постоянную смену точек зрения, оптик или параллельных интерпретаций. Так, со стороны ограниченной экономии или диалектики абсолютно Иное проявляет себя только через бесконечное и заведомо обреченное на неудачу активное хиазматическое (сводящее и разводящее термины) соотношение себя и Тожественного [Laruelle F., 1986, p. 141–142]. С позиции этих обратимых связей между терминами абсолютность Иного заключается, скорее, в самой бесконечности *возобновляющихся* попыток его достичь через *возвращение* к все той же, обозначенной уже в «Письме и различии», неразрешимости. Мы не перестаем стремиться к чистому гостеприимству или к чистому дару (в общем, к принятию Иного как Иного), несмотря на то, что те невозможны. Деррида, впоследствии романтизировавший это стремление и все чаще говорящий об *утвердительно* характере Иного, до бесконечности чередует или суммирует экономические и неэкономические эффекты *differance* [Laruelle F., 1986, p. 146]. Поэтому подтверждаемая на опыте неотделимость Иного от Тожественного сопровождается верой в возможность настоящего, а не фиктивного преодоления экономии. Необходима иная *точка зрения* или более общая оптика на все тот же *уже* действующий хиазм, идентичная той, через которую Батай интерпретирует ограниченную экономию. *С точки зрения абсолютного Иного и абсолютной траты*, не сводимых к ограниченной экономии и к диалектике, из перспективы их как будто уже обретенного успеха и как бы опережая время, можно ретроспективно *интерпретировать* [Laruelle F., 1986, p. 153] все тот же диалектический синтаксис как не исчерпывающий инаковость в ее позитивности, тем самым превращая его в синтаксис чистого, конфликтного и не противоречивого (в гегелевском смысле, т.е. могущего быть снятым) Различия.

«Преодоление экономии» и вопрос о ценности в философии различия Ж. Деррида

Этот второй смысл экономии как конечной и не абсолютной, который главенствует в экономи-

ческой метафоре, переработанной Деррида в рамках деконструкции диалектического противоречия, позволяет заключить о *решении*, основывающем философию Различия, и, в частности, систему *differance*. Другими словами, постулирование *априорности* Иного, избыточно по отношению к тождественности и имманентности понятия, которые более не предоставляют доступ к «самой вещи», и неограниченное правление этой априорности являются той границей для философии Различия, за которой она может разве что воспроизводить деконструкцию этого нового архэ *его же средствами* [Дронов А.В., 2007, с. 70–71]. То, что Иное полностью задает или кодирует логику этой философии, выступая ее последним основанием, позволяет Ларюэлю обозначить это подчинение мысли Иному в качестве ее «иудаистского поворота», поставившего Инаковость, Различие и Гетерогенность во главу философской практики. Но почему выбраны именно эти начала, Иное, Различие и Гетерогенность? Почему Различие? [Дронов А.В., 2007, с. 100]. Начиная с этого вопроса, можно — главным образом через чтение самого Деррида и тех мест, где он объясняет собственное предпочтение — попробовать определить ценностные основания или *собственный интерес* философии Различия, обусловившие такой выбор.

Инверсия диалектики и ее подчинение Иному вместе с тем не должны затушевывать различие между Деррида и Левинасом. Наоборот, внимание к этому уточнило бы намерения философской программы самого Деррида. Необходимо объяснить заметное *усложнение*, которому тот — при всех симпатиях — подвергает учение Левинаса, критикуя его и подчиняя логике *differance*. Расхождение между ними и причины этой критики должны быть прояснены подробнее, поскольку уже в «Насилии и метафизике» философский скепсис в отношении Иного не сводится к вынужденной констатации некоторой фатальной несбыточности левинасовского проекта. Определенно, критика Левинаса предполагает также позитивную программу и сулит некоторые перспективы с целью где-то подправить, а где-то дополнить и продолжить этот проект, заступив на место его «прежней версии». Но ввиду отсутствия консенсуса между двумя авторами

насчет необходимости такого терапевтического вмешательства, можно предположить, что то, чего хочет Левинас, мысля Иное, и то, чего желает от Различия Деррида, отличается в ряде мест. В одном из поздних текстов Деррида вновь обозначается двойственная роль *differance*: «Демократия... возвращает нас к *differance*... не только к *differance* как отсрочке... как к промедлению экономии тождественного. Ибо то, что также и в то же время поставлено на карту, будучи обозначено тем же словом в *differance* — это *differance* как возвращение к другому как к неоспоримому, я подчеркиваю, *неоспоримому* опыту инаковости иного» [Derrida J., 2005, p. 38]. Зачем было отягощать левинасовскую мысль об Ином, уже в рамках собственной логики решительно порвавшую с диалектикой, «экономией тождественного» в бесконечной игре *differance*? Зачем делать насилие над Иным условием проявления этого последнего? Только ли это, повторим, беспристрастное, смиренное и лишь дознающееся истины заключение о печальном, но неотвратимом провале учения Левинаса? Если, как было показано на примере семантического пространства экономической метафоры, обрамленного деконструкцией, за инвертированной конфигурацией концептов Тождественного и Иного стоит определенное решение или стратегия, то, видимо, Деррида намеренно сохраняет диалектику в самом сердце Иного. Причины этого отказа вслед за Левинасом окончательно перешагнуть через ее экономию и интерес в ее сохранении должны быть прояснены отдельно. Здесь потребуются обратиться к объяснениям Деррида и Левинаса на этот счет и углубить само различие между ними.

Заключение

Таким образом, экономическая метафора в философии различия Ж. Деррида при обращении к трудам Ж. Батая и Э. Левинаса соотносит внутри себя два разных смысла экономии, конфликтных по отношению друг к другу. В то же время, их функциональная соотнесенность обуславливает работу дерридианского *differance*, изначально содержащего в себе религиозно-этический элемент в виде постулирования траты или Иного как «истины» инвертированной диалектики *Aufhebung*. Решение насчет преобладания одной экономии над другой, общей экономии или Ино-

го над ограниченной экономией или Тождественным показывает, что растущее в дальнейшем внимание Деррида к вопросу о ценности является не просто «поворотом» к новым темам, а раскрытием интенций, всегда уже формировавших его философствование. Вместе с тем была выдвинута гипотеза, что эта направленность еще не означает самостоятельной и абсолютной ценности Иного в философии Деррида, а является частью более общей стратегии деконструкции, отличной от левинасовской.

Список литературы

- Батай Ж. Проклятая часть: Опыт общей экономии // Батай Ж. Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006. С. 107–233.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. СПб.: Академ. проект, 2000. 495 с.
- Деррида Ж. Позиции / пер. с фр. В.В. Библихина. М.: Академ. проект, 2007. 160 с.
- Дронов А.В. Философия постмодерна: развитие трансцендентального мотива. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2007. 170 с.
- Кропотов С.Л. Проблема «экономического измерения» субъективности в неклассической философии искусства: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000. 364 с.
- Левинас Э. Гуманизм другого человека / пер. с фр. Г.В. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Трудная свобода. М.: РОССПЭН, 2004. С. 591–662.
- Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / пер. с фр. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–291.
- Малкина С.В. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 268 с.
- О Даре: Дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом / пер. с англ. В. Рокитянского // Логос. 2011. № 3(82). С. 144–171.
- Тимофеева О.Л. Текст как воплощение плоти: к морфологии опыта Ж. Батая // Новое литературное обозрение. 2005. № 1(71). С. 89–102.
- Энафф М. Дар философов. Переосмысление взаимности / пер. с фр. И.С. Вдовиной и др. М.: Изд-во гуманит. лит., 2015. 320 с.

Bataille G. Hegel, la mort et le sacrifice // Œuvres complètes. Vol. XII: Articles II, 1950–1961. Paris: Gallimard, 1988. P. 326–345.

Critchle S. The Ethics of Deconstruction: Derrida and Levinas. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press, 2014. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780748689330>

Deconstruction in a nutshell: a conversation with Jacques Derrida / ed. by J.D. Caputo. N.Y.: Fordham University Press, 1997. 215 p.

Derrida J. Donner le temps. 1: La fausse monnaie. Paris: Galilée, 1991. 234 p.

Derrida J. Glas. Paris: Galilée, 1974. 292 p.

Derrida J. Rogues. Two Essays on Reason. Stanford, CA: Stanford University Press. 2005. 200 p.

Laruelle F. Les Philosophes de la différence: Introduction critique. Paris: Presses universitaires de France, 1986. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.3917/puf.larue.1986.01>

Laruelle F. Philosophy and Non-Philosophy. Minneapolis, MN: Univocal Publishing, 2013. 248 p.

References

Bataille, G. (1988). [Hegel, death and sacrifice]. *Bataille G. Œuvres complètes. Vol. XII: Articles II, 1950–1961* [Complete works. Vol. XII: Articles II, 1950–1961]. Paris: Gallimard Publ., pp. 326–345.

Bataille, G. (2006). [The accursed share: an essay on general economy]. *Batay Zh. Proklyataya chast'* [Bataille G. The Accursed Share]. Moscow: Ladomir Publ., pp. 107–233.

Caputo, J.D. (ed.) (1997). *Deconstruction in a nutshell: a conversation with Jacques Derrida*. New York: Fordham University Press, 215 p.

Critchle, S. (2014). *The ethics of deconstruction: Derrida and Levinas*. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press, 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780748689330>

Derrida, J. (1974). *Glas*. Paris: Galilée Publ., 292 p.

Derrida, J. (1991). *Donner le temps. 1: La fausse monnaie* [Given time: I. Counterfeit money]. Paris: Galilée Publ., 234 p.

Derrida, J. (2000). *Pis'mo i razlichie* [Writing and difference]. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt Publ., 495 p.

Derrida, J. (2005). *Rogues. Two essays on reason*. Stanford, CA: Stanford University Press, 200 p.

Derrida, J. (2007). *Pozitsii* [Positions]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 160 p.

Dronov, A.V. (2007). *Filosofiya postmoderna: razvitie transsendental'nogo motiva* [Philosophy of

postmodernism development of transcendental motive]. Saratov: SSAL Publ., 170 p.

Hegel, G.W.F. (1974). *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. T. 1: Nauka logiki* [Encyclopedia of the philosophical sciences: in 3 vols. Vol. 1: Science of logic]. Moscow: Mysl' Publ., 452 p.

Hegel, G.W.F. (2000). *Fenomenologiya dukha* [The phenomenology of spirit]. Moscow: Nauka Publ., 495 p.

Henaff, M. (2015). *Dar filosofov. Pereosmyslenie vzaimnosti* [The philosophers' gift: Reexamining reciprocity]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., 320 p.

Kropotov, S.L. (2000). *Problema «ekonomicheskogo izmereniya» sub'ektivnosti v neklassicheskoy filosofii iskusstva: dis. ... d-ra filos. nauk* [Problem of «economic dimension» of subjectivity in nonclassical philosophy of art: dissertation]. Yekaterinburg, 364 p.

Laruelle, F. (1986). *Les Philosophes de la différence: Introduction critique* [Philosophies of difference: A critical introduction to non-philosophy]. Paris: University Press of France Publ., 256 p. DOI: <https://doi.org/10.3917/puf.larue.1986.01>

Laruelle, F. (2013). *Philosophy and non-philosophy*. Minneapolis, MN: Univocal Publ., 248 p.

Levinas, E. (2000). [Totality and Infinity]. *Levinas E. Izbrannoye. Total'nost' i Beskonechnoye* [Levinas E. Selected works. Totality and Infinity]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., pp. 66–291.

Levinas, E. (2004). [Humanism of the other]. *Levinas E. Izbrannoe. Trudnaya svoboda* [Levinas E. Selected works. Difficult Freedom]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 591–662.

Malkina, S.V. (2015). *Postmetafizicheskie konfiguratsii ontologii* [Post-metaphysical configurations of ontology]. Saratov: SSU Publ., 268 p.

[On the gift: a discussion between Jacques Derrida and Jean-Luc Marion]. (2011). *Logos*. No. 3(82), pp. 144–171.

Timofeeva, O.L. (2005). [The embodiment of the body. On morphology of experience of Georges Bataille]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. No. 1(71), pp. 89–102.

Об авторе

Сковородко Александр Денисович
библиотекарь

Зональная научная библиотека им. В.А. Артисевич
Саратовского национального исследовательского
государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Саратов, ул. Университетская, 42;
e-mail: skovorodko11182000@mail.ru
ResearcherID: JNT-0922-2023

About the author

Alexander D. Skovorodko
Librarian

Regional scientific library named after
V.A. Artisevich, Saratov State University,
42, Universitetskaya st., Saratov, 410012, Russia;
e-mail: skovorodko11182000@mail.ru
ResearcherID: JNT-0922-2023

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:316.334

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-547-558>

Поступила: 29.06.2023

Принята: 30.11.2023

Опубликована: 22.12.2023

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ*****Вакарина Елена Алексеевна****Тюменский государственный университет (Тюмень)*

Цель исследования состоит в анализе феномена благополучия личности в контексте междисциплинарного подхода. Начиная с Античности, проблема благополучия человека привлекала древнегреческих философов. Они пытались определить его сущностное содержание и говорили о нем, как высшем благе, добродетели и процветании. В эпоху Средневековья благополучие начинает обретать иной смысл, и его связывают с сохранением баланса в духовной и материальной сферах. Обогащение души происходит как за счет стремления к «небесному» блаженству, религии, так и получению «земных» радостей и наслаждения. В эпоху Нового времени изучение благополучия продолжается через эвдемонистический и гедонистический подходы, где исходят из понимания того, что оно связано с получением удовольствия и отсутствием боли как таковой. В современное время, особенно с 1980-х гг., исследователи в области психологии, социологии, экономики и других научных областей рассматривают проблему благополучия человека как одно из ведущих направлений. Благополучие является конструктом, который обозначает позитивное функционирование человека, улучшение его психического здоровья. Результаты данного исследования дают представление о всестороннем изучении благополучия как источнике внимания в разных областях знания, что показывает неоднозначность в понимании и описании существующей проблемы. Междисциплинарный подход демонстрирует стремление выработать общую концепцию к благополучию, но заметны пробелы, которые затрудняют систематизацию и разработку единого определения данного конструкта.

Ключевые слова: благополучие, личность, междисциплинарный подход, эвдемонизм, гедонизм.

Для цитирования:

Вакарина Е.А. Междисциплинарный подход к исследованию благополучия личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 547–558. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-547-558>

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE STUDY OF PERSONAL WELL-BEING

Elena A. Vakarina

University of Tyumen (Tyumen)

The purpose of the study is to analyze the phenomenon of personal well-being in the context of the interdisciplinary approach. The issue of happiness and well-being of a person has been the focus of philosophers' attention since ancient times. Ancient Greek philosophers tried to define its essential content and spoke of it as the highest good, virtue, prosperity. In the Middle Ages, well-being begins to take on a different meaning and is associated with maintaining a balance in the spiritual and material spheres. The enrichment of the soul occurs due to the desire for both «heavenly» bliss, religion, and the receipt of «earthly» joys and pleasures. In the Modern Era, the study of well-being continues through eudemonic and hedonistic approaches. According to them, well-being is associated with obtaining pleasure and the absence of pain as such. In modern times, especially since the 1980s, researchers in the field of psychology, sociology, economics, and other scientific fields consider the problem of human well-being as one of the leading areas. Well-being is a construct that ensures the positive functioning of a person, the improvement of his mental health. This paper gives an idea of a comprehensive study of well-being as a source of attention in different fields of knowledge, showing the ambiguity in understanding and describing the existing problem. The interdisciplinary approach demonstrates the desire to develop a common concept of well-being, but there are noticeable gaps that make it difficult to systematize and develop a single definition of this construct.

Keywords: well-being, personality, interdisciplinary approach, eudemonism, hedonism.

To cite:

Vakarina E.A. [Interdisciplinary approach to the study of personal well-being]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 547–558 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-547-558>

Введение

Проблема поиска способов позитивного функционирования личности обладает высокой социальной значимостью и актуальностью, и в настоящее время носит междисциплинарный характер. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет благополучие как самостоятельную и многомерную категорию, которая включает в себя субъективные и объективные показатели. ВОЗ отмечает, что здоровье и благополучие оказывают взаимное влияние друг на друга, что важно учитывать при всестороннем изучении данных явлений. «Оно [благополучие] включает в себя совокупность жизненных переживаний индивида, а также сравнение обстоятельств его жизни с социальными нормами и ценностями» [Измерение показателей..., 2012, с. 10].

Физическое и психическое здоровье, субъективное ощущение счастья, личный комфорт становятся основополагающими элементами жизни человека [Бонивелл И., 2009]. Благополучная личность не только испытывает приятные чувства и позитивно функционирует, но и способна развивать творческие способности, реализовывать собственный потенциал, стремиться к пониманию смысла жизни. Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать феномен благополучия личности в контексте междисциплинарного подхода.

Благополучие: от Античности до Средневековья

Современные исследователи рассматривают «благополучие» как синоним счастья, а «счастье» определяется как аналог благополучия.

Благополучие и счастье человека в философских концепциях опирается на различные цели и аспекты бытия. Социально-философский анализ понятия «благополучие» показывает, что основа его содержания начала закладываться в Древней Греции, когда его обозначали такими категориями, как «счастье», «везение», «наслаждение», «благоприятная судьба» [Карапетян Л.В., Глотова Г.А., 2020]. До Средневековья «благополучие» воспринимали как возможность обладать наивысшими благами, которые начинают связывать с духовным содержанием человека и удовлетворением земных потребностей [Задворнов А.Н., 2015].

Основными подходами к изучению благополучия в эпоху античности стали эвдемонизм, гедонизм и стоицизм [Павлоцкая Я.И., 2016]. Слово «счастье» первоначально означало процветание, богатство, честь, здоровье, долгую жизнь. Соответственно, счастьем в эвдемонистическом подходе называли не эмоциональное состояние человека, а причину возникновения высшего блага в объективном мире, о котором говорили Аристотель, Боэций, Геродот, Демокрит и др. [Левин Г.Д., 2014; Булкина Н.А., 2020; Карапетян Л.В., Глотова Г.А., 2020]. Причина не является предсказуемой, не зависит от контролируемых факторов, ее невозможно запланировать, т.к. становится даром судьбы. Древнегреческие философы полагали, что эвдемония ведет к духовно-нравственной жизни и наполнена радостью, которая находится за пределами чувств [Булкина Н.А., 2020]. Аристотель видел счастье в добродетели, Демокрит — во внутренней удовлетворенности жизнью, Сократ — в высших благах [Маннапова И., Шайхутдинова И., 2019]. Платон вводит первое определение блага и называет его удовольствием, следовательно, появляется новое видение, которое немного отличается от счастья, воспринимающегося как обладание добродетелью [Левин Г.Д., 2013]. Соответственно, в понимании Платона благо связано с блаженством, получением удовольствия, которое находится либо уже в прошлом опыте, либо еще не наступило [Шустер А., 2011].

Отсюда вытекает следующий подход — гедонизм, который ставил главной целью жизни человека и достижения счастья — удовольствие и ощущение постоянной радости. Аристипп, основоположник гедонизма, считал высшим благом удовольствие, радость и наслаждение, в

этом можно увидеть схожесть его взглядов с Платоном [Булкина Н.А., 2020]. Аристипп различал два состояния души: первое — нежное и мягкое, второе — жесткое и грубое. Путь к счастьем, по Аристиппу, лежит к достижению максимального удовольствия при избегании боли. Платон также упоминал, что есть два полюса, на одном из которых — боль, а на другом — желание и удовольствие, именно они образуют непрерывный цикл [Шустер А., 2011]. Боль становится предвестником желания, призванного уменьшить страдания, удовольствие, в свою очередь, появляется в момент этого движения, когда жизнь обретает спокойствие. При этом удовольствие не сводится к цели восстановить прежнее состояние, предшествующее боли и страданиям, потому что, как утверждал Платон, боль и удовольствие исчезают одновременно [Шустер А., 2011].

Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий — представители стоицизма, основным фактором счастья считали внутреннее состояние человека [Булкина Н.А., 2020]. Согласно данной концепции, счастье человека не зависит от богатства, власти, популярности, известности, оно выходит за пределы «земных» радостей, потому что данные составляющие являются лишь иллюзией. Сенека утверждал, что счастье — это центральная категория, которая не зависит от внешних условий жизни человека, оно в добродетели. Например, Аристотель не отрицал влияния внешних благ, наоборот, признавал, что совершать поступки без средств затруднительно [Маннапова И., Шайхутдинова И., 2019]. Мудрость, по мнению Сенеки, как и представителей эвдемонизма — Аристотеля и Демокрита, — главная добродетель, что является вершиной счастья, соответственно, они находятся в нерушимой связи между друг другом [Грицай Л.А., 2018; Маннапова И., Шайхутдинова И., 2019]. Счастье как высшее благо делает человека по-настоящему свободным и находится внутри его души, которое человек достигает благодаря своей нравственной жизни.

Для Эпиктета главной опорой учения о благе становится то, что мир управляется всеведущим божественным промыслом. Все вещи, даже очевидное зло, происходят по воле Бога и определены его промыслом, и, следовательно, являются добром. Человек, по мнению Эпиктета, обретает счастье, когда становится его добровольным соратником. Внешние вещи, кото-

рые находятся вне власти человека, не принадлежат ни к добру, ни к злу, но при этом направляют действия человека. Добро и зло зависят от свободной воли человека, а высшее благо определяется его разумностью, что отличает человека от других живых существ. Эпиктет приходит к выводу, что высшее счастье достигается путем постижения своей природы и назначения [Тыжов А.Я., 2012].

Марк Аврелий считал, что счастье зависит от самого человека, его интерпретации событий, оно заложено в нем самом [Маннапова И., Шайхутдинова И., 2019]. С.Н. Кочеров приходит в своей статье к выводу, что «можно обрести счастье, следуя благими путями и составляя благие убеждения. Марк Аврелий даже полагает, что куда бы ни попал человек, он может быть счастлив, поскольку счастливым (“благополучным”) можно назвать любого, “кто избрал себе благую участь, а благая участь — это благие развороты души, благие устремления, благие деянья”» [Кочеров С.Н., 2016, с. 568].

В эпоху Средневековья (Возрождение, Ренессанс) меняется представление о счастье и благополучии людей. Взгляд на счастье приобретает иное направление, потому что мыслители такого времени начинают связывать счастье с земными благами. При этом блага жизни должны обязательно сочетаться с духовным содержанием человека и приносить удовлетворение. Например, Фома Аквинский, основатель томизма, утверждал, что человек стремится как к более высокому блаженству («небесному»), обогащению души, так и к земным радостям и наслаждениям [Задворнов А.Н., 2015]. Философы эпохи Средневековья по-прежнему придерживались мнения, что умеренность, некоторая скупость и сдержанность являются необходимым условием обретения счастья в жизни, ведущей к благополучию.

Таким образом, представления о счастье и благополучии или благах, характерные для Античности и Средневековья, имеют схожие черты. Цели личностной и общественной жизни, а также аспекты бытия связывали, прежде всего, с добродетелью, которая отражается в душе человека. Сопоставление внутреннего мира и внешних условий жизни привели к тому, что человек не отказывался от идеи божественного начала, но он начал стремиться к большей автономии в удовлетворении своих потребностей.

Взгляд на благополучие в эпоху Нового времени

В эпоху Нового времени, когда происходят великие географические открытия, буржуазные революции в Европе, промышленные перевороты благополучие личности рассматриваются по-прежнему через эвдемонистический и гедонистический подходы. Так, в духе гедонизма Джон Стюарт Милль в «Утилитаризме», написанном в 1861 г., сосредотачивает свое внимание на изучении счастья как стремлении человека к получению удовольствия и отсутствию боли [Булкина Н.А., 2020]. Счастье или благо становится высшей формой удовольствия, поэтому на основе такого понимания блага как ценности И. Бенетом и Дж. Ст. Миллем вводится новая фундаментальная философская категория — утилитарность, иначе полезность [Левин Г.Д., 2014]. Благополучие определяется через отказ от боли и страдания, а стремление к удовольствию становится принципом поведения.

В философии А. Шопенгауэра, а позднее — Ф. Ницше, акцентируется внимание на природном стремлении человека к самоутверждению и саморазвитию через удовлетворение своих потребностей. В середине XIX в. Ф. Ницше придерживался мнения, схожего с Марком Аврелием, что счастье зависит от самого человека, его мыслей, состояния, а не от того, как складываются внешние обстоятельства [Булкина Н.А., 2020]. Ф. Ницше меняет представление о благе как основной философской категории, которого придерживался Платон, и вводит новый термин «ценность» как средства удовлетворения потребностей, описанный в труде «Воля к власти» [Левин Г.Д., 2013]. Как считают исследователи (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Т. Гоббс и др.), потребностей, которые предстают в форме желаний, у каждого человека много. В результате сопоставления потребностей возникает «равнодействующая желаний», которую Т. Гоббс называет волей, Платон — благом, а Ф. Ницше — ценностью [Левин Г.Д., 2013, с. 32]. Т. Гоббс, разделяя идеи Дж. Локка, стал воспринимать благополучие человека, основываясь на его природе, и определил его как «удовольствие» [Карапетян Л.В., Глотова Г.А., 2020].

И. Кант утверждал, что в природе человека заложено стремление к благополучию и обретению счастья, но при этом разум не позволяет

в полной мере стремиться к удовольствию, он ограничивает человека и не позволяет нарушать правила и нормы [Булкина Н.А., 2020].

К концу XIX в. появляется иной взгляд на благополучие человека через его позитивное функционирование, о котором Э. Дюркгейм говорил, что оно зависит от состояния общества, его упорядоченности и наделения прав и свобод людей, живущих в нем [Лактионова Е.Б., Матюшина М.Г., 2018]. То же направление мысли мы можем увидеть и в отечественной философии, где развиваются идеи взаимосвязи благополучия личности и роли государства [Карапетян Л.В., Глотова Г.А., 2020].

На рубеже XIX и XX вв. философы В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, А.И. Введенский критиковали саму идею счастья как некоего фундамента человеческой жизни [Карапетян Л.В., Глотова Г.А., 2020]. Философы показали, что счастье является не только субъективным переживанием, но и связано с активностью сознания через постижение смысла жизни как ценности своего бытия.

В.С. Соловьев, представитель российской религиозной философии, описывает благополучие так, что личность обладает внутренней свободой и не привязана к удовлетворению внешних потребностей, как интерес к своей жизни через служение общему благу или общей пользе [Карапетян Л.В., Глотова Г.А., 2020]. Соответственно, благополучие выражается в полноте ее бытия, слиянии и единстве духовного и телесного, при этом философ предпочитает использовать такие термины как «благосостояние», «благодать» и «благо».

В начале XX в., когда начинается эпоха Новейшей истории, заметно влияние психологической науки на изучение проблемы благополучия. Так, З. Фрейд считал, что в основе счастья и благополучия человека лежит принцип наслаждения, который заложен в его природе, душе изначально [Фрейд З., 1990]. Счастье определяется внезапным удовлетворением своих потребностей и результатом становится получение удовольствия от данного процесса и избегание неудовольствия. Основатель психоанализа полагал, что внутреннее переживание является одномоментным эпизодом в жизни человека. Цивилизация и общество препятствуют достижению человеком счастья и вы-

нуждают подавлять инстинкты, отказываться от желаний и откладывать их удовлетворение на более поздние сроки [Булкина Н.А., 2020]. А. Адлер продолжает идею З. Фрейда о том, что благо обеспечивается тайным наслаждением, но наслаждение связано непременно с превосходством над остальными, и в основе самого блага — смирение [Адлер А., 2011]. При этом А. Адлер придерживался мнения, что человек считается здоровым и благополучным, если он способен к установлению и поддержанию социальных контактов и отношений на взаимной основе [Адлер А., 2011].

К.Г. Юнг и К. Хорни видят счастье в развитии личности, но К.Г. Юнг связывает развитие со свободой выбора, жизненной стойкостью, умением проложить собственный путь и найти свое предназначение [Юнг К.Г., 1997; Хорни К., 2016]. Благополучная личность по К. Хорни определяется отсутствием у нее выраженных защитных механизмов, потому что чем больше человек погружается в данные механизмы, тем сильнее он попадает под влияние иллюзий и отвергает первопричины неблагополучия в себе самом [Хорни К., 2016]. Достижение счастья, благополучия, цели и реализация собственных возможностей обусловлены рисками и теми усилиями, которые человек готов приложить, но из-за влияния социума и внешних обстоятельств он попадает в два состояния души, о которых упоминал еще Аристипп, — чувство важности в случае успеха и чувство ничтожности в случае неудачи [Шустер А., 2011].

Если в Античности, Средневековье и эпоху Нового времени преобладало философское видение проблемы благополучия, то в первой половине Новейшей истории добавляется вклад психологической науки в изучение данного явления. Место и статус понятия «благополучие» в эти эпохи остаются неопределенными и неоднозначными. Его сопоставляют с высшим благом, счастьем, добродетелью, удовольствием, удовлетворением потребностей, волей, ценностью. На данных этапах исторического развития лишь предпринимаются попытки определить его значение и роль в жизни человека. Благополучие сводится к «разумному» удовольствию, когда человек отказывается от боли, но не становится заложником наслаждения и ценит свою личную свободу.

Современное понимание благополучия личности

Исследователи рассматривают благополучие в контексте удовлетворенности жизнью и продолжают традиции гедонистического подхода [Карапетян Л.В., Глотова Г.А., 2020; Леонтьев Д.А., 2020; Diener E., 1984; Ryff C.D., 1995]. М.Е.Р. Seligman отказывается от самого понятия о счастье, потому что оно сводится к получению удовольствия [Seligman M.E.P., 2012]. Удовольствие существует, пока потребление блага удовлетворяет желание, т.е. благо является средством удовлетворения желания [Левин Г.Д., 2013]. Удовлетворенность, комфорт и качество жизни предполагают определенную совокупность благоприятных объективных внешних условий жизни личности, но важно отметить, что они выходят из зоны влияния самого человека [Леонтьев Д.А., 2020]. Неудовлетворенность и неблагополучие в свою очередь являются отражением дисбаланса между идеальным образом об удобстве и благоустроенности жизни и реальным состоянием ситуации на данный момент. Благополучие сопряжено с поиском смысла жизни, который В. Франкл определял движущей силой жизни человека, стремлением к его поиску, что является опорой для удовольствия и счастья [Франкл В., 1990].

В 1950-х гг. была предпринята первая попытка определения «психологического благополучия» личности, отделения его от благополучия как комплексного феномена, в связи с чем построение интегральных и многомерных моделей становится необходимым условием для преобразования теоретического суждения о благополучии с целью его эмпирической проверки [Бочарова Е.Е., 2012]. М. Ягода создала такую многомерную модель на основе шести измерений: самопринятие, личностный рост, интегрированность, автономность, компетентность в отношении окружающей социальной среды; позже данную концепцию доработала С.Д. Ryff [Ахрямкина Т.А., Чаус И.Н., 2012; Ryff C.D., 1995]. С.Д. Ryff определяет благополучие как сложное переживание человеком удовлетворенности собственной жизни и предлагает следующие его составляющие: автономия, самопринятие, цель в жизни, позитивные отношения с окружающими,

управление окружающей средой и личностный рост [Ryff C.D., 1995].

Удовольствие не становится единственным ориентиром в жизни человека, потому что чрезмерная зависимость от получения наслаждения приводит к страданию, боли и искусственному избеганию трудностей [Батуева А.Ц., 2020]. Человек, который стремится к мимолетному удовольствию, становится неспособным понимать свои истинные потребности. Поэтому представители эвдемонизма стремятся восполнить пробелы, которые присущи гедонистическому подходу, и найти источник для полноценной жизни, развития, сохранения целостности личности и ее благополучия. На настоящий момент данный подход разрабатывается преимущественно в гуманистической психологии, где благополучие раскрывается как полнота реализации человека в определенных жизненных условиях и обстоятельствах и развитием своего потенциала и индивидуальности. Представители эвдемонистического подхода признают, что не все соответствует удовольствию и удовлетворению собственных желаний, способствует обретению счастья и благополучия. А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Э. Фромм первыми занимались изучением проблемы благополучия как потребности в самоактуализации и поиске смысла жизни в контексте психологической науки [Ахрямкина Т.А., Чаус И.Н., 2012].

Можно увидеть схожесть взглядов К.Г. Юнга и А. Маслоу в том, что благополучие личности складывается из свободы выбора и умения реализовываться в деятельности [Юнг К.Г., 1997; Павлоцкая Я.И., 2016]. К. Роджерс создает и описывает концепт благополучной личности, которая способна позитивно и полноценно функционировать, приспосабливаться, является психологически зрелой и открыта к новому опыту [Павлоцкая Я.И., 2016].

Эвдемонистический подход находит продолжение в работах [Аргайл М., 2003; Бонивелл И., 2009; Lyubomirsky S. et al., 2005 и др.], которые понимают благополучие как внутреннее ощущение счастья. С одной стороны, М. Чиксентмихайи утверждает, что ощущение счастья зависит от интерпретации человеком событий, которые происходят с ним [Чиксентмихайи М., 2013]. С другой стороны, в основе счастья также заложен и физиологический ас-

пект. Дофамин не вызывает счастья, но возбуждает его, отвечает за предвкушение вознаграждающих событий [Schultz W. et al., 1997; Zaghoul K.A. et al., 2009].

Благополучие и счастье не исключают друг друга, потому что благополучие – это основа счастья [Левин Г.Д., 2014]. В психологической науке счастье становится мерой, которая определяет наполненность жизни человека благами, удовлетворенность ими, а, соответственно, его позитивное психоэмоциональное состояние [Булкина Н.А., 2020]. М.В. Солодушкина проводит сопоставление между понятиями счастье, благодать, благополучие и относит их к синонимам, которые выражаются в единстве духовного и телесного, но данные явления различаются в способах их употребления [Солодушкина М.В., 2012].

Обсуждение проблемы благополучия и человеческого счастья продолжается многие десятилетия. Мнения исследователей разнятся, не существует единого мнения об их соотношении и взаимном влиянии друг на друга до сих пор.

Исследователи в области экономики и социологии предпочитают уделять внимание благосостоянию человека, о котором в более ранних исследованиях размышлял религиозный философ В.С. Соловьев [Косарев А.Е., 2020; Костина Е.Ю., Орлова Н.А., 2015]. Благополучие или благосостояние измеряется следующими объективными (внешними) показателями: уровень материальной обеспеченности, образования, квалификации, статуса, занимаемой должности и др. [Тихонова Н.Е., 2018]. Представители экономической науки подчеркивают, что благосостояние включает такие его составляющие, как качество жизни, удовлетворенность ею, благоприятные условия для проживания и осуществления деятельности [Санфилова О.В., Нестерова О.А., 2020]. Повышение благосостояния как отдельного человека, так и государства в целом является важной задачей в социально-экономическом развитии страны и определяется материально-экономическими параметрами (макроэкономика, демография, материально-техническая обеспеченность) и социальным благополучием [Власова О.В. и др., 2022]. Социальное благополучие и благосостояние создают ощущение психологической безопасности и защищенности. Отсутствие стресса и финансовых ограничений, а также поддержа-

ние стабильного положения, т.е. создание безопасной среды в будущем, влияют на оценку человеком его благополучия [Давыденко И.Г., Писанка С.А., 2021]. Подчеркивается, что уровень благополучия и благосостояния снижается у лиц старше 50 лет, т.к. они являются наиболее уязвимой категорией населения из-за возрастающих проблем со здоровьем, страха потери работы, снижения уровня доходов и т.д.

В условиях экономической и социально-политической нестабильности приоритетным направлением социальной политики становится снижение уровня бедности, что приведет к повышению уровня благополучия (психологического, экономического, социального), качества жизни, образования и здравоохранения. В рамках медицинских исследований благополучие отождествляется со здоровьем, которое является основой для полноценного и устойчивого развития человека. ВОЗ фокусирует внимание на улучшении здоровья, потому что здоровый и благополучный человек способен работать более продуктивно, а значит, содействовать экономическому росту государства и влиять на его макроэкономические показатели. Также ВОЗ указывает на то, что международное сотрудничество обеспечивает улучшение условий жизни (развитие инфраструктуры) и укрепление системы здравоохранения (доступ к медицинским услугам), что приводит к повышению уровня благополучия и решению проблем в отношении здоровья [Здоровье и благополучие..., 2021].

Изучению благополучия уделяется внимание со стороны исследователей в области философии, психологии, социологии, экономики и других наук. Стремительные изменения социума требуют от человека проявлять высокую активность и быстро адаптироваться, при этом сохранять собственные ресурсы и позитивно функционировать в различных сферах жизнедеятельности. Несмотря на всестороннее рассмотрение, междисциплинарное изучение и описание благополучия исследователи не могут прийти к единому мнению, что оно под собой подразумевает, т.к. является достаточно сложным конструктом для понимания. В одном представители разных наук сходятся: благополучие не сводится к понятию счастья, удовольствия или удовлетворения собственных потребностей, оно имеет свое место в жизни человека, является вполне достижимым и ощути-

мым. Следовательно, стремление исследователей к изучению благополучия не является беспочвенным.

Заключение

Междисциплинарный подход к изучению благополучия личности позволяет рассмотреть его с разных сторон и выявить то, что оно является многокомпонентным конструктом, который представляет сложную взаимосвязь как культурных, так и социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов. Изучение благополучия началось с работ древнегреческих мыслителей, которые отождествляли его с счастьем (эвдемонизм), удовольствием и ощущением постоянной радости (гедонизм), внутренним состоянием человека (стоицизм). В эпоху Средневековья и Нового времени предпринимались попытки определить значение благополучия в жизни человека и понять, чем оно является и из чего состоит, что является его первопричиной.

В настоящее время определению благополучия продолжают уделять внимание исследователи в области философии, психологии, социологии, экономики. Разрабатываются концепции о составляющих данного феномена и происходит кристаллизация понятия, что приводит к уточнению понятийного аппарата. Об этом свидетельствует появление таких терминов, как «психологическое благополучие», «субъективное благополучие», «экономическое благополучие», «благосостояние», «благо», «психическое здоровье» и др. Тем не менее, достаточно часто в научной литературе можно встретить их использование как синонимов. Это указывает на трудности дифференцирования различных феноменов, относящихся к благополучию, но при этом также и на комплексный характер самого явления и возможности междисциплинарного подхода в его изучении. Благополучие — многомерный психологический конструкт, который включает субъективное восприятие человеком жизни и наполнения ее смыслами, а также его эмоциональное переживание относительно удовлетворенности и достижение духовных и материальных благ через отношение к себе, социуму и жизни в целом.

Несмотря на то, что исследователи опираются на определенные подходы, до сих пор ведутся дискуссии о понимании проблемы благополучия

личности. С методологической точки зрения данный вопрос останется открытым и мнения будут расходиться до тех пор, пока не будет найдено общего теоретического фундамента в определении этого сложного конструкта.

Список литературы

- Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии / пер. с нем. А.М. Боковой. М.: Академ. проект, 2011. 240 с.
- Аргайл М.* Психология счастья / пер. с англ. А. Лисицыной. СПб.: Питер, 2003. 270 с.
- Ахрямкина Т.А., Чаус И.Н.* Психологическое благополучие учащихся в образовательной среде. Самара: Изд-во СФ МГПУ, 2012. 104 с.
- Батуева А.Ц.* Проблема гедонизма в современном российском обществе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2020. № 3. С. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2020-3-77-82>
- Бонивелл И.* Ключи к благополучию: Что может позитивная психология / пер. с англ. М. Бабичевой. М.: Время, 2009. 192 с.
- Бочарова Е.Е.* Теоретико-концептуальные основания исследования субъективного благополучия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 2. С. 38–44.
- Булкина Н.А.* О феномене счастья: обзор зарубежных и отечественных исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN520.pdf> (дата обращения: 16.05.2023).
- Власова О.В., Святова О.В., Головин А.А., Зюкин Д.В., Доренская И.Н.* Благосостояние населения России в условиях экономического кризиса // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 2. С. 151–157.
- Грицай Л.А.* Понимание счастья как духовного состояния личности в философском наследии Л.А. Сенеки // Vox. Философский журнал. 2018. № 25. С. 70–78. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-6608-2017-00056>
- Давыденко И.Г., Писанка С.А.* В поисках доказательств неэкономических и экономических мейнстримов финансового благополучия // Вестник Академии знаний. 2021. № 47(6). С. 402–413. DOI: <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-6-402-413>
- Задворнов А.Н.* Генезис представлений о счастье в европейской и евразийской философии // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 1. С. 23–29.

Здоровье и благополучие в добровольных национальных обзорах осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. в Европейском регионе ВОЗ за 2016–2020 гг. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2021. 90 с. URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/soczialno-ekonomicheskie-usloviya/3696/visit.html> (дата обращения: 16.06.2023).

Измерение показателей и постановка целевых ориентиров в области благополучия: инициатива Европейского регионального бюро ВОЗ. Второе совещание группы экспертов (Париж, Франция, 25–26 июня 2012 г.). Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2013, 16 с. URL: https://who-sandbox.squiz.cloud/___data/assets/pdf_file/0004/195511/e96732r.pdf (дата обращения: 16.05.2023).

Каранетян Л.В., Глотова Г.А. Внутренне благополучие человека: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та ГПС МЧС России, 2020. 200 с.

Косарев А.Е. Измерение и анализ доходов и благосостояния в странах СНГ и Восточной Европы // *Вопросы статистики*. 2020. Т. 27, № 2. С. 96–107. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-2-96-107>

Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальные индикаторы благополучия человека в современном российском обществе // *Социосфера*. 2015. № 3. С. 93–97.

Кочеров С.Н. Стоический оптимизм Марка Аврелия // *СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 559–570.

Лактионова Е.Б., Матюшина М.Г. Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое благополучие, субъективное благополучие // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Психология. 2018. Т. 26. С. 77–88. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.26.77>

Левин Г.Д. Смысл жизни как междисциплинарная проблема // *Познание и сознание в междисциплинарной перспективе*. Ч. 1 / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Ин-т философии РАН, 2013. С. 28–44.

Левин Г.Д. «Счастье» как основная категория философии // *Познание и сознание в междисциплинарной перспективе*. Ч. 2 / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Ин-т философии РАН, 2014. С. 202–220.

Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля //

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1(155). С. 14–37. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>

Маннапова И., Шайхутдинова И. Понятие счастья в древнегреческой философии // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019. № 4(32). С. 233–236.

Павлоцкая Я.И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности. Волгоград: Изд-во Волгоградского ин-та упр. – фил. РАНХиГС, 2016. 168 с.

Санфирова О.В., Нестерова О.А. «Благосостояние» и «благополучие»: трансдисциплинарный подход // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2020. № 2(37). С. 26–35. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/2\(37\)/1013](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/2(37)/1013)

Солодушкина М.В. Субъективное благополучие и счастье: экзистенциальное осмысление вопросов позитивной психологии // *Экзистенциальное измерение современности: материалы сообщ. четвертой Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 21–22 марта 2012 г.)* / под ред. О.В. Лукьянова. Кемерово: Полиграф, 2012. URL: <https://www.sifep.ru/konferentsiya-mart-2012/subektivnoe-blagopoluchie-i-schaste-ekzistentsialnoe-osmyslenie-voprosov> (дата обращения: 16.05.2023).

Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2018. № 1–2(126). С. 17–29. DOI: <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00001>

Тыжов А.Я. Эпиктет. Симпликий и стоическая философия // *Эпиктет. Энхиридион (Краткое руководство к нравственной жизни)*. Симпликий. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета / пер. с греч. А.Я. Тыжова. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 5–53.

Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений / сост., научн. ред. М.Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1990. 448 с.

Хорни К. Невротическая личность нашего времени / пер. А.И. Фета. Nyköping, SE: Philosophical arkiv, 2016. 195 с.

Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Альпина Нон-фикшн, 2013. 464 с.

Шустер А. Двойная перспектива: размышления о Платоновском определении удовольствия / пер. с англ. А. Маркова // *Новое литературное обозрение*. 2011. № 6(112). С. 93–107.

Юнг К.Г. Собрание сочинений. Конфликты детской души / пер. с нем. Т. Ребеко, Е. Рязановой, А. Судакова. М.: Канон, 1997. 336 с.

Diener E. Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. 1984. Vol. 95, iss. 3. P. 542–575. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>

Lyubomirsky S., Sheldon K.M., Schkade D. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change // *Review of General Psychology*. 2005. Vol. 9, iss. 2. P. 111–131. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.9.2.111>

Ryff C.D. Psychological Well-Being in Adult Life // *Current Directions in Psychological Science*. 1995. Vol. 4, iss. 4. P. 99–104. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8721.ep10772395>

Schultz W., Dayan P., Montague P.R. A neural substrate of prediction and reward // *Science*. 1997. Vol. 275, iss. 5306. P. 1593–1599. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.275.5306.1593>

Seligman M.E.P. *Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being*. N.Y.: Free Press, 2012. 368 p.

Zaghloul K.A., Blanco J.A., Weidemann Ch.T., McGill K., Jaggi J.L., Baltuch G.H., Kahana M.J. Human substantia nigra neurons encode unexpected financial rewards // *Science*. 2009. Vol. 323, iss. 5920. P. 1496–1499, DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1167342>

References

Adler, A. (2011). *Praktika i teoriya individual'noy psikhologii* [Practice and theory of individual psychology]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 240 p.

Akhryamkina, T.A. and Chaus, I.N. (2012). *Psikhologicheskoe blagopoluchie uchashchikhsya v obrazovatel'noy srede* [Psychological well-being of students in the educational environment]. Samara: SB MCU Publ., 104 p.

Argyle, M. (2003). *Psikhologiya schast'ya* [Psychology of happiness]. St. Petersburg: Piter Publ., 270 p.

Batueva, A.Ts. (2020). [Problem of hedonism in modern Russian society]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Buryat State University Bulletin. Philosophy]. No. 3, pp. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2020-3-77-82>

Bocharova, E.E. (2012). [The theoretic-conceptual bases of research of problem of subjective well-being]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology]. No. 2, pp. 38–44.

Boniwell, I. (2009). *Klyuchi k blagopoluchiyu: Chto mozhet pozitivnaya psikhologiya* [Keys to well-being: What positive psychology can do]. Moscow: Vremya Publ., 192 p.

Bulkina, N.A. (2020). [About happiness: a review of foreign and domestic researches]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. Vol. 8, no. 5. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN520.pdf> (accessed 16.05.2023).

Csikszentmihalyi, M. (2013). *Potok. Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya* [Flow. The psychology of optimal experience]. Moscow: Al'pina Non-Fikshn Publ., 464 p.

Davydenko, I.G. and Pisanka, S.A. (2021). [In search for evidence of non-economic and economic mainstreams of financial well-being]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge]. No. 47(6), pp. 402–413. DOI: <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-6-402-413>

Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95, iss. 3, pp. 542–575. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>

Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Moscow: Progress Publ., 368 p.

Freud, S. (1990). *Psikhologiya bessoznatel'nogo: sbornik proizvedeniy* [Psychology of the unconscious: collection of works]. Moscow: Prosveschenie Publ., 448 p.

Gritsay, L.A. (2018). [The understanding of happiness as a spiritual state of the individual in the philosophical heritage of L.A. Seneca]. *Vox. Filosofskiy zhurnal* [Vox. Philosophical Journal]. No. 25, pp. 70–78. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-6608-2017-00056>

Horney, K. (2016). *Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni* [The neurotic personality of our time]. Nyköping, SE: Philosophical Arkiv Publ., 195 p.

Jung, C.G. (1997). *Sobranie sochineniy. Konflikty detskoy dushi* [Collected works. Conflicts of the child's soul]. Moscow: Kanon Publ., 336 p.

Karapetyan, L.V. and Glotova, G.A. (2020). *Vnutrennee blagopoluchie cheloveka* [Internal well-being of a person]. Yekaterinburg: Ural Institute of the SFS MES of Russia Publ., 200 p.

Kocherov, S.N. (2016). [Stoic optimism of Marcus Aurelius]. *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya* [Scholae. Ancient Philosophy and the Classical Tradition]. Vol. 10, iss. 2, pp. 559–570.

Kosarev, A.E. (2020). [Measuring and analyzing income and wealth in CIS Countries and Eastern Eu-

rope]. *Voprosy statistiki*. Vol. 27, no. 2, pp. 96–107. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-2-96-107>

Kostina, E.Yu. and Orlova, N.A. (2015). [Social indicators of human well-being in modern Russian society]. *Sotsiosfera* [Sociosphere]. No. 3, pp. 93–97.

Laktionova, E.B. and Matyushina, M.G. (2018). [Theoretical analysis of the scientific approaches to positive human functioning: happiness, psychological well-being, subjective well-being]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology]. Vol. 26, pp. 77–88. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.26.77>

Leontiev, D.A. (2020). [Happiness and well-being: toward the construction of the conceptual field]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. No 1(155), pp. 14–37. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>

Levin, G.D. (2013). [The meaning of life as an interdisciplinary problem]. *Poznanie i soznanie v mezhdistsiplinarnoy perspektive. Ch. 1, otv. red. V.A. Lektorsky* [V.A. Lektorsky (ed.) Cognition and consciousness in an interdisciplinary perspective. Part 1]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 28–44.

Levin, G.D. (2014). «Schast'e» kak osnovnaya kategoriya filosofii [«Happiness» as the main category of philosophy]. *Poznanie i soznanie v mezhdistsiplinarnoy perspektive. Ch. 2, otv. red. V.A. Lektorsky* [V.A. Lektorsky (ed.) Cognition and consciousness in an interdisciplinary perspective. Part 2]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 202–220.

Lyubomirsky, S., Sheldon, K.M. and Schkade, D. (2005). Pursuing happiness: The architecture of sustainable change. *Review of General Psychology*. Vol. 9, iss. 2, pp. 111–131. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.9.2.111>

Mannapova, I. and Shaikhytdinova, I. (2019). [The concept of happiness in ancient Greek philosophy]. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki* [Skif. Issues of Student Science]. No. 4(32), pp. 233–236.

Pavlotskaya, Ya.I. (2016). *Psikhologicheskoe blagopoluchie i sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki lichnosti* [Psychological well-being and socio-psychological characteristics of personality]. Volgograd: VIM, branch of RANEPa Publ., 168 p.

Ryff, C.D. (1995). Psychological well-being in adult life. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 4, iss. 4, pp. 99–104. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8721.ep10772395>

Sanfirova, O.V. and Nesterova, O.A. (2020). [«Welfare» and «well-being»: a transdisciplinary ap-

proach]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium* [Journal of Wellbeing Technologies]. No. 2 (37), pp. 26–35. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/2\(37\)/1013](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/2(37)/1013)

Schultz, W., Dayan, P. and Montague, P.R. (1997). A neural substrate of prediction and reward. *Science*. Vol. 275, iss. 5306, pp. 1593–1599. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.275.5306.1593>

Seligman, M.E.P. (2012). *Flourish: a visionary new understanding of happiness and well-being*. New York: Free Press Publ., 368 p.

Shuster, A. (2011). [Double perspective: Reflections on Plato's definition of pleasure]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. No. 6(112), pp. 93–107.

Solodushkina, M.V. (2012). [Subjective well-being and happiness: an existential reflection on the issues of positive psychology]. *Ekzistentsial'noye izmereniye sovremennosti: materialy soobshch. chetvertoy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kemerovo, 21–22 marta 2012 g.)* [Existential dimension of modernity materials of 4th international scientific-practical conference (Kemerovo, March 21–22, 2012)]. Kemerovo: Poligraf Publ. Available at: <https://www.sifep.ru/konferentsiya-mart-2012/subektivnoe-blagopoluchie-i-schaste-ekzistententsialnoe-osmyslenie-voprosov> (accessed 16.05.2023).

Tikhonova, N.E. (2018). [Model of subjective stratification of the Russian society and its dynamics]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 1–2(126), pp. 17–29. DOI: <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00001>

Tyzhov, A.Ya. (2012). [Epictetus. Simplicius and Stoic philosophy]. *Epiktet. Enkhiridion (Kratkoe rukovodstvo k npravstvennoy zhizni). Simplikiy. Kommentariy na «Enkhiridion» Epikteta* [Epictetus. Enchiridion (A concise guide to the moral life); Simplicius. Commentary on the Enchiridion of Epictetus]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., pp. 5–53.

Vlasova, O.V., Svyatova, O.V., Golovin, A.A., Zyukin, D.V. and Dorenskaya, I.N. (2022). [The welfare of Russia's population in the context of the economic crisis]. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy]. No. 2, pp. 151–157.

World Health Organization (2013). *Izmerenie pokazateley i postanovka tselevykh orientirov v oblasti blagopoluchiya: initsiativa Evropeyskogo regional'nogo byuro VOZ. Vtoroe soveshanie gruppy ekspertov (Parizh, Frantsiya, 25–26 iyunya 2012 g.)*

[Measurement of and target-setting for well-being: an initiative by the WHO Regional Office for Europe. Second meeting of the expert group (Paris, France, June 25–26, 2012)]. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 16 p. Available at: https://who-sandbox.squiz.cloud/__data/assets/pdf_file/0004/195511/e96732r.pdf (accessed 16.05.2023).

World Health Organization (2021). *Zdorov'e i blagopoluchie v dobrovol'nykh natsional'nykh obzorakh osuschestvleniya Poveski dnya v oblasti ustoychivogo razvitiya na period do 2030 v Evropeyskom regione VOZ za 2016–2020* [Health and well-being in the voluntary national reviews of the 2030 Agenda for Sustainable Development in the WHO European Region 2016–2020]. Copenhagen, WHO

Regional Office for Europe, 90 p. Available at: <https://whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/soczialno-ekonomicheskie-usloviya/3696/visit.html> (accessed 16.06.2023).

Zadvornov, A.N. (2015). [Genesis of ideas about happiness in the European and Eurasian philosophy]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. No. 1, pp. 23–29.

Zaghloul, K.A., Blanco, J.A., Weidemann, Ch.T., McGill, K., Jaggi, J.L., Baltuch, G.H. and Kahana, M.J. (2009). Human substantia nigra neurons encode unexpected financial rewards. *Science*. Vol. 323, iss. 5920, pp. 1496–1499. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1167342>

Об авторе

Вакарина Елена Алексеевна

аспирант, ассистент кафедры общей и социальной психологии

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6;
e-mail: ms.elenaflower@mail.ru
ResearcherID: IQT-9131-2023

About the author

Elena A. Vakarina

Postgraduate Student, Assistant Lecturer
of the Department of General and Social Psychology

University of Tyumen,
6, Volodarsky st., Tyumen, 625003, Russia;
e-mail: ms.elenaflower@mail.ru
ResearcherID: IQT-9131-2023

УДК 159.923:316.74

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-559-569>

Поступила: 13.10.2023

Принята: 26.11.2023

Опубликована: 22.12.2023

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ ВУЗА

Григорьева Елена Владимировна

Кемеровский государственный университет (Кемерово)

Садохва Евгения Игоревна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)

Статья посвящена актуальной проблеме развития исследовательского потенциала (ИП) студентов вуза. Представлены результаты эмпирического исследования с целью анализа взаимосвязи показателей исследовательского потенциала и особенностей личности студентов вуза. Методологической основой исследования послужил структурно-функциональный подход и модель исследовательского потенциала личности студентов, предложенная Н.В. Бордовской, С.Н. Костроминой, С.И. Розумом, Н.Л. Москвичевой. Исследование проведено с применением метода опроса по разработанной авторами анкете и психодиагностического метода с использованием комплекса методик: опросник Н.В. Бордовской и соавторов «Методика оценки исследовательского потенциала», «Тест смысложизненных ориентаций» в адаптации Д.А. Леонтьева, «Оценка уровня притязаний» В.К. Гербачевского и «Определение уровня самооценки» С.В. Ковалева. Проведен корреляционный анализ полученных эмпирических данных с расчетом коэффициента Пирсона. Анкетный опрос выявил, что вне учебных заданий студенты вуза проявляют невысокую степень заинтересованности и погруженности в научно-исследовательскую деятельность. В корреляционном исследовании показаны взаимосвязи компонентов исследовательского потенциала с уровнем притязаний, самооценкой и смысложизненными ориентациями личности студентов вуза. Проведенное исследование дает основание для разработок психолого-педагогических технологий развития исследовательского потенциала студентов вуза, учитывающих взаимосвязи компонентов ИП со смысложизненными ориентациями и показателями локуса контроля Я, ядра мотивационной структуры личности, прогнозных оценок деятельности.

Ключевые слова: исследовательский потенциал, студенты вуза, научно-исследовательская деятельность, личностные особенности, смысложизненные ориентации, уровень притязаний, самооценка.

Для цитирования:

Григорьева Е.В., Садохва Е.И. Личностные предикторы развития исследовательского потенциала студентов вуза // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 559–569.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-559-569>

PERSONAL PREDICTORS OF UNIVERSITY STUDENTS' RESEARCH POTENTIAL DEVELOPMENT

Elena V. Grigoryeva

Kemerovo State University (Kemerovo)

Evgenia I. Sadokha

National Research Tomsk State University (Tomsk)

The article is devoted to the problem of developing the research potential (RP) of university students. Based on the results of empirical study, the authors analyze the correlation between indicators of research potential and university students' personality characteristics as predictors of its development. Methodologically the study was based on the structural-functional approach and the model of the research potential of students' personality proposed by N.V. Bordovskaya, S.N. Kostromina, S.I. Rozum, N.L. Moskvicheva. The study employed the survey method (a questionnaire developed by the authors was used) and the psychodiagnostic method using a set of techniques: the questionnaire of N.V. Bordovskaya and co-authors «Methodology for assessing research potential», «Test of meaningful life orientations» adapted by D.A. Leontiev, «Assessment of the level of claims» by V.K. Gerbachevsky, and «Determination of the level of self-esteem» by S.V. Kovalev. A correlation analysis of the obtained empirical data was carried out with the calculation of the Pearson coefficient. The questionnaire survey revealed that outside of academic tasks university students demonstrate little interest and involvement in research activities. The correlation study shows the interconnection between the components of the research potential and the level of aspirations, self-esteem and meaningful life orientations of the university students' personality. The identified personal characteristics of university students act as predictors of the development of research potential, which provides a basis for the development of psychological and pedagogical technologies considering the correlation between RP components and meaningful life orientations and indicators of the locus of control of the Self, the core of the motivational structure of the personality, predictive assessments of activity.

Keywords: research potential, university students, research activities, personal characteristics, meaningful life orientations, level of aspirations, self-assessment.

To cite:

Grigoryeva E.V., Sadokha E.I. [Personal predictors of university students' research potential development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 559–569 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-559-569>

Введение

Курс на инновационные изменения стал определяющим трендом формирования приоритетов в исследованиях проблем современной России. Социально-экономическое развитие РФ на ближайшие несколько лет ориентировано на реализацию ведущих проектов научно-технического преобразования всех сфер жизнеобеспечения страны, в том числе образования и науки [Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231]. Нарастание объемов наукоемких отраслей промыш-

ленности диктует, по мнению А.В. Карпова, рост «массовости» и востребованности научной деятельности на рынке труда России [Карпов А.В., Разина Т.В., 2014]. Инициативы ускорения инновационного развития университетов нацелены как на оптимизацию образовательных траекторий и сближение науки с практикой, так и на вовлечение молодых россиян в научно-исследовательскую деятельность.

В русле обозначенных тенденций социальный заказ на научно подготовленные кадры определяется повышением интереса работода-

телей к универсальным компетенциям (softskills) специалиста. Е.В. Воеводина и коллеги подчеркивают, что на российском рынке труда востребованы «не узкопрофессиональные знания» претендента на вакансию, а его аналитические навыки, владение исследовательскими инструментами, готовность развиваться [Воеводина Е.В. и др., 2020]. Обозначенные характеристики в совокупности с когнитивным развитием наиболее продуктивно формируются в научно-исследовательской деятельности. Так, по мнению Т.В. Яровой и М.В. Воробьевой, технологией деятельностной реализации в современном обществе является исследовательская и проектная работа студентов в условиях обучения в вузе. Подобная работа представляет собой «площадку профессиональных проб» будущих специалистов. Авторы подчеркивают, что участие студентов в научной и проектной деятельности основано на исследовательском мышлении, подкрепленном технологической культурой научных и проектных разработок, а также на оценке потенциала этих изысканий и возможности грамотно «продвигать» их как в научном сообществе, так и в бизнес-среде, проявляя активность и инициативу [Ярова Т.В., Воробьева М.В., 2022].

Проблема формирования исследовательской культуры, вовлечения студентов вуза в научную работу в психологии разрабатывается в рамках интереса к исследовательскому потенциалу личности. Однозначного понимания данного «конструкта» — исследовательский потенциал (ИП) — в настоящее время в психолого-педагогической литературе еще не сложилось, однако мы можем говорить о содержании преобладающего дискурса в обсуждении новой категории. Публикации последних лет посвящены оформлению понятийного аппарата и методологии исследовательского поля проблемы — представление авторских определений, структуры ИП, критериев и методик его диагностики [Бордовская Н.В. и др., 2017; Ведерникова Л.В., Кузеванова Е.В., 2015; Головей Л.А., Дербенева М.Ю., 2009]. Немало работ касается выявления проблем развития ИП личности в условиях обучения в вузе, а также возможностей его раскрытия и направлений целенаправленной реализации [Клещева И.В., 2014; Просолупова Н.А., 2017; Чувгунова О.А., 2015].

Среди ведущих теоретико-методологических подходов к изучению исследовательского потенциала личности весомую позицию занимают работы Н.В. Бордовской, С.Н. Костроминой, С.И. Розума, Н.Л. Москвичевой. Основанием для предложения категории «исследовательский потенциал» и ее дальнейшей разработки стал возросший интерес к анализу психологического содержания научно-исследовательской деятельности будущих профессионалов. С точки зрения авторов, ИП является «продуктом» интеграции спектра таких возможностей человека, как интеллектуальный, личностный, творческий потенциалы, исследовательские способности, умения, навыки, исследовательская компетентность. На сегодняшний день Н.В. Бордовской и ее коллегами на основе трехкомпонентной концепции В.Н. Мясищева предложена структурно-функциональная модель ИП, включающая мотивационный, когнитивный и поведенческий компоненты [Бордовская Н.В. и др., 2017]. Разработчики модели рассматривают исследовательский потенциал студентов в форме «системной и интегральной характеристики внутренних и приобретенных в процессе обучения, воспитания и развития ресурсов, а именно: силы его интеллекта и личностной зрелости, информационно-когнитивной, мотивационно-ценностной и организационно-волевой сферы, необходимых и достаточных для овладения и успешного самостоятельного осуществления исследовательской деятельности» [Бордовская Н.В. и др., 2017, с. 92]. Авторы придерживаются позиции, что ИП оценивается через совокупность измерений меры реализации, уровня развития, качественного содержания отличительных признаков. Выделенные методологические позиции позволили научному коллективу создать и апробировать психодиагностический опросник «Методика оценки исследовательского потенциала», получивший признание в научном сообществе [Бордовская Н.В. и др., 2017]. Необходимо заметить, что в настоящее время отмечается высокий интерес к изучению роли когнитивных характеристик ИП, а также значению мотивационного компонента в реализации исследовательского ресурса личности студентов вуза [Воеводина Е.В. и др., 2020; Отт Н.Г., Ермаганбетова Н.В., 2021; Чувгунова О.А., 2015]. Среди действующих диагностических инструментов изучения возможностей реализации исследователь-

ской потребности можно выделить «Технологическую карту самооценки исследовательской компетентности», предложенную И.В. Клещевой в рамках педагогической методологии [Клещева И.В., 2014].

Продолжая развитие субъектно-деятельностного подхода, Е.В. Воеводина, П.Ш. Шихгафизов, А.В. Власова рассматривают исследовательскую субъектность как компонент профессиональной субъектности студента вуза, в которой уделяют особое внимание эмоционально-мотивационной основе исследовательского поведения. Авторы считают, что ИП представляет собой комплекс внутренних и приобретенных в процессе обучения в вузе личностных ресурсов студента, таких как интеллект, личностная зрелость сфер, необходимых для осуществления научной деятельности — когнитивно-информационной, ценностно-мотивационной, организационно-волевой. При этом данные опросов, представленные в разных источниках, указывают на традиционно невысокую активность студентов в сфере научных изысканий [Воеводина Е.В. и др., 2020]. Основное противоречие, тормозящее актуализацию ИП, по мнению Е.В. Воеводиной и соавторов, заложено между потребностью университетов формировать профессиональную субъектность и заинтересованностью самих студентов в самореализации через исследовательскую деятельность. Анализ результатов эмпирического исследования выделенного противоречия показал заинтересованность студентов, участвовавших в выборке, в научной работе и развитии ИП, а также выявил уровень развития *hardskills* и *softskills*, подтверждающий сформированность базового уровня профессиональной субъектности. Но все же, по мнению студентов, условия образовательной среды вуза недостаточны для достижения как их личных, так и учебных целей [Воеводина Е.В. и др., 2020].

Обращение к проблеме самореализации студентами собственного ИП позволяет обратиться к общей методологии самореализации и потенциала саморазвития личности, описанной в работах О.М. Краснорядцевой. Представленный автором психологический анализ чувствительности личности к профессиональным проблемам дает основание рассматривать ИП как часть или элемент потенциала саморазвития. Механизмом в данном случае выступает транс-

формация сознания в специально организованных условиях становления профессиональной картины мира человека в период обучения в вузе. Истоками раскрытия потенциала саморазвития через развитие исследовательского потенциала является потребность личности в обнаружении и постановке творческих задач как проявления сверхадаптивной природы человека, нацеленной на преобразование реальности и самого себя [Краснорядцева О.М., 2009].

Пребывание в насыщенном информационном пространстве современного вуза позволяет молодежи в полной мере реализовывать творческие мотивы, органично присущие человеку цифровой эпохи как универсалии саморазвития. Одновременно, время обучения в вузе является сензитивным периодом для самоутверждения, самопрезентации в контексте личностного и профессионального самоопределения. Так, исследования Е.В. Воеводиной и коллег показывают, что потребность студентов вуза в саморазвитии и реализации ИП опосредована мотивами «перспективного будущего» при продолжении обучения, а также мотивами выигрыша и преимущества в конкурентной борьбе за достойную вакансию [Воеводина Е.В. и др., 2020]. В этой связи перспективной, на наш взгляд, будет целенаправленная работа по интеграции временной перспективы личности с целью повысить у студентов осмысленность занятий научной деятельностью [Яницкий М.С. и др., 2012]. Интеллектуальный потенциал студентов не связан с анализом прошлого опыта научной работы, что снижает их удовлетворенность от уже имеющихся результатов. Активность в настоящем и устремленность в будущее при отсутствии анализа достижений снижают реальное ощущение продуктивности научно-исследовательской деятельности и мотивацию саморазвития в целом.

Неудовлетворенность студентов достигнутым уровнем развития ИП и сформированности ряда компетенций, необходимых для более уверенной позиции на рынке труда, объясняется в литературе множеством причин. Например, Т.В. Ярлова, М.В. Воробьева выделяют следующие препятствия развития и реализации ИП студентов в вузе: во-первых, проблемы мотивации и включенности студентов в научную деятельность; во-вторых, несформированность исследовательской культуры молодых людей

еще со времен обучения в школе; в-третьих, неумение грамотно презентовать результаты своих разработок; в-четвертых, формальный подход к выбору темы исследования; в-пятых, психологическое сопротивление научному исследованию как учебной задаче; в-шестых, пребывание на периферии информационного пространства научных коллабораций; в-седьмых, проблемы поиска научного руководителя [Ярлова Т.В., Воробьева М.В., 2022].

Особенности взаимодействия студента с научным руководителем представлены в литературе как отдельный аспект привлечения обучающихся вуза к научной деятельности. Х. Кларк и Ч. Райан обращают внимание на характер взаимоотношений научного руководителя и исследователей, который проявляется в желании руководителя методологически оформить идеи и проекты своих учеников. Эффективная модель взаимодействия руководителя и студентов отличается гибкостью в противовес иерархическим властным отношениям и жесткому подчинению [Clarke H., Ryan Ch., 2006]. Т.В. Ярлова, М.В. Воробьева, а также Е.В. Воеводина, П.Ш. Шихгафизов и А.В. Власова подчеркивают необходимость особой подготовки педагогического состава и разработки системы мотивации преподавателей для реализации совместных со студентами исследовательских проектов, для поиска новых форм вовлечения молодых людей в научно-исследовательскую деятельность в образовательной среде вуза [Воеводина Е.В. и др., 2020; Ярлова Т.В., Воробьева М.В., 2022].

На наш взгляд, постановка проблемы развития и реализации ИП студентов в условиях вуза обоснована как объективной потребностью в инновационной трансформации современной России, так и актуальными задачами социализации молодого поколения. Рассматривая ИП как совокупность определенных ресурсов человека, большинство авторов дифференцируют внешние и внутренние факторы его формирования у студентов вуза. Внешние факторы связаны с условиями обучения, качеством подготовки будущих специалистов, организационной культурой вуза. В контексте нашего научного интереса мы видим перспективу изучения именно психологических — внутренних факторов развития и реализации ИП личности. С.В. Белов в анализе внутренних источников

ИП подчеркивает единство явного и скрытого потенциалов, относя к явному исследовательские знания, умения и жизненный опыт человека в целом, а к скрытому — мотивацию, инновационное мышление, организаторские способности, личностные особенности [Белов С.В., 2014]. На наш взгляд, несмотря на то, что личностные особенности рассматриваются как элемент «скрытого» потенциала развития человека, они во многом могут определять вовлеченность студентов в научно-исследовательскую деятельность, уровень развития и меру реализации ИП. К таким личностным особенностям в литературе относят направленность, ценностные и смысложизненные ориентации, уровень притязаний и самооценки, уровень психологического благополучия и жизнеспособности. М.С. Яницкий, А.В. Серый, Ю.В. Пелех считают основой профессионализации студентов в условиях обучения в вузе преобразования ценностно-смысловой сферы личности, что, по мнению авторов, стало магистральным направлением современного образования [Яницкий М.С. и др., 2013]. С нашей точки зрения, исследование личностных особенностей как фактора развития ИП студентов вуза объективно требует учета направлений их подготовки [Чувгунова О.А., 2015].

Таким образом, актуальность нашей работы обусловлена противоречием между растущим социальным заказом на специалистов с высоким уровнем развития исследовательского потенциала и недостаточной исследованностью психологических факторов развития ИП студентов в период получения высшего профессионального образования. С учетом всего вышеизложенного, нами было проведено эмпирическое исследование с целью анализа взаимосвязи показателей исследовательского потенциала и особенностей личности студентов вуза. Объектом исследования выступил исследовательский потенциал личности студентов, предметом — взаимосвязь ИП студентов с особенностями их личности. Новизна исследования определяется сопоставлением результатов, представленных в литературе ранее, и собственных данных, а также конкретизацией практических положений, касающихся закономерностей развития исследовательского потенциала студентов вуза.

Методология

Исследование проводилось на базе Кемеровского государственного университета в 2022 г. Выборку составили студенты 3–4 курсов трех направлений подготовки: «Клиническая психология», «Биология», «Прикладная математика и информатика». Общее число участников — 60 респондентов, по 20 студентов в каждом из трех направлений. Количество мужчин и женщин было равным — 50 % на 50%, средний возраст испытуемых — 21 год.

Методологической основой проводимого исследования послужил структурно-функциональный подход и модель исследовательского потенциала студентов, предложенная Н.В. Бордовской, С.Н. Костроминой, С.И. Розумом, Н.Л. Москвичевой [Бордовская Н.В. и др., 2017].

Основными методами исследования выступили опрос и тестирование. Опрос проведен с помощью самостоятельно разработанной анкеты, включающей блок вопросов о социально-демографических сведениях респондентов, и блок о содержательных характеристиках их участия в научно-исследовательской деятельности в вузе. В качестве методик для сбора эмпирических данных были выбраны опросник Н.В. Бордовской и коллег «Методика оценки исследовательского потенциала», «Тест смысловых ориентаций (СЖО)» в адаптации Д.А. Леонтьева, «Оценка уровня притязаний»

В.К. Гербачевского и «Определение уровня самооценки» С.В. Ковалева.

Полученные эмпирические данные были проанализированы с помощью методов математической статистики: корреляционного анализа с расчетом критерия Пирсона (при $p \leq 0,05$) и сравнительного анализа — t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Расчеты производились с использованием программного обеспечения «Statistica 6.0». Последовательность анализа эмпирических результатов включала: процентное распределение ответов респондентов на вопросы анкеты, взаимосвязь показателей исследовательского потенциала и особенностей личности участников, сравнение результатов диагностики с учетом направления обучения студентов.

Результаты

Анкетный опрос студентов проводился с целью сбора данных об участии студентов в научно-исследовательской деятельности помимо выполнения учебных заданий. В целом, срез в рамках нашего исследования выявил сходную картину с описанной в литературе и подтвердил невысокие показатели вовлеченности студентов в научные изыскания. Процентный анализ результатов анкетного опроса об опыте и формах участия студентов в научной работе представлен в табл. 1.

Таблица 1. Распределение ответов на вопросы анкеты о показателях участия в научно-исследовательской деятельности (%)

Table 1. Distribution of answers to the questionnaire questions about the indicators of participation in research activities (%)

Показатель участия в научно-исследовательской деятельности	Выборка в целом		«Клиническая психология»		«Прикладная математика и информатика»		«Биология»	
	«да»	«нет»	«да»	«нет»	«да»	«нет»	«да»	«нет»
Опыт участия в научной деятельности	37 %	63 %	25 %	75 %	30 %	70 %	55 %	45 %
Наличие призовых мест за участие в конкурсных мероприятиях	23 %	77 %	20 %	80 %	15 %	85 %	35 %	65 %
Членство в студенческом научном сообществе	3 %	97 %	5 %	95 %	0 %	100 %	5 %	95 %

Вопрос об опыте студентов во внеучебной научной жизни предлагал номинальную шкалу об участии в олимпиадах, конференциях, грантах, исследовательских проектах, профессионально-ориентированных конкурсах НИР и подобных мероприятиях. Чуть более трети участ-

ников выборки — 22 студента из 60 — подтвердили наличие подобного опыта за период обучения в вузе, при этом наиболее активны оказались студенты направления «Биология», а наименее — студенты направления «Клиническая психология». Студенты-биологи также ока-

зались наиболее результативны в достижениях призовых мест в различных формах научного участия. Студенты направления «Прикладная математика и информатика» выделяются невысокой результативностью достижений, что подтверждается как результатами опроса относительно других направлений, так и соотношением участия в научных мероприятиях и занятых призовых позициях. Активность в рамках научного студенческого общества отметили лишь 2 респондента выборки, обучающиеся на направлениях «Биология» и «Клиническая психология».

Если результаты анкетного опроса дали характеристику «формальной» стороны или фактологического, событийного аспекта вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность, то анализ результатов психологического тестирования выявил ряд внутренних, интрапсихических показателей взаимосвязи исследовательского ресурса и особенностей личности. Результаты корреляционного анализа данных, полученных с применением методик оценки ИП, уровня притязаний, самооценки и СЖО, отражены в табл. 2. Таблица содержит только значимые корреляции.

Таблица 2. Корреляции между показателями исследовательского потенциала и показателями теста СЖО, уровня притязаний, самооценки (при $p \leq 0,05$)

Table 2. Correlations between indicators of research potential and indicators of the PIL test, the level of claims, self-esteem ($p \leq 0,05$)

Шкалы методик	Общий уровень ИП	Мотивационный компонент ИП	Когнитивный компонент ИП	Поведенческий компонент ИП
СЖО: Общий показатель	0,3	–	0,32	–
СЖО: цель	0,32	–	0,35	–
СЖО: процесс	–	–	0,28	–
СЖО: результат	–	–	–	–
СЖО: ЛК-Я	0,39	0,27	0,40	0,32
СЖО: ЛК-жизнь	–	–	0,26	–
Уровень притязаний (УП): ядро мотивационной структуры личности	0,43	0,37	–	0,45
УП: достижение трудных целей	0,32	–	–	0,35
УП: прогнозные оценки деятельности	0,47	–	0,27	0,48
УП: причинные факторы деятельности	–	–	–	0,26
Уровень самооценки	- 0,26	–	- 0,31	–

Из общего анализа корреляционных связей видно, что взаимосвязь ИП и его компонентов с индексами смысложизненных ориентаций и уровня притязаний носит прямой характер, а с уровнем самооценки — обратный. Показатель ИП и его когнитивный компонент нагружены максимальным количеством взаимосвязей с показателями смысложизненных ориентаций, уровня притязаний и самооценки. Поведенческий компонент ИП взаимосвязан преимущественно с уровнем притязаний. Наиболее тесные связи выявлены между показателями общего ИП, поведенческого компонента ИП и показателями уровня притязаний — ядром мотивационной структуры личности и прогнозными оценками деятельности. Теснота связи наблюдается между общим уровнем ИП, его когни-

тивным компонентом и «силой Я» (ЛК-Я). Таким образом, мы можем говорить о том, что учет особенностей смысложизненных ориентаций, уровня притязаний и самооценки важен для развития общего уровня ИП студентов. При этом отметим, что для развития когнитивного компонента ИП необходимо анализировать особенности смысложизненных ориентаций и самооценки личности, а поведенческого компонента — преимущественно характеристики уровня притязаний.

Содержательный анализ выявленных корреляций с учетом вышеизложенного позволяет дать следующие интерпретации. Чем выше осмысленность жизни, целеустремленность, осознание перспективы и целей в будущем в совокупности с общей уверенностью в себе, тем

выше уровень ИП и его когнитивный компонент. Нацеленность на будущее и отсутствие удовлетворенности от настоящих и прошлых научных достижений подтверждает ранее приведенные результаты исследования Е.В. Воеводиной [Воеводина Е.В. и др., 2020]. Обратная взаимосвязь когнитивного компонента ИП с уровнем самооценки говорит о том, что высокие показатели развития понятийного мышления и близких к нему познавательных процессов позволяет студенту адекватно оценивать свои достижения, принимать критику и продолжать движение по выбранному пути.

Также мы можем утверждать, что чем мощнее ядро мотивационной структуры личности (увлеченность, стремление к познанию, самоуважению, стремление к конкуренции), понимание необходимости мобилизации усилий, настрой на решение задач повышенной сложности, способность к реальному прогнозу достижений, инициатива и понимание закономерностей результата, тем выше поведенческий компонент ИП, т.е. готовность к продуктивной реализации себя в научно-исследовательской деятельности.

Отдельно необходимо сказать о значении показателя шкалы «Локус контроля Я» теста СЖО, а также таких показателей методики «Оценки уровня притязаний», как ядро мотивационной структуры личности и прогнозные оценки деятельности субъекта. Обнаружено, что чем больше представления человека полны убеждений о собственной силе, способности делать самостоятельный выбор в пользу осмысленной самостоятельно жизни, тем выше уровень развития ИП и, соответственно, всех его компонентов. Усиление ядра мотивационной структуры личности ведет к повышению мотивационного и поведенческого компонентов ИП. При возрастании прогнозных оценок деятельности повышаются показатели когнитивного и поведенческого компонентов ИП, как и общий уровень ИП студентов.

В целом, корреляционный анализ показывает именно взаимные, а не причинно-следственные связи, и все же если исходить из понимания исследовательского потенциала как совокупности ресурсов личности, то воздействуя на личностные особенности, можно способствовать его развитию и реализации.

Полученные результаты психодиагностики мы также подвергли сравнительному анализу с учетом принадлежности студентов к определенному направлению подготовки, но значимых различий в показателях общего уровня ИП и его компонентов, смысложизненных ориентаций, уровня притязаний и самооценки не обнаружили, что, возможно, связано с недостаточным объемом выборки.

Заключение

Результаты проведенного нами теоретического анализа и эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы.

Исследовательский потенциал студентов — это системная и интегральная характеристика, объединяющая как исходные, так и приобретенные ресурсы личности, что предполагает динамику количественных и качественных показателей исследовательского потенциала в условиях образовательной среды вуза. В этой связи необходимо разрабатывать психолого-педагогические технологии развития исследовательского потенциала студентов вуза, в том числе на основе анализа психологических закономерностей этого процесса.

Результаты нашего опроса демонстрируют невысокую степень заинтересованности и погруженности студентов в научно-исследовательскую деятельность в стенах вуза, что подтверждает выводы других авторов и в целом характеризует состояние дел на текущий момент. Это выступает еще одним аргументом в пользу внимания к изучению психологических факторов развития исследовательского потенциала с целью повысить активность студентов в сфере научных изысканий.

На основе корреляционного анализа выявлены взаимосвязи показателей исследовательского потенциала с особенностями личности студентов, что соответствует цели работы и дает основание для определения подходов к развитию ИП студентов. Когнитивный компонент исследовательского потенциала и его общий уровень связаны со смысложизненными ориентациями: общей осмысленностью, с целями, устремленными в будущее, и с удовольствием от достижений сегодняшнего дня, а также с уверенностью в себе и своей способности принимать решения и воплощать их в жизнь. В контексте этой данности мы допускаем, что

формирования только умений и навыков в рамках профессиональной субъектности посредством учебных заданий будет недостаточно. Развитие понимания стоящей перед студентом исследовательской задачи и осознание ее ценности может стать стимулом к интеллектуальному творчеству — поиску и генерированию новых идей. Осмысленное овладение студентами алгоритмами решения исследовательских задач и проблемных ситуаций основано на развитии ценностно-смысловой сферы личности. Для достижения результата в научной деятельности важно не только научить студента «делать науку», но и понимать ее смысл — и общественный, и личностный, что придаст импульс развитию и реализации исследовательского потенциала. Во многом реализация этой идеи связана с личностной готовностью преподавателей вуза — их способностями, желанием и возможностями помогать студентам «расти в науке».

В психолого-педагогической работе со студентами, направленной на развитие их исследовательского потенциала, необходимо учесть взаимосвязи показателей ИП с показателями «локуса контроля Я», ядра мотивационной структуры личности и прогнозных оценок деятельности. Убежденность студента в силе своей личности, уверенность в себе, готовность к свободе решений и ответственности, обеспеченная наличием цели и смысла собственной жизни, придает побудительную силу познанию, открытиям нового, пониманию сложности исследовательской задачи и технологий ее решения, повысит самоорганизацию, произвольную активность и результативность научной работы. Ядро мотивационной структуры личности, выступающее как внутренняя познавательная мотивация, нацеленность на результат и состязание с конкурентами, стремление к повышению квалификации в научной сфере формируют интерес к научной проблеме, дают желание тратить время на познание и открытие нового и также готовят студента к продуктивной самореализации в науке. Способность к прогнозной оценке деятельности позволяет студенту мобилизовать усилия и понимать уровень результативности своих действий, что связано с оптимальным видением задачи и получения результата за счет управления своими ресурсами. Таким образом, для развития исследовательского

потенциала важно формировать «силу Я» студентов, тренировать целеполагание, самостоятельность и принятие ответственности. Дополнить развитие силы личности возможно путем активизации познавательной активности, а также через формирование экспертной позиции в первую очередь в отношении собственных возможностей, планов, самоорганизации и адекватных ожиданий от затраченных усилий, т.е., углубляя самопознание.

В заключении подчеркнем, что научно-исследовательская деятельность — это деятельность информационного характера, которая в условиях цифровизации является и остается в перспективе важной составляющей высшего образования и профессиональной подготовки студентов. Однако в современных условиях меняется не только содержание и характер научной работы, ее социальный статус и условия организации, но и сам субъект этого вида деятельности. Данные обстоятельства актуализируют углубленное исследование психологического содержания деятельности исследовательского характера будущих специалистов, где на первый план выходит выявление личностных, когнитивных, мотивационных и иных психологических факторов, способствующих эффективному выполнению научно-исследовательской работы.

Список литературы

- Белов С.В. Связь исследовательского потенциала личности с информационной компетентностью в условиях непрерывного образования // Научный поиск. 2014. № 3(13). С. 31–33.
- Бордовская Н.В., Костромина С.Н., Розум С.И., Москвичева Н.Л. Исследовательский потенциал студента: содержание конструкта и методика его оценки // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 2. С. 89–103.
- Ведерникова Л.В., Кузеванова Е.В. Сущность и структура исследовательского потенциала студентов педагогического вуза // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 1. С. 285–292.
- Воеводина Е.В., Шихгафизов П.Ш., Власова А.В. Влияние научно-исследовательского потенциала студента на формирование его профессиональной субъектности // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2020. Т. 10, № 6. С. 97–104.
- Головей Л.А., Дербенева М.Ю. Интеллектуальный потенциал как фактор профессионального

самоопределения личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. Вып. 2, ч. 2. С. 58–66.

Карпов А.В., Разина Т.В. Научная деятельность — деятельность информационного характера // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1(27). С. 58–64.

Клещева И.В. Оценка эффективности научно-исследовательской деятельности студентов. СПб.: НИУ ИТМО, 2014. 92 с.

Красноярцева О.М. Чувствительность к проблемам: от исследовательских процедур к диагностике потенциала самореализации личности // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, № 4. С. 73–81.

Отт Н.Г., Ермаганбетова Н.В. Исследование когнитивных особенностей студентов, влияющих на реализацию их исследовательского потенциала // Наукосфера. 2021. № 1(1). С. 109–113.

Просолупова Н.А. Исследовательский потенциал студентов: возможности развития в современном вузе // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2017. Т. 16, № 4. С. 102–105.

Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения: 29.08.2023).

Чувгунова О.А. Реализация исследовательского потенциала студентов в условиях образовательного процесса вуза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. Вып. 1. С. 78–86.

Яницкий М.С., Серый А.В., Пелех Ю.В. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // Философия образования. 2013. № 1(46). С. 175–185.

Яницкий М.С., Серый А.В., Проконич О.А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2(20). С. 175–180.

Ярлова Т.В., Воробьева М.В. Исследовательский потенциал студентов современного вуза // Педагогическое образование и наука. 2022. № 2. С. 125–129. DOI: <https://doi.org/10.56163/2072-2524-2022-2-125-130>

Clarke H., Ryan Ch. Changing over a project changing over: A project-research supervision as a conversation // International Journal of Qualitative

Studies in Education. 2006. Vol. 19, iss. 4. P. 477–497. DOI: <https://doi.org/10.1080/09518390600773239>

References

Belov, S.V. (2014). [Relation between person's research potential and his information competence in conditions of continuous education]. *Nauchnyy poisk [Scientific Search]*. No. 3(13), p. 31–33.

Bordovskaya, N.V., Kostromina, S.N., Rozum, S.I., Moskvicheva, N.L. (2017). [Student's research potential: construct's content and method for its assessment]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*. Vol. 38, no. 2, pp. 89–103.

Chuvgunova, O.A. (2015). [Implementation of students' research potential in the educational process at university]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education]*. Iss. 1, pp. 78–86.

Clarke, H. and Ryan, Ch. (2006). Changing over a project changing over: A project-research supervision as a conversation. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. Vol. 19, iss. 4, pp. 477–497. DOI: <https://doi.org/10.1080/09518390600773239>

Golovey, L.A., Derbeneva, M.Yu. (2009). [Intellectual as a factor of vocational self-determination of a personality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education]*. Iss. 2, pt. 2, pp. 58–66.

Karpov, A.V., Razina, T.V. (2014). [Scientific effort as information form working]. *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 1(27), pp. 58–64.

Klescheva, I.V. (2014). *Otsenka effektivnosti nauchno-issledovatel'skoy deyatelnosti studentov [Evaluation of the effectiveness of research activities of students]*. St. Petersburg: NRU ITMO Publ., 92 p.

Krasnoryadtseva, O.M. (2009). [Sensitivity to problems: from research procedures to diagnostics of the potential for self-realization of the individual]. *Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and History of Psychology]*. Vol. 4, no. 4, pp. 73–81.

Ott, N.G. and Ermaganbetova, N.V. (2021). [The study of students' cognitive characteristics that affect the realization of their research potential]. *Naukosfera [Sciencosphere]*. No. 1(1), pp. 109–113.

Prosolupova, N.A. (2017). [Research potential of students: possibilities of development at modern higher education institution]. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus* [Psychological and pedagogical journal Gaudeamus]. Vol. 16, no. 4, pp. 102–105.

Ukaz Prezidenta RF ot 25.04.2022 № 231 «Ob ob'yavlenii v Rossiyskoy Federatsii Desyatiletiya nauki i tekhnologii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 231 of April 25, 2022 «On the Declaration of the Decade of Science and Technology in the Russian Federation»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (accessed 29.08.2023).

Vedernikova, L.V. and Kuzevanova, E.V. (2015). [Essence and structure of the research potential of students of pedagogical university]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir State University]. Vol. 20, no. 1, pp. 285–292.

Voevodina, E.V., Shikhgafizov, P.Sh. and Vlasova, A.V. (2020). [Impact of a student's research potential on the formation of his professional subjectivity].

Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]. Vol. 10, no. 6, pp. 97–104.

Yanitskiy, M.S., Seryy, A.V. and Pelekh, Yu.V. (2013). [The value-and-meaning paradigm as a basis of the post-nonclassical pedagogical psychology]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education]. No. 1(46), pp. 175–185.

Yanitskiy, M.S., Seryy, A.V. and Prokonich, O.A. (2012). [Peculiarities of personality temporal perspective among representatives of different value types of mass consciousness]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki* [Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. The Humanities]. No. 2(20), pp. 175–180.

Yarovova, T.V. and Vorob'eva, M.V. (2022). [Research potential of a student of a modern university]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science]. No. 2, pp. 125–129. DOI: <https://doi.org/10.56163/2072-2524-2022-2-125-130>

Об авторах

Григорьева Елена Владимировна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологических наук

Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6;
e-mail: GEB9@yandex.ru
ResearcherID: AAE-3246-2019

Садоха Евгения Игоревна

магистрант направления подготовки
«Когнитивная психология и технологии»

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050, Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: esadoha@mail.ru
ResearcherID: JPL-6573-2023

About the authors

Elena V. Grigoryeva

Candidate of Psychology, Associate Professor
of the Department of Psychological Sciences

Kemerovo State University,
6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia;
e-mail: GEB9@yandex.ru
ResearcherID: AAE-3246-2019

Evgenia I. Sadokha

Master's Degree Student in «Cognitive Psychology
and Technologies»

National Research Tomsk State University,
36, Lenin av., Tomsk, 634050, Russia;
e-mail: esadoha@mail.ru
ResearcherID: JPL-6573-2023

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.356.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-570-578>

Поступила: 05.07.2023

Принята: 15.11.2023

Опубликована: 22.12.2023

**МОДЕЛИ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ
В БИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ***Дивисенко Константин Сергеевич**Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (Санкт-Петербург)*

Процессы индивидуализации, дестандартизации жизненной траектории, ослабление культурной преемственности в современном обществе актуализируют необходимость осмысления и пересмотра индивидами собственного жизненного проекта на разных этапах личной истории. В современной социологии особое внимание уделяется образу будущего, который понимается как социальный факт, несущий определенные последствия для общества и жизни индивидов. На примере жизненных планов петербургских старшеклассников в статье рассматривается образ будущего в контексте биографического проекта индивида. Ставится акцент на взаимосвязи желаемого образа будущего, жизненных идеалов, планов, стратегий, что дает ключ к пониманию современных социокультурных трансформаций на уровне индивидов. С помощью количественных и качественных методов описываются отдельные типы представлений о будущем и определяющие их факторы. На основе анализа пересечений гендерных представлений и репродуктивных намерений выявлены три модели гендерно-маркированных представлений старшеклассников о будущей семейной жизни и профессиональной траектории. Анализируются особенности биографического проектирования старшеклассниками собственного будущего и стоящие за ними традиционные, неотрадиционные и эмансипаторные смыслы. Показано, что религиозность (значимость Бога) не связана ни с решением школьниками экзистенциальных вопросов, ни с субъективным благополучием, т.е. не выполняет ни мировоззренческую, ни компенсаторную функцию. Связь религиозности с воспроизводством традиционных ценностей позволяет считать ее аксиологическим компонентом биографического проектирования. Результаты исследования свидетельствуют о том, что значимость семьи и деторождения для старшеклассников в целом сохраняется, хотя явно прослеживается и альтернативный традиционному биографическому проекту вариант с интенцией на несемейное будущее.

Ключевые слова: биографический проект, образ будущего, модели будущей жизни, дестандартизация жизненной траектории, старшеклассники, ценности, будущая семья.

Для цитирования:

Дивисенко К.С. Модели будущей жизни в биографическом проекте старшеклассников // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 570–578. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-570-578>

MODELS OF THE FUTURE LIFE IN THE BIOGRAPHICAL PROJECT OF HIGH SCHOOL STUDENTS

Konstantin S. Divisenko

*Sociological Institute of the RAS, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)*

The processes of individualization, destandardization of the life trajectory, the weakening of cultural continuity in modern society force the individual to rethink and correct his own life trajectory at different stages of personal history. Modern sociology pays special attention to perceptions of the future as a social fact that influences social outcomes for individuals. The article examines the image of the future in the context of an individual's biographical project through the example of the plans for life of high school students in St. Petersburg. Special emphasis is placed on the relationship between the desired image of the future, life ideals, plans and strategies, which gives the key to understanding modern socio-cultural transformations at the level of individual persons. Quantitative and qualitative methods of study made it possible to find and describe types of ideas about the future and the factors that determine them. Three models of gender-marked ideas of high school students about their future family life and professional trajectory were identified based on the analysis of intersections of gender representations and reproductive intentions. Traditional, neo-traditional, and emancipatory meanings are analyzed in the context of biographical project. It is shown that religiosity (the importance of God) is connected neither with the solution of existential issues by teenagers nor with their subjective well-being, i.e., realizes neither the worldview function nor the compensatory one. The connection of religiosity with the reproduction of traditional values allows us to consider it as an axiological component of biographical project. The results indicate that family and childbearing generally remain significant for high school students although the alternative intention toward a non-family future is also clearly seen in biographical project.

Keywords: biographical project, perceptions of the future, future life models, life trajectory destandardization, high school students, values, future family.

To cite:

Divisenko K.S. [Models of the future life in the biographical project of high school students]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 570–578 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-570-578>

Введение

Фокус социологического внимания традиционно обращен на настоящее и прошлое: социальные явления, процессы, становление социальных институтов объясняются предшествующими им событиями и логикой исторического развития. Начиная с середины XX в. в зарубежных социологических исследованиях появляется интерес к изучению будущего, который сохраняется и в настоящее время [Halford S., Southerton D., 2023]. С одной стороны, рассматриваются различные сценарии развертывания событий во временной перспективе, которые мо-

гут привести к тем или иным результатам, с другой, восприятие и конструирование будущего социальными агентами понимается как социальный факт, имеющий определенные последствия для общества и индивидов [Beckert J., Suckert L., 2021].

Современные социальные трансформации и культурные разрывы актуализируют проблематику будущего и в отечественной социологии. Так, в отдельных исследованиях анализируются различные аспекты образа будущего: смысловые и телеологические компоненты [Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А., 2022], эмоциональные пере-

живания и ожидания [Андреев А.Л., 2021], общественное мнение о целях социального и политического развития общества [Великая Н.М. и др., 2021; Левашов В.К. и др., 2021; Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н., 2020], представления об идеальном, желаемом будущем, «достойной жизни», «русской мечте» [Тихонова Н.Е., 2015; Горшков М.К. и др., 2016; *Life Expectations...*, 2021]. Особое внимание уделяется изучению представлений молодежи о будущем, поскольку данная социально-возрастная группа, адаптируясь к социальным условиям, оказывается субъектом социокультурного воспроизводства образа будущего [Зубок Ю.А., 2022; Мехришвили Л.Л. и др., 2017].

Еще одним направлением в исследованиях образа будущего является его рассмотрение как части жизненного (биографического) проекта [Резник Ю.М., 2017, с. 399–445; Нестик Т.А., 2021]. Важность этой перспективы обусловлена современным этапом социальной эволюции, который характеризуется ослаблением преемственности культурных традиций, классовой, семейной детерминации и усилением процессов индивидуализации и дестандартизации [Бек У., 2000; Vinken H., 2007]. Современные социальные условия ставят перед индивидами, находящимися на разных этапах жизненного пути, вопросы выбора варианта развертывания личной истории, корректировки дальнейшей траектории, что развивает рефлексивное самосознание и заботу о будущем [Giddens A., 1991, p. 75–81].

Биографический проект как относительно целостное представление индивида о самом себе и своей жизненной траектории, тем не менее, является открытой для пересмотра системой. Новые вызовы, события, открывающиеся возможности и существующие ограничения осмысливаются индивидом и, если не интегрируются в биографический проект, то, по крайней мере, вносят определенные коррективы. Рефлексивность общества Позднего модерна, заключающаяся в критическом осмыслении социальных практик, подспудно раскрывает для индивида значимость Я: собственная идентичность становится одной из немногих контролируемых человеком областей — якорем, позволяющим ему удержаться в быстро меняющемся социальном порядке. Если в предшествующие этапы социальной истории идентичность определялась успешной социализацией и социальной «встро-

енностью», то проект модерна ставит акцент на временном измерении и понимании идентичности как вектора, направленного в будущее [Williams E.F., Gilovich T., 2008]. Образ будущего, жизненные цели, стратегии, планы, ожидания, надежды, опасения, касающиеся как отдельных эпизодов, так и жизни в целом оказываются ключевыми компонентами социальной идентичности. Прошлый личный опыт индивида, воспринятое интересубъективное знание, опыт социального взаимодействия, транслируемые СМИ образцы, модели, идеологии формируют на феноменологическом уровне специфичность индивидуальных представлений о будущем. В то же время разнообразие этих представлений ложится в основу социокультурных кодов, тем самым замыкая «культурный цикл» взаимного воспроизводства личности и общества.

Исследование особенностей биографического проектирования на примере старшеклассников, предполагающее изучение будущего как образа желаемой жизни — идеалов и жизненных стратегий, — позволяет увидеть за мечтами не только ожидаемую модель жизни и общества, но также и источник мотиваций, ресурс и ограничение жизненного планирования. В отличие от представителей более старших групп молодежи, которые в основном имеют опыт самостоятельной жизни, учащиеся старших классов находятся в особой ситуации: существующее устройство в различных сферах жизни (образовании, занятости, семье) могло быть только воспринято ими косвенно, но не зафиксировано личной практикой. Завершая школьное обучение, старшеклассники стоят перед самостоятельным (в той или иной мере) и осознанным выбором дальнейшей образовательной и/или профессиональной траектории. Из этой точки жизненного пути дальнейшее движение определяется как социально-классовыми детерминантами, в первую очередь, родительской семьи, дающими определенные возможности или, напротив, ограничивающими их, так и индивидуальными устремлениями либо их отсутствием.

В настоящей статье подведем некоторые итоги и обобщим результаты изучения биографического проектирования петербургскими старшеклассниками собственного будущего, которые были получены на отдельных этапах исследования. Следует отметить, что для нас было важ-

ным выявить и описать на основе качественных и количественных данных сам феномен биографического проектирования, различные типы представлений о будущем, определяющие их факторы. Задача экстраполяции результатов на всех петербургских школьников не ставилась. Размер корпуса текстовых данных определялся логикой и дизайном качественного исследования, а объем выборочной совокупности количественной части — необходимым минимумом случаев для построения моделей и выявления статистически достоверных различий.

Биографический проект старшеклассников

Отправной точкой исследования стали автобиографии и биографические эссе «Я через N лет» петербургских старшеклассников, полученные в 1990–1993, 2002 гг. и хранящиеся в Биографическом фонде Социологического института ФНИСЦ РАН¹. Позже автором данной статьи в 2010 г. и в 2018–2019 гг. был проведен аналогичный сбор биографических данных в нескольких петербургских школах вместе с формализованным анкетным опросом. Исследование проводилось в русле методологии кейс-стади: обследовались отдельные учебные заведения, в которых при сборе данных использовалась сплошная выборка учащихся старших классов.

Благодаря сопоставлению данных четырех волн исследования были выявлены существенные изменения в биографическом проектировании. В частности, первое изменение касалось трансформации соотношения уровня жизненных притязаний и способов достижения жизненных целей. Так, были выделены «инфантильный» и «реалистический» типы биографического проектирования: первый характеризуется высокими требованиями к уровню будущей жизни и сопровождается относительно низким уровнем готовности реализации собственных планов, а второй — относительной гармоничностью образа желаемого будущего и способов его достижения. Отмеченный на основе качественных данных (биографических текстов 1990-х, 2002 и 2010 гг.) постепенный сдвиг от «инфантильного» типа к «реалистическому» эмпирически подтвердился и результатами количественного ис-

следования (анкетного опроса) в 2018–2019 гг. [Дивисенко К.С., 2015, 2019].

Получение образования, будущая работа и собственная семья суть основные компоненты биографического проекта старшеклассников. Как будут соотноситься в планируемом будущем эти компоненты, девушки и юноши решают по-разному. Ниже мы остановимся и более подробно рассмотрим гендерный аспект биографического проектирования и стоящие за ним ценности на основе результатов как формализованной части исследования, так и качественных данных — ответов на открытые вопросы.

Модели будущей жизни

Как уже было отмечено, в последней волне исследования (2018–2019 гг., $n = 229$) лаг между уровнем притязаний и готовностью реализовывать собственные жизненные планы сократился за счет роста последней. Однако даже небольшая выборка этой волны оказалась весьма неоднородной: девушки и юноши по-разному представляли свое будущее, что, можно предположить, связано не только с индивидуальными и семейными факторами, но и с представлением о гендерном распределении ролей. Попытка выявить с помощью интерсекционального анализа дифференциацию в биографическом проектировании (т.е. не на основе влияния отдельных факторов, а на их пересечении) оказалась вполне результативной: гендерные представления и тип планируемой семьи формируют четкие локации, связанные не только с профессиональными планами, но и обусловленные социальными детерминантами [Дивисенко К.С., 2022]. Ориентация старшеклассников на патриархатность или эгалитарность в гендерных представлениях, а также репродуктивные намерения, определяющие тип будущей семьи по критерию детности, конституируют три основные модели представлений о будущей жизни.

Первая из моделей объединила патриархатные взгляды на идеальную женщину и эгалитарные на идеального мужчину с ориентацией на рождение детей. Среди тех, кому близко такое устройство будущего, большинство — девушки. За этими взглядами и планами стоят ценности, которые можно обозначить как «неотрадиционные»: традиционный образ женщины, обладающей таким качествами, как доброта, мягкость, верность и др. сопровождаются отнюдь не тра-

¹ Инициировал данный проект руководитель (2005–2022) Биографического фонда О.Б. Божков.

диционным образом мужчины, в котором ценятся эмоциональный интеллект и забота о семье. В этой модели сочетается важность образования и будущей семьи. Вместе с тем заботе о будущем социальном положении, материальном благополучии, карьере уделяется значительно меньше внимания. Это приватный, семейный тип биографического проекта, продуцируемый преимущественно девушками, для которых решение гендерного неравенства заключается в воспроизводстве феминных черт не только для женского идеала, но и феминизации традиционных мужских качеств.

Вторая модель по ценности семьи, деторождения и традиционности женского идеала близка первой, однако ее отличает принципиально иной взгляд на образ мужчины: патриархатными качествами наделяются представители обоих полов. Это собственно традиционная модель, ее воспроизводят преимущественно юноши. Группа учащихся, разделяющих эти взгляды, во многом оказываются представителями инфантильного типа биографического проектирования: ее представители статистически значимо отличаются от других учащихся меньшим желанием получить высшее образование и закончить аспирантуру, а также меньшими успехами в академической успеваемости в настоящее время. Вместе с тем для данной группы характерны весьма высокие требования к социальному положению в будущем: высокий уровень ожидаемой зарплаты, высокие притязания к занимаемой должности. Кроме того, в основе этой модели будущего лежит и другой опыт, приобретенный в родительской семье: представители этой группы имеют значимо большее число сиблингов, самооценка уровня материального благополучия родительской семьи выше, равно как и субъективное благополучие самих старшеклассников.

Обращает на себя внимание также то, что для старшеклассников, которые видят свое будущее в традиционном (вторая модель) или неотрадиционном (первая модель) свете, фиксируется большая значимость Бога, что с определенными оговорками может быть интерпретировано как больший уровень религиозности. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Следует отметить, что проблематика веры, религии очень слабо тематизирована в биографической рефлексии старшеклассников: рели-

гиозная идентификация, упоминание собственной веры, религиозных практик встречаются крайне редко в их автобиографических текстах. В связи с этим в последнем анкетном опросе старшеклассников вместе с изучением гендерных аспектов биографического проектирования была предпринята попытка выяснения роли религиозности. Учащимся в анкете был задан вопрос: «Насколько важен Бог в Вашей жизни?». Относительное число старшеклассников, которые поставили отметки от «1» до «2» по десятибалльной шкале составила 46,3 %, от «3» до «7» — 37,0 % и от «8» до «10» — 16,7 %. Таким образом, школьников, ориентированных на значимость Бога, оказалось около 17 %. Следует отметить, что большинство тех, для кого важен Бог, — девушки ($p = 0,005$).

Интересен сам феномен такой религиозности: значимость Бога оказалась никак не связана с ответами на вопрос о смысле жизни («Задумываетесь ли Вы о смысле жизни? Как часто?»). Религиозность и актуальность экзистенциальной проблематики в данном случае оказались независимыми областями. Однако наблюдается небезынтересная прямая связь с эмоциональными и когнитивными компонентами субъективного благополучия. Для тех респондентов, кто считает себя не счастливым, Бог, как правило, не значим ($p = 0,017$), а те, для кого Он значим, в большей мере удовлетворены отношениями с членами собственной семьи ($p = 0,025$). С другими переменными, характеризующими удовлетворенность различными аспектами жизни, статистически значимой связи не обнаружено.

Идентификация двух вышеописанных моделей будущей жизни как относящихся к традиционным подтверждается фиксируемой для их представителей относительно высокой значимостью Бога. Отсутствие связи между религиозностью и экзистенциальными вопросами позволяет предположить, что религиозность в биографическом проекте старшеклассников не связана с мировоззренческой сферой. Равно как религиозность на данном этапе жизненного пути не носит компенсаторного характера и не выполняет функцию механизма совладающего поведения. Поэтому можно заключить, что религиозность является преимущественно ценностным ориентиром в биографическом проекте, а не выполняет мировоззренческую или компенсаторную функцию.

Завершая экскурс и возвращаясь к моделям представлений о будущей жизни, отметим, что наиболее нерелигиозными оказались те старшеклассники, которые придерживаются третьей («феминистической») модели. Локация этой модели находится на пересечении эгалитарных взглядов на представителей обоих полов и минимальном числе планируемых детей. Среди ее представителей — в равной мере и девушки и юноши, ориентированные на высокий уровень образования и высокие требования к уровню материального благополучия в будущем. Они выросли, как правило, в однодетных семьях, в большей мере неполных. Возможно, относительно высокие притязания к будущему материальному положению и профессиональному росту связаны именно с переживанием в настоящее время материальной депривации и носят компенсаторный характер. Значимость материальной и профессиональной сфер подтверждается также стратегиями реализации жизненных планов, которые отнюдь не соотносятся с созданием семьи. Жизненный опыт этих школьников, определяемый низкой удовлетворенностью отношениями в родительской семье, проявляется в осознанном нежелании создавать семью и иметь детей.

Гендерно-маркированные модели будущей жизни, описанные на основе количественных данных, позволяют увидеть картину в целом. Качественные данные — ответы в свободной форме на открытые вопросы анкеты — дают возможность более детального понимания тех гендерных представлений и размышлений старшеклассников о собственном семейном будущем, из которых складываются отдельные жизненные сценарии.

Один из вопросов анкеты («Хотели бы Вы, чтобы Ваша будущая семья была, в основном, похожа на ту, в которой Вы сейчас живете?»), с одной стороны, позволял косвенным образом определить удовлетворенность отношениями с родителями, с другой, увидеть качество этих отношений. Большая часть респондентов (61 %) положительно ответила на этот вопрос. Значимых различий в ответах относительно двух волн не обнаружено, таким образом, удовлетворенность отношениями в семье родителей оказывается стабильной. Большинство опрошенных пояснило свой выбор («Напишите, чем именно, Вы хотели бы, чтобы Ваша будущая семья была похожа или не похожа на Вашу нынешнюю се-

мью?»). В ответах, как правило, прослеживается описание материальных и/или духовных характеристик семьи, а также ее состава, что позволяет выделить три соответствующие основные категории. В некоторых случаях ответы относились одновременно к нескольким категориям.

Духовные характеристики семьи (эмоциональная близость членов семьи, интимность, взаимоотношения, положительная психологическая атмосфера, определенные личностные черты супругов) упоминались значительно чаще, чем материальные характеристики и состав семьи как в первую, так и вторую волны исследования (доля составляет 73 %, 14 %, 15 % соответственно).

Во многих случаях материальные притязания упоминаются вместе с духовными, хотя имеются ответы, ориентированные сугубо на материальность. При сравнении ответов первой и второй волны о каких-либо изменениях говорить не приходится. Респонденты обращают внимание на жилищные условия, стремятся путешествовать и жалуются на недостаток денежных средств в семье родителей.

К категории «состав семьи» были отнесены ответы, в которых респондентами ставился акцент именно на наличии тех или иных членов семьи, а не на их характеристиках. Полная семья оказывается тем, что хотят воспроизвести старшеклассники в своем будущем. Ориентация на полную семью фиксируется и в случае, когда у респондентов был травмирующий опыт развода родителей. В ряде ответов респонденты используют в отношении семьи предикат «полная». В то же время ими используются прилагательные как с нейтральной и положительной коннотацией («целая»), так и отрицательной («неполноценная»). В ответах фиксируются переживания по поводу отсутствия не только родителей, но и сиблингов.

Описывая актуальное положение дел в родительской семье, респонденты либо хотят что-то сохранить и транслировать в свою будущую семью, либо что-то ослабить или отказаться полностью. В отдельных случаях обнаруживается проблематика гендерного неравенства в распределении ролей и в совмещении работы и заботы о семье. Интерпретировать эти высказывания на основе имеющихся данных невозможно, однако благодаря им можно заключить, что проблематика гендерного распределения ролей актуальна

для подростков, поскольку ими озвучивались как патриархатные, так и эгалитарные нормы и ценности, представления об образах идеальных супругов, их ролях.

Самым существенным при анализе ответов оказалось обнаружение новых устремлений школьников, которые неоднократно встречаются в анкетах второй волны и практически отсутствуют в первой: допущение отказа от брака и добровольной бездетности. В этих высказываниях фиксируется и решение дилеммы семья/карьера в пользу последней, и отказ от «традиционной» семьи, предполагающей официальный брак и рождение детей.

Заключение

Происходящие в современном обществе процессы индивидуализации и дестандартизации жизненной траектории преломляются в конструировании индивидами собственной идентичности. Изучение представлений о будущем, жизненных целей, планов, притязаний, стратегий во временной перспективе приоткрывает понимание протекания современных социокультурных трансформаций на индивидуальном уровне — изменяющейся социальной среды, в которой живет человек, и воспринимаемых им образцов, моделей, идеологий.

Старшеклассники, находясь на пороге выхода из школы, оказываются перед необходимостью принятия решений, которые в будущем окажут непосредственное влияние на профессиональную и приватную сферы. Результаты проведенного исследования позволили выявить гендерно-маркированные модели представлений о будущей семейной жизни и профессиональной траектории, связанные с объективными факторами — контекстом родительской семьи.

Значимость семейной жизни в биографическом проекте старшеклассников сохраняется несмотря на разнонаправленные процессы трансформации семьи и семейных отношений в настоящее время. Альтернативное биографическое проектирование определяется дестандартизацией семейной траектории: отказом от брака, меньшей детностью или добровольной бездетностью. В тех случаях, когда частью биографического проекта является собственная семья, как правило, идеалом оказывается нуклеарная семья с ребенком или детьми. Этот вариант развертывания будущей жизни связан с воспроизводством традиционных социокультурных кодов.

Список литературы

- Андреев А.Л.* Ожидания, надежды и образы будущего // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН: Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. Вып. 2. С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2021.2.7>
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
- Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А.* Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого социально-политического развития общества // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1. С. 64–77. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-64-77>
- Горшков М.К., Аксенова О.В., Ванг Ц., Гао В. и др.* «Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае / под ред. М.К. Горшкова и др. М.: Новый хронограф, 2016. 424 с.
- Дивисенко К.С.* Биографический проект старшеклассников: пересечение гендерных представлений и моделей планируемой семьи // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 103–118. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2022.2.8>
- Дивисенко К.С.* Воспитание детей в семье и образование // Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И.И. Елисеевой, А. Сюй. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 491–515.
- Дивисенко К.С.* Жизненные планы старшеклассников вчера и сегодня // Психология обучения. 2019. № 5. С. 41–51.
- Зубок Ю.А.* Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 10–30. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2>
- Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А.* Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5>
- Левашов В.К., Гребняк О.В., Новоженина О.П.* Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2.

С. 104–120. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120>

Мехришвили Л.Л., Гаврилюк В.В., Гаврилюк Т.В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. Вып. 15. С. 369–394.

Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 1. С. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21>

Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 4. С. 28–39. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920016008-4>

Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 632 с.

Тихонова Н.Е. Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 52–63.

Beckert J., Suckert L. The future as a social fact. The analysis of perceptions of the future in sociology // *Poetics*. 2021. Vol. 84. URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_3273562_8/component/file_3370273/content (accessed: 22.06.2023). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2020.101499>

Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. 256 p.

Halford S., Southerton D. What Future for the Sociology of Futures? Visions, Concepts and Methods // *Sociology*. 2023. Vol. 57, iss. 2. P. 263–278. DOI: <https://doi.org/10.1177/00380385231157586>

Life Expectations of the People: A Comparative Sociological Analysis of China and Russia / ed. by P. Li, M. Gorshkov. Singapore: Springer Singapore, 2021. 330 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-16-2505-3>

Vinken H. New life course dynamics? Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth // *YOUNG*. 2007. Vol. 15, iss. 1. P. 9–30. DOI: <https://doi.org/10.1177/1103308807072679>

Williams E.F., Gilovich T. Conceptions of the Self and Others Across Time // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34, iss. 8. P. 1037–1046. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167208317603>

References

Andreev, A.L. (2021). [Expectations, hopes and images of the future]. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten' Instituta sotsiologii FNISTS RAN Rossiyskoe obschestvo v usloviyakh pandemii: god spustya (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Information and Analytical Bulletin (INAB). Russian society in the context of the pandemic: a year later (the experience of sociological diagnostics)]. Iss. 2, pp. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2021.2.7>

Beck, U. (2000). *Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk society: Towards a new modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 384 p.

Beckert, J. and Suckert, L. (2021). The future as a social fact. The analysis of perceptions of the future in sociology. *Poetics*. Vol. 84. Available at: https://pure.mpg.de/rest/items/item_3273562_8/component/file_3370273/content (accessed 22.06.2023). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2020.101499>

Divisenko, K.S. (2022). [High school students' biographical project: intersection of gender representation and the models of prospective family]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 2, pp. 103–118. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2022.2.8>

Divisenko, K.S. (2019). [Life plans of high school students yesterday and today]. *Psikhologiya obucheniya* [Psychology of education]. No. 5, pp. 41–51.

Divisenko, K.S. (2015). [Upbringing of children in the family and education]. *Sem'ya v Rossii i Kitae: protsess modernizatsii, pod red. I.I. Eliseevoy, A. Xu* [I.I. Eliseeva, A. Xu (eds.) Family in Russia and China. Modernization process.]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., pp. 491–515.

Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity. Self and society in the late modern age*. Stanford, CA: Stanford University Press, 256 p.

Gorshkov, M.K., Aksenova, O.V., Vang, C., Gao, V. et al. (2016). «Ideal'noe obschestvo» v mechtakh lyudey v Rossii i v Kitae, pod red. M.K. Gorshkova i dr. [M.K. Gorshkov et al. (eds.) «An ideal society» in the dreams of people in Russia and China]. Moscow: Novyy Khronograf Publ., 424 p.

Halford, S. and Southerton, D. (2023). What future for the sociology of futures? Visions, concepts and methods. *Sociology*. Vol. 57, iss. 2, pp. 263–278. DOI: <https://doi.org/10.1177/00380385231157586>

Levashov, V.K., Grebnyak, O.V. and Novozhenina, O.P. (2021). [Images of the future in the consciousness of Russian youth: value orientations, digital innovations and socio-political expectations]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo*

tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the South-Russian state technical university (NPI). Series: Socio-economic sciences]. Vol. 14, no. 2, pp. 104–120. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120>

Li, P. and Gorshkov, M. (eds.) (2021). *Life expectations of the people: a comparative sociological analysis of China and Russia*. Singapore: Springer Singapore Publ., 330 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-16-2505-3>

Mchedlova, M.M. and Kofanova, E.N. (2020). [Russia in anticipation of change: the religious factor and socio-political preferences]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science]. Vol. 22, no. 1, pp. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21>

Mekhrishvili, L.L., Gavriilyuk, V.V. and Gavriilyuk, T.V. (2017). [Influence of the image of the future on life success and strategies for its achievement of modern Russian youth]. *Rossiya reformiruyushchayasya: yezhegodnik, otv. red. M.K. Gorshkov* [M.K. Gorshkov (ed.) Russia in reform: yearbook]. Moscow: Novyy Khronograf Publ., iss. 15, pp. 369–394.

Nestik, T.A. (2021). [Socio-psychological prerequisites and types of long-term orientation: the results of an empirical study]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 4, pp. 28–39. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920016008-4>

Reznik, Yu.M. (2017). *Fenomenologiya cheloveka: bytie vozmozhnogo* [Human phenomenology: the existence of the possible]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 632 p.

Tikhonova, N.E. (2015). [Dreams of Russians «about society» and «about myself»: Can we talk about a special Russian civilizational project?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world]. No. 1, pp. 52–63.

Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S. and Afanas'ev, V.A. (2021). [The image of the future in the mass consciousness of citizens as a factor in the sustainable socio-political development of society]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedeniye* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies]. No. 1, pp. 64–77. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-64-77>

Vinken, H. (2007). New life course dynamics? Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth. *YOUNG*. Vol. 15, iss. 1, pp. 9–30. DOI: <https://doi.org/10.1177/1103308807072679>

Williams, E.F. and Gilovich, T. (2008). Conceptions of the self and others across time. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 34, iss. 8, pp. 1037–1046. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167208317603>

Zubok, Yu.A. (2022). [Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research Result. Sociology and Management]. Vol. 8, no. 3, pp. 10–30. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2>

Zubok, Yu.A. and Seliverstova, N.A. (2022). [Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth]. *Nauka. Kul'tura. Obschestvo* [Science. Culture. Society]. Vol. 28, no. 4, pp. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5>

Об авторе

Дивисенко Константин Сергеевич

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, 25/14;
e-mail: k.divisenko@socinst.ru
ResearcherID: P-7003-2015

About the author

Konstantin S. Divisenko

Candidate of Sociology, Senior Researcher

Sociological Institute of the RAS,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st.,
Saint Petersburg, 190005, Russia;
e-mail: k.divisenko@socinst.ru
ResearcherID: P-7003-2015

УДК 316:332.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-579-591>

Поступила: 25.08.2023

Принята: 10.11.2023

Опубликована: 22.12.2023

ЧИСЛЕННОСТЬ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ И ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Волегов Владимир Сергеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье рассматриваются вопросы влияния социально-экономических характеристик регионов на эффективность привлечения и профессиональной адаптации молодых педагогов в общеобразовательных организациях. На основании анализа теоретико-методологических подходов, эмпирических исследований и нормативной базы делается вывод о наличии нескольких особенностей анализа профессиональной адаптации: проблемы профессиональной адаптации тесно связаны с ключевыми категориями социологической теории и имеют длительную историю анализа на теоретическом и эмпирическом уровнях, в настоящее время наблюдается усиление внимания государства и общества к проблемам привлечения молодых педагогов в систему образования, а также усиление разных форм государственной поддержки, рост исследований различных аспектов профессиональной адаптации начинающих учителей. Тем не менее, на данный момент происходит постепенное усиление кадровой напряженности в общеобразовательных организациях, связанное с рядом факторов психологического, профессионального и социального характера. Фиксируется и существенная разница в доле молодых педагогов среди регионов России. В качестве источника эмпирического материала используются статистические данные о численности педагогов по регионам России, их распределении по возрасту, стажу, типу населенного пункта, а также сведениям о социально-экономическом состоянии Субъектов Федерации (показатели безработицы и среднего уровня оплаты труда, численности населения моложе трудоспособного возраста, показателях развития наукоемких отраслей экономики). На основании проведенного корреляционного анализа автором делается вывод о специфическом характере процесса профессиональной адаптации молодых учителей в городской и сельской местности, а также особенностях связи доли педагогов в различных возрастных группах с показателями социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: молодые учителя, профессиональная адаптация, социально-профессиональная структура, социально-экономические показатели, регионы России, корреляционный анализ.

Для цитирования:

Волегов В.С. Численность молодых учителей и показатели социально-экономического развития регионов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 579–591.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-579-591>

THE NUMBER OF YOUNG TEACHERS AND THE INDICATORS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS

Vladimir S. Volegov

Perm State University (Perm)

The article discusses the influence of socio-economic characteristics of the regions on the effectiveness of attracting and professional adaptation of young teachers in educational institutions. Based on the analysis of theoretical and methodological approaches, empirical research, and the regulatory framework, it is concluded that there are several features of the analysis of professional adaptation: the problems of professional adaptation are closely related to the key categories of sociological theory and have a long history of analysis at the theoretical and empirical levels; there is noted an increased attention of state and society to the problems of attracting young teachers to the educational system along with an increased state support in its various forms and growing research on various aspects of professional adaptation of novice teachers. Nevertheless, at the moment there is a gradual increase in personnel tension in organizations of general education, associated with a number of factors of a psychological, professional, and social nature. There is also noted a significant difference in the share of young teachers among the regions of Russia. As a source of empirical material, statistical data are used on the number of teachers in the regions of Russia, their distribution according to the criteria of age, length of service, type of settlement, as well as information on the socio-economic condition of the constituent territories of the federation (indicators of unemployment and the average level of wages, the number of population younger than able-bodied age, development indicators of science-intensive sectors of the economy). Based on the correlation analysis carried out, the author concludes about the specific nature of the process of young teachers' professional adaptation in urban and rural areas as well as the specifics of the relationship between the proportion of teachers in different age groups and indicators of the socio-economic development of the region.

Keywords: young teachers, professional adaptation, socio-professional structure, socio-economic indicators, regions of Russia, correlation analysis.

To cite:

Volegov V.S. [The number of young teachers and the indicators of socio-economic development of the regions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 579–591 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-579-591>

Введение

Эффективное восполнение социально-профессиональной структуры рассматривается в науке и общественно-политическом дискурсе в качестве одной из важнейших задач для сохранения стабильности общества и его поступательного развития. В рамках классических социологических теорий данный процесс рассматривался с точки зрения действия механизмов социальной солидарности и функционирования социальных институтов [Дюркгейм Э., 1996b, с. 22], процессов формирования и развития социальных общ-

ностей, основанных на разных типах социального поведения [Вебер М., 1990, с. 125; 2017, с. 25], функциональной необходимости социального неравенства [Davis K., Moore W., 1945] и других базовых социальных категорий. Отдельным целостным направлением исследований, связанных с воспроизводством кадров, стали работы в области профессионального самоопределения молодежи и в особенности проблем адаптации молодых специалистов на рабочем месте [Шубкин В.Н., 2010, с. 344].

Значимость привлечения и адаптации молодых специалистов находит широкое подтвер-

ждение в многочисленных нормативно-правовых актах и государственных программах, связанных с отраслью образования. Так, в качестве одного из механизмов реализации Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. указано: «повышение престижа таких профессий, связанных с воспитанием детей, как педагог, воспитатель и тренер, создание атмосферы уважения к их труду, разработка мер по их социальной поддержке» [Распоряжение Правительства РФ 29.05.2015 № 996-р]. Необходимость усиления поддержки и сопровождения учителей в возрасте до 35 лет указана в качестве одной из задач Федерального проекта «Учитель будущего» национального проекта «Образование» [Паспорт национального проекта «Образование», 2018], а также в многочисленных региональных, ведомственных и муниципальных программ по привлечению молодых педагогических кадров.

Несмотря на значительный объем исследований проблем включения молодых людей в преподавательскую деятельность, современное положение дел на рынке труда можно охарактеризовать как напряженное: доля педагогов в возрасте до 29 лет остается стабильно низкой и практически не превышает 10 %. По данным международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (Teaching and learning international survey), в России наблюдается сокращение доли педагогических работников в возрасте до 30 лет, а средний возраст фиксируется на уровне 45–46 лет [Отчет по результатам международного исследования..., 2019, с. 5]. Более того, отмечается постепенное старение учительских кадров [Заир-Бек С.И. и др., 2020, с. 10–11], что может привести к усилению сложностей при модернизации образовательного процесса.

По данным Росстата, выпускники образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования по направлению «Образование и педагогические науки» имеют достаточно высокие показатели трудоустройства по полученной специальности (78 % и 82 % соответственно) [Бронникова Е.М. и др., 2022, с. 90–91]. Однако необходимо отметить, что трудоустройство по специальности не тождественно приходу на работу в школы. Опреде-

ленная доля выпускников учебных заведений, молодых педагогов при наличии готовности работы в образовании выбирают другие институциональные формы: оказание услуг репетитора, занятие практиками неформального образования и другие.

Таким образом, для современного положения дел характерно несколько тенденций: усиление внимания государства и общества к проблемам привлечения молодых педагогов в систему образования и усиление разных форм государственной поддержки, рост исследований различных аспектов профессиональной адаптации начинающих учителей, а также постепенное усиление кадровой напряженности в общеобразовательных организациях.

Анализ теоретико-методологических и эмпирических исследований адаптации молодых педагогов

Вопросы адаптации индивида к внешним условиям социальной структуры получили широкое освещение в работах классиков социологической мысли. Одним из наиболее существенных примеров подобного анализа являются работы Э. Дюркгейма, описывавшего соотношение нормального и патологического в общественной жизни. Нормальное поведение рассматривается им в значении, близком к адаптированному, поскольку речь идет о таком типе действия, который соответствует сложившемуся социальному и культурному контексту [Дюркгейм Э., 1995, с. 84]. Более того, именно система образования рассматривается Дюркгеймом в качестве социального института, главной целью которого является адаптация индивида к окружающему его обществу, которая позволяет «приспособить его к той социальной среде, где ему предстоит жить» для максимально эффективного функционирования [Дюркгейм Э. 1996а, с. 10].

Развивая теорию социального действия, Т. Парсонс также делает акцент на том, что данный тип действия имеет не только психологический, но и социальный и культурный аспекты, связанные с существующими условиями взаимодействия и культурными традициями [Парсонс Т., 2002, с. 422–423]. В своем анализе индивидуального действия Парсонс констатирует, что существенную роль играет ориента-

ция актора на будущие события, а также на те ожидания и оценки, которые у него сформировались в конкретной ситуации действия. По заключению Е.Г. Черниковой, для представителей структурного функционализма («нормативного подхода») характерно рассмотрение адаптации как «деятельности, корректируемой нормами, ценностями, “навязанными” индивиду обществом, но благодаря которой появляется возможность не только целенаправленного преобразования природы, но и включения ее в сферу материальной и духовной культуры человека» [Черникова Е.Г., 2010, с. 23].

В рамках микросоциологических подходов процесс социальной адаптации оказывается связан с тем, как индивид осуществляет «определение ситуации», которое, в свою очередь, формируется как индивидуальным опытом действующего лица, так и общим культурным набором [Парк Р.Э., Томас У.А., 2015, с. 54–55]. Описывая масштабы адаптации, Э. Фромм приходит к выводу о необходимости выделения двух типов адаптации: статической и динамической. Для первой присуще появление новых привычек при сохранении прежнего характера индивида, в то время как для второго типа последствия внешнего воздействия оказываются более глубокими, связанными с трансформацией психологических характеристик индивида [Фромм Э., 2006, с. 30].

Таким образом, на уровне социологической теории под социальной адаптацией понимается длительный процесс, а также результат вступления социального субъекта в социальную среду при взаимодействии с другими субъектами (индивидами, группами), что предполагает усвоение норм и правил взаимодействия, систем практических действий, а также моделей интерпретации действий окружающих. От адаптации индивида в конечном счете зависит результативность его взаимодействия с социальной средой, осознание и реализация ролевых ожиданий. В случае с профессиональной адаптацией речь идет о закреплении начинающего сотрудника на рабочем месте, практическое освоение профессиональных и социальных технологий, и, как следствие, эффективное выполнение профессиональных задач.

Логично предположить, что снижение численности молодых педагогов, отмеченное во

введении, является следствием именно проблем в профессиональной адаптации. По наблюдениям ряда исследователей уровень текучести кадров среди учителей в первые два года их работы почти в два раза превышает средний показатель для учителей в целом [Pišova M., 2013, p. 68; Vera C.P., 2013, p. 2].

Прикладные вопросы профессиональной адаптации молодых педагогов рассматриваются в разных исследовательских плоскостях: значительное количество работ по данной проблематике может быть обнаружено не только в социологии, но и в педагогических науках, психологии, теории управления. Тем не менее, проведенный анализ позволяет выделить некоторые общие характеристики.

Во-первых, отмечается относительно стабильный набор элементов, составляющих профессиональную адаптацию начинающих учителей:

1. Практическое освоение и использование профессиональных технологий, связанных с преподаванием, приобретением нового профессионального опыта;

2. Развитие профессионально значимых качеств личности, необходимых для работы учителем;

3. Выработка устойчивого положительного отношения работника к своей профессии [Tasheva N.S., 2022, p. 66];

4. «Адаптация к коллективу, к его традициям, стилю работы руководителей, особенностям межличностных отношений в коллективе, что и означает включение работника в коллектив как равноправного, принимаемого всеми его членами» [Андрущенко Т.Ю. и др., 2017, с. 3].

При этом, как утверждают исследователи, на первых этапах адаптации педагог в большей степени вовлечен в процесс адаптации к школьным коллективам (педагогическому, учебно-педагогическому), а лишь затем вовлекается в методические и учебно-педагогические задачи [Pišova M., 2013, p. 71].

М.Б. Аптекина и Л.М. Митина выделяют три группы факторов, определяющих особенности профессиональной адаптации индивида: психологические, социальные и экономические, а также общественные. Первые представляют собой навыки и личностные качества индивида, его интересы, потребности, влияющие на выбор

профессиональной траектории, а также действия по ее поддержанию и развитию. Социальные факторы включают «социально-экономический статус, уровень образования, расу, пол, религию» [Аптекина М.Б., Митина Л.М., 2016, с. 4]. Несмотря на то, что последняя группа факторов не содержит подробного описания, анализ научной литературы позволяет отнести к ним особенности государственной политики в сфере образования [Tasheva N.S., 2022, p. 65], рождаемость [Vera C.P., 2013, p. 2], уровень социально-экономического благополучия территории, в которой находится школа [Bryant J. et al., 2023; Mutluer Ö., Yüksel S., 2019, p. 195], неопределенность на рынке труда [Goldhaber D., Theobald R., 2023] и некоторые другие.

Еще один вариант классификации факторов, влияющих на адаптацию молодых педагогов на рабочем месте, выделяют О. Мутлюер и С. Юксель. Так, к профессиональным факторам, по их мнению, можно отнести особенности подготовки учителей, «политику занятости в системе образования, условия приема в профессию, уровень доходов учителей, возможности карьерного роста и профессионального развития, мотивацию и вознаграждение, условия труда, участие в профессиональной деятельности, степень автономии и принятия решений, профессиональные организации, возраст учащихся, удельный вес женщин в обучении» [Mutluer Ö., Yüksel S., 2019, p. 185]. К непрофессиональным факторам относится восприятие социальных функций профессии, отношение общества к преподаванию, изменение роли преподавания, социальное происхождение педагогов, образ педагога в средствах массовой информации [Mutluer Ö., Yüksel S., 2019, p. 185].

Методы и источники

Из краткого обзора теоретико-методологических и эмпирических исследований адаптации молодых педагогов следует, что процесс закрепления молодых педагогов в системе общего образования является комплексным и зависит от ряда факторов, действующих как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальной системы в целом.

В данном исследовании акцент делается именно на описании макросоциальных факто-

ров, влияющих на включение начинающих педагогических работников в систему образования. Анализ проводится в разрезе Субъектов Российской Федерации, что объясняется тем, что именно на региональном уровне действует основной массив программ и мер, направленных на привлечение и закрепление молодых педагогов. Кроме того, именно на данном уровне анализа может быть заметно проявление других социально-экономических и макроэкономических показателей, о которых говорилось в предыдущем разделе.

В качестве источника данных о численном составе педагогических работников и их распределении по продолжительности педагогического стажа, возрасту и месту работы используются данные Министерства просвещения РФ, собранные по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало соответствующего учебного года [Банк документов..., 2023]. Для анализа выделяются группы учителей в возрасте до 35 лет, что объясняется существующими нормативно-правовыми подходами к выделению молодежи и молодых педагогов [Паспорт национального проекта «Образование», 2018] и сложившейся исследовательской практикой [Bryant J. et al., 2023; Буркова И.Н. и др., 2022, с. 67]. В соответствии со структурой статистических данных, численность молодых учителей будет рассматриваться в группах до 25 лет, от 25 до 29 лет и от 30 до 35 лет.

В качестве внешних социально-экономических факторов, потенциально способных повлиять на долю молодых педагогов, использовались данные об экономическом состоянии региона (размер среднемесячной заработной платы, объем инвестиций в основной капитал, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте), напряженности на рынке труда (численность безработных в возрасте 15–72 лет), демографическая ситуация (доля населения моложе трудоспособного возраста). Данные о социально-экономических показателях взяты из сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели за 2022 год» [Регионы России...,

2022]. Для анализа взяты данные за 2019 и 2022 гг. Выбор временных рядов обусловлен необходимостью избежания возможных смещений, вызванных мерами по противодействию коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг.

Результаты

По данным Министерства просвещения РФ, за рассматриваемый период общая численность учителей в России сократилась незначительно: с 1 083 294 чел. в 2019 г. до 1 079 625 в 2022 г. Негативная динамика преимущественно связана с количеством учителей в сельской местности (сократилось более чем на 19 тыс.). Существенной разницы в численности педагогов, относящихся к разным возрастным группам, за прошедшие три года также не наблюдается (изменения по всем группам не превышают 1 %). Наименьшей по размерам группой являются педагоги в возрасте до 25 лет, составляю-

щие 5,1 % от общей численности учителей в сельской местности и 7,8 % в городской. Характерно, что доля педагогов в возрасте старше 65 лет в сельской местности оказывается незначительно выше, чем доля начинающих учителей, в то время как для городских школ наблюдается обратная картина: педагогов-«стажистов» ощутимо меньше, чем тех, кому не исполнилось 25 лет. Наибольшее количество педагогов приходится на возрастную группу 45–54 года: она составляет около трети всех учительских кадров.

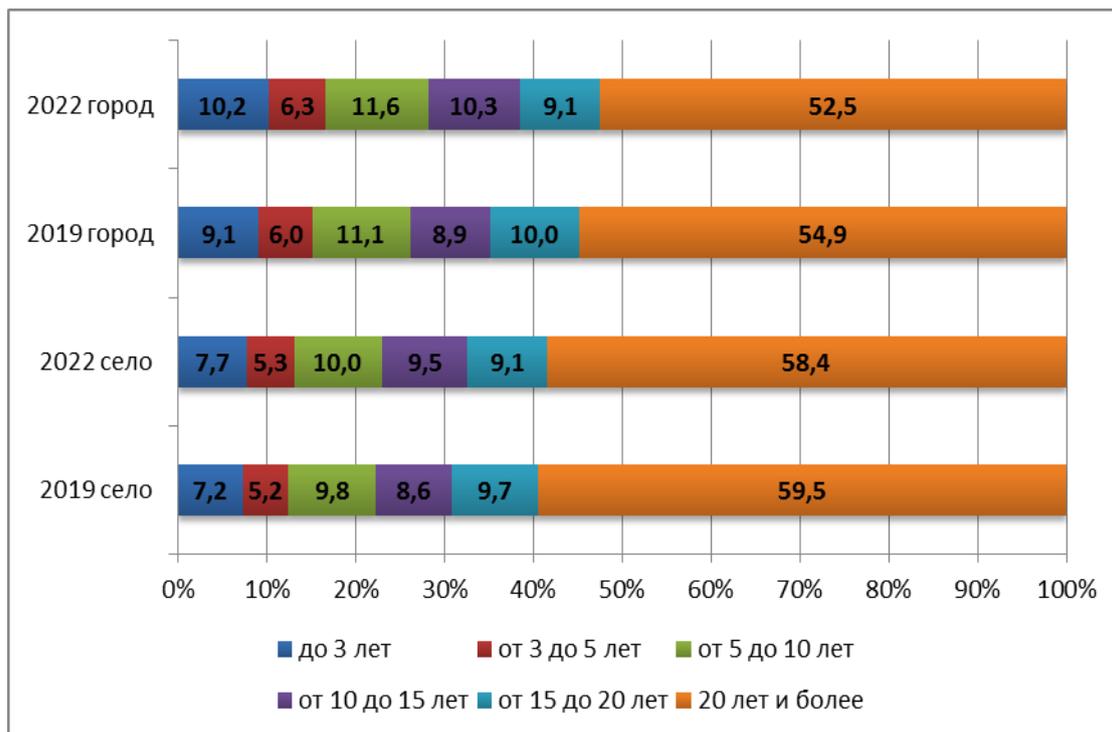
Распределение педагогов по возрастным группам является неоднородным и варьируется в зависимости от регионов. Помимо очевидных выбросов, связанных с отсутствием сельских учителей в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, при помощи межквартильного диапазона были выделены еще несколько субъектов.

Таблица 1. Данные о выбросах в доле учителей до 30 лет
Table 1. Data on outliers in the proportion of teachers under 30

	<i>Доля учителей моложе 25 лет</i>	<i>Доля учителей в возрасте 25–29 лет</i>
2019 год (село)	Чеченская Республика — 13,97 Республика Ингушетия — 8,31 Москва — 0,00 Санкт-Петербург — 0,00	Чеченская Республика — 17,47 Республика Тыва — 14,64 Республика Саха (Якутия) — 13,57 Москва — 0,00 Санкт-Петербург — 0,00
2022 год (село)	Чеченская Республика — 15,29 Республика Ингушетия — 9,81 Москва — 0,00 Санкт-Петербург — 0,00	Чеченская Республика — 18,15 Республика Тыва — 12,95 Республика Ингушетия — 11,13 Москва — 0,00 Санкт-Петербург — 0,00
2019 год (город)	Чеченская Республика — 13,99 Республика Ингушетия — 11,66 Кабардино-Балкарская республика — 2,71 Чукотский автономный округ — 1,06	Чеченская Республика — 18,52 Республика Тыва — 17,17 Республика Ингушетия — 13,71
2022 год (город)	Чеченская Республика — 15,90 Чукотский автономный округ — 2,44	Чеченская Республика — 17,75 Республика Тыва — 13,61 Республика Ингушетия — 12,25 Сахалинская область — 11,64 Чукотский автономный округ — 3,52

Как видно из табл. 1 по показателю, связанному с долей учителей моложе 25 лет и от 25 до 29 лет включительно, аномально высокие показатели фиксируются в Чеченской республике, чуть меньшие — в Республике Ингушетия. Аномально низкая доля городских учителей фиксируется в Чукотском автономном

округе. Однако обнаруженные выбросы (за исключением формальных — численности сельских учителей в Москве и Санкт-Петербурге) могут отражать влияние социально-экономических и демографических факторов, поэтому не будут удаляться из последующих расчетов.

Распределение учителей по величине педагогического стажа (% от общей численности сельских и городских учителей за соответствующий год)

Distribution of teachers by teaching experience (% of the total number of rural and urban teachers for the corresponding year)

Еще один важный показатель, характеризующий ситуацию с адаптацией молодых специалистов в образовании, — распределение учителей по стажу педагогической деятельности. Как видно из данных, представленных на графике (рисунок), более половины всех учителей составляют лица с педагогическим стажем 20 и более лет, в то время как начинающие педагоги (до 3 лет) составляют существенно меньшую долю педагогических работников. С 2019 по 2022 гг. наблюдается некоторое повышение их относительной величины, наиболее заметное в городской местности. Но наиболее проблемной группой являются учителя со стажем от 3 до 5 лет. Их меньший удельный вес (относительно соседних когорт) может являться косвенным индикатором повышенного оттока кадров, вызванного проблемами в адаптации и слабой удовлетворенности в профессии [Pišova M., 2013, p. 68]. Однако для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, требуются допол-

нительные данные и эмпирические исследования.

Учитывая существенные расхождения в доле молодых педагогов (в возрасте до 35 лет) в Субъектах Федерации, можно предположить, что данный показатель связан с действием социально-экономических факторов. Для проверки данного предположения использовались данные об экономическом состоянии региона (размер среднемесячной заработной платы, объем инвестиций в основной капитал, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте), напряженности на рынке труда (численность безработных в возрасте 15–72 лет), демографическая ситуация (доля населения моложе трудоспособного возраста). В связи с тем, что распределение значений перечисленных показателей отлично от нормального, использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Данные за 2019 и 2022 гг. представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) доли молодых педагогов за 2019 г.

Table 2. Results of correlation analysis (Spearman's rank correlation coefficient) of the share of young teachers in 2019

		Объем инвестиций в основной капитал	Численность безработных в возрасте 15–72 лет	Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте	Доля населения моложе трудоспособного возраста	Среднемесячная заработная плата
Доля педагогов моложе 25 лет (село)	Коэффициент корреляции	,353	,232	-,037	,263	,201
	Знач. (двухсторонняя)	,001	,035	,743	,016	,069
Доля педагогов 25–29 лет (село)	Коэффициент корреляции	,240	,150	-,280	,629	,448
	Знач. (двухсторонняя)	,030	,175	,010	,000	,000
Доля педагогов 30–34 лет (село)	Коэффициент корреляции	,050	,162	-,313	,703	,349
	Знач. (двухсторонняя)	,653	,144	,004	,000	,001
Доля педагогов моложе 35 лет (село)	Коэффициент корреляции	,190	,179	-,298	,647	,419
	Знач. (двухсторонняя)	,087	,105	,006	,000	,000
Доля педагогов моложе 25 лет (город)	Коэффициент корреляции	,254	,210	,159	-,162	-,181
	Знач. (двухсторонняя)	,020	,053	,147	,139	,097
Доля педагогов 25–29 лет (город)	Коэффициент корреляции	,120	,067	-,049	,214	,209
	Знач. (двухсторонняя)	,277	,545	,653	,050	,056
Доля педагогов 30–34 лет (город)	Коэффициент корреляции	-,030	,078	-,295	,582	,284
	Знач. (двухсторонняя)	,787	,477	,006	,000	,008
Доля педагогов моложе 35 лет (город)	Коэффициент корреляции	,152	,117	-,136	,302	,206
	Знач. (двухсторонняя)	,168	,286	,214	,005	,059

По данным за 2019 г. можно заметить, что наиболее высокие значения коэффициента корреляции Спирмена наблюдаются между показателями, связанными с долей сельских учителей в возрасте от 25 до 35 лет и долей населения моложе трудоспособного возраста. У городских педагогов показатель населения в возрасте моложе трудоспособного имеет заметную связь (по шкале Чеддока) только в возрастной группе 30–34 года. Связь с уровнем среднемесячной зар-

платы по региону носит ограниченный характер: коэффициент корреляции 0,419 наблюдается у сельских педагогов моложе 35 лет. Однако наибольшее значение он имеет у группы 25–29 лет, в то время как для более молодых работников данное влияние не подтверждается.

По результатам проведенного корреляционного анализа можно наблюдать обратную слабую или умеренную связь количества молодых педагогов в сельской местности (и городских

учителей в возрасте от 30 до 34 лет) и уровня развития высокотехнологичных и наукоемких отраслей в регионах. Подобный результат может быть связан с тем, что данные отрасли экономики создают дополнительные рабочие места, более привлекательные для молодых специалистов, препятствуя их переезду в сельскую местность. Еще один показатель, характеризующий уровень развития экономики региона, — объем инвестиций в основной капитал; он демонстрирует слабую связь с долей городских учителей

до 25 лет и умеренную для аналогичной возрастной группы сельских педагогов.

Характерно, что численность безработных показывает статистически значимый коэффициент корреляции только для группы сельских педагогов младше 25 лет. Логично предположить, что сокращение рабочих мест и усиление конкуренции за них заставляет большее количество выпускников вузов и колледжей рассматривать место сельского учителя в качестве старта для собственной карьеры.

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) доли молодых педагогов за 2022 г.

Table 3. Results of correlation analysis (Spearman's rank correlation coefficient) of the share of young teachers in 2022

		Объем инвестиций в основной капитал	Численность безработных в возрасте 15–72 лет	Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте	Доля населения моложе трудоспособного возраста	Среднемесячная заработная плата
Доля педагогов моложе 25 лет (село)	Коэффициент корреляции	,360	,240	,024	,083	,210
	Знач. (двухсторонняя)	,001	,029	,826	,458	,056
Доля педагогов 25–29 лет (село)	Коэффициент корреляции	,266	,214	-,245	,472	,453
	Знач. (двухсторонняя)	,016	,052	,026	,000	,000
Доля педагогов 30–34 лет (село)	Коэффициент корреляции	,142	,164	-,304	,689	,521
	Знач. (двухсторонняя)	,202	,138	,005	,000	,000
Доля педагогов моложе 35 лет (село)	Коэффициент корреляции	,262	,213	-,256	,536	,493
	Знач. (двухсторонняя)	,017	,054	,019	,000	,000
Доля педагогов моложе 25 лет (город)	Коэффициент корреляции	,173	,196	,156	-,150	-,227
	Знач. (двухсторонняя)	,116	,072	,153	,170	,037
Доля педагогов 25–29 лет (город)	Коэффициент корреляции	,268	,106	-,091	,158	,394
	Знач. (двухсторонняя)	,014	,332	,406	,150	,000
Доля педагогов 30–34 лет (город)	Коэффициент корреляции	-,024	-,061	-,252	,464	,358
	Знач. (двухсторонняя)	,829	,577	,020	,000	,001
Доля педагогов моложе 35 лет (город)	Коэффициент корреляции	,173	,088	-,074	,210	,225
	Знач. (двухсторонняя)	,116	,424	,500	,053	,039

Сравнение с данными за 2022 г. позволяет предположить, что описанные выше корреляции носят стабильный характер, не сильно меняясь с течением времени. Тем не менее, можно отметить и некоторые отличия. Так, увеличились показатели взаимосвязи долей городских учителей в возрасте от 25 до 35 лет и уровня заработной платы в регионе. Можно предположить, что рост оплаты труда в регионах отражается и на уровне заработной платы педагогических работников, что делает педагогические специальности более привлекательными для указанных возрастных групп. Для лиц в возрасте до 25 лет ситуация иная: находясь в самом начале своей карьеры они ориентируются на более прибыльные виды деятельности, что может объяснять хоть и слабую, но отрицательную связь доли городских педагогов данной группы и среднемесячной заработной платы.

Заключение

Профессиональная адаптация — важный процесс, от которого зависит не только количественное воспроизводство социально-профессиональной структуры, но и ее функциональность, способность развиваться и учитывать социальные изменения. Особенно важным этот процесс является для профессий, связанных с образованием.

Проблемы профессиональной адаптации молодых учителей и высокие показатели ухода из профессии не являются исключительно российской проблемой. Они определяются многими факторами, имеющими экономическую, культурную, политическую и социальную природу. Проявления этих факторов могут рассматриваться как на уровне непосредственного взаимодействия педагогов с обучающимися, их родителями, школьным коллективом и администрацией, так и на уровне макросоциальных процессов: динамики рынка труда, демографических процессов, тенденций развития экономики и многих других. В данной статье была сделана попытка оценить связь численности молодых педагогов и ряда социально-экономических характеристик регионов в статистическом аспекте.

Выделенный набор признаков носит ограниченный характер и не может претендовать на всестороннее описание ситуации, но проведен-

ный анализ позволяет, тем не менее, сделать несколько выводов. Во-первых, важным фактором, влияющим на трудоустройство педагогов, является тип населенного пункта. Численность молодых педагогов, работающих в городской и сельской местности, коррелирует с различным набором социально-экономических показателей. При этом, для сельских учителей наблюдается большее количество негативных факторов (например, прямая связь с уровнем безработицы и обратная связь с развитием высокотехнологичных отраслей экономики), хотя связь с ними и носит умеренный характер.

Во-вторых, численность молодых педагогов, особенно в сельской местности, имеет умеренную или заметную связь с долей населения моложе трудоспособного возраста. Подобная статистическая связь может быть следствием целенаправленных региональных и муниципальных мер (чем больше детей, тем более актуальной является задача привлечения молодых педагогов и тем больше ресурсов направляется на ее решение), однако для подтверждения данной гипотезы требуются дополнительные исследования.

В-третьих, группа педагогов моложе 25 лет является специфичной по набору факторов, влияющих на их трудоустройство и закрепление в профессии. Как показывает корреляционный анализ, выделенные социально-экономические показатели региона воздействуют на них совсем не так, как на остальные группы. Подобный вывод в сочетании с низкой численностью педагогов со стажем от 3 до 5 лет показывает необходимость более тщательного изучения процессов и проблем профессиональной адаптации именно в данной целевой группе.

Таким образом, сформулированные выводы показывают комплексный характер процесса профессиональной адаптации молодых педагогов и необходимость дальнейшего анализа влияния на него различных групп факторов.

Список литературы

Андрущенко Т.Ю., Аржаных Е.В., Виноградов В.Л., Минюрова С.А., Федекин И.Н., Федоров А.А. Проблемы профессиональной адаптации молодых педагогов // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9, № 2. С. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090201>

Аптекина М.Б., Митина Л.М. Психологические факторы, влияющие на карьерное развитие // Молодежь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. 2016. № 1. С. 3–5.

Банк документов / Министерство просвещения РФ. URL: <https://docs.edu.gov.ru> (дата обращения: 08.07.2023).

Бронникова Е.М., Васютина Е.С., Виноградова М.В., Горюнова Н.А. и др. Анализ различных аспектов трудоустройства выпускников – 2021: стат. бюллетень / под науч. ред. К.Э. Лайкам и др. М.: Изд-во Рос. гос. социал. ун-та, 2022. 179 с.

Буркова И.Н., Квашко Л.П., Репи Н.В. Школы Приморского края: кадровый голод (сравнительный анализ) // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 11(213). С. 64–69.

Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. II: Общности / пер. с нем. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 432 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.

Дюркгейм Э. Социология образования / пер. с фр. Т. Астаховой. М.: ИНТОР, 1996. 80 с.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.

Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. Кадры школьного образования: возможности и дефициты // Мониторинг экономики образования: информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. 2020. № 18 / НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354427472/release_18_2020.pdf (дата обращения: 08.07.2023).

Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey). Ч. 1. / Рособрандзор. М., 2019. 41 с.

Парк Р.Э., Томас У.А. Участие и социальная ассимиляция // Чикагская школа социологии: сб. переводов / сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М. ИНИОН РАН, 2015. С. 52–59.

Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2002. 880 с.

Паспорт национального проекта «Образование» (утв. 24 декабря 2018 г.) / Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjFOFCsqdLsLx8oPFdkmBB.pdf> (дата обращения: 14.06.2023).

Распоряжение Правительства РФ 29.05.2015

№ 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjzhenie-pravitelstva-rf-ot-29052015-n-996-r/#100009> (дата обращения: 14.06.2023).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / под ред. С.Н. Егоренко и др.; Росстат. М., 2022. 1122 с.

Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. 574 с.

Черникова Е.Г. Состояние и противоречия социально-профессиональной адаптации молодых педагогов: социологический анализ. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. 184 с.

Шубкин В.Н. Социология и общество: Научное познание и этика науки. М.: ЦСПиМ, 2010. 424 с.

Bryant J., Ram S., Scott D., Williams C. K–12 teachers are quitting. What would make them stay? / McKinsey & Company. 2023. March 2. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/education/our-insights/k-12-teachers-are-quitting-what-would-make-them-stay#/> (accessed: 20.07.2023).

Davis K., Moore W. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. Vol. 10, no. 2. P. 242–249. DOI: <https://doi.org/10.2307/2085643>

Goldhaber D., Theobald R. Teacher Attrition and Mobility in the Pandemic // Educational Evaluation and Policy Analysis. 2023. Vol. 45, iss. 4. P. 682–687. DOI: <https://doi.org/10.3102/01623737221139285>

Mutluer Ö., Yüksel S. The Social Status of the Teaching Profession: A Phenomenological Study // Journal of Teacher Education and Educators. 2019. Vol. 8, no. 2. P. 183–203.

Pišova M. Teacher Professional Socialisation: Objective Determinants // Orbis scholae. 2013. Vol. 7, no. 2. P. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.14712/23363177.2015.21>

Tasheva N.S. Professional Adaptation of Young Teachers in A Preschool Educational Organization // Eurasian Journal of Learning and Academic Teaching. 2022. Vol. 14. P. 65–67.

Vera C.P. Career Mobility Patterns of Public School Teachers // MPRA Paper. No. 49340. 2013. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/49340/1/MPRA_paper_49340.pdf (accessed: 14.06.2023).

References

Andruschenko, T.Yu., Arzhanykh, E.V., Vinogradov, V.L., Minyurova, S.A., Fedekin, I.N. and Fedorov, A.A. (2017). [Issues of professional adaptation in young teachers]. *Psikhologo-pedagogicheskiye issle-*

dovaniya [Psychological-educational studies]. Vol. 9, no. 2, pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090201>

Aptekina, M.B. and Mitina, L.M. (2016). [Psychological factors affecting career development]. *Molodezh' i nauka: aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii* [Youth and science: actual problems of pedagogy and psychology]. No. 1, pp. 3–5.

Bank dokumentov [Bank of documents]. Ministry of Education of the Russian Federation. Available at: <https://docs.edu.gov.ru> (accessed 08.07.2023).

Bryant, J., Ram, S., Scott, D. and Williams, C. (2023). *K–12 teachers are quitting. What would make them stay?* McKinsey & Company, March 2. Available at: <https://www.mckinsey.com/industries/education/our-insights/k-12-teachers-are-quitting-what-would-make-them-stay/#/> (дата обращения: 20.07.2023).

Bronnikova, Ye.M., Vasyutina, Ye.S., Vinogradova, M.V., Goryunova, N.A. et al. (2022). *Analiz razlichnykh aspektov trudoustroystva vypusknikov – 2021: statisticheskiy bilulleten', pod red. K.E. Laykam i dr.* [K.E. Laykam et al. (eds.) Analysis of various aspects of graduate employment – 2021: statistical bulletin]. Moscow: RSSU Publ., 179 p.

Burkova, I.N., Kvashko, L.P. and Repsh, N.V. (2022). [Schools of Primorsky Krai: teaching staff shortage (comparative analysis)]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. No. 11(213), pp. 64–69.

Chernikova, E.G. (2010). *Sostoyanie i protivorechiya sotsial'no-professional'noy adaptatsii molodykh pedagogov: sotsiologicheskiy analiz* [State and contradictions of social and professional adaptation of young teachers: a sociological analysis]. Chelyabinsk: ChSPU Publ., 184 p.

Davis, K. and Moore, W. (1945). Some principles of stratification. *American Sociological Review*. Vol. 10, no. 2, pp. 242–249. DOI: <https://doi.org/10.2307/2085643>

Durkheim, E. (1995). *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology and its scientific domain]. Moscow: Kanon Publ., 352 p.

Durkheim, E. (1996). *O razdelenii obschestvennogo truda* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Kanon Publ., 432 p.

Durkheim, E. (1996). *Sotsiologiya obrazovaniya* [The educational sociology]. Moscow: INTOR Publ., 80 p.

Fromm, E. (2006) *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from freedom. Man for himself]. Moscow: AST Publ., AST Moskva Publ., 574 p.

Goldhaber, D. and Theobald, R. (2023). Teacher attrition and mobility in the pandemic. *Educational*

Evaluation and Policy Analysis. Vol. 45, iss. 4, pp. 682–687. DOI: <https://doi.org/10.3102/01623737221139285>

Mutluer, Ö. And Yüksel, S. (2019). The social status of the teaching profession: A phenomenological study. *Journal of Teacher Education and Educators*. Vol. 8, no. 2, pp. 183–203.

Otchet po rezul'tatam mezhdunarodnogo issledovaniya uchitel'skogo korpusa po voprosam prepodavaniya i obucheniya TALIS-2018 (2019). [Report on the results of the international study of the teaching corps on teaching and learning TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey)]. Moscow, Rosobrnadzor, part 1, 41 p.

Park, R.E. and Thomas, W.A. (2015). *Uchastie i sotsial'naya assimilyatsiya* [Participation and social assimilation]. *Chikagskaya shkola sotsiologii: sb. perevodov, otv. red. D.V. Yefremenko* [D.V. Efremenko (ed.) Chicago School of Sociology: collection of translations]. Moscow, ISSS RAS Publ., pp. 52–59.

Parsons, T. (2002). *O structure sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 880 p.

Pasport natsional'nogo proekta «Obrazovanie» (utv. 24 dekabrya 2018 g.) [Passport of the national project «Education» (approved December 24, 2018)]. Russian Government. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (accessed 14.06.2023).

Pišova, M. (2013). Teacher professional socialization: Objective determinants. *Orbis scholae* [School district]. Vol. 7, no. 2, pp. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.14712/23363177.2015.21>

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2015 № 996-r «Ob utverzhenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» [Order of the Government of the Russian Federation No. 996-r of May 5, 2015 «On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025»]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29052015-n-996-r/#100009> (accessed 14.06.2023).

Egorenko, S.N. et al. (2022). *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022]. Moscow, Rosstat, 1122 p.

Shubkin, V.N. (2010). *Sotsiologiya i obschestvo: Nauchnoe poznanie i etika nauki* [Sociology and society: Scientific knowledge and ethics of science]. Moscow: CSFM Publ., 424 p.

Tasheva, N.S. (2022). Professional adaptation of young teachers in a preschool educational organization. *Eurasian journal of learning and academic teaching*. Vol. 14, pp. 65–67.

Vera, C.P. (2013). Career mobility patterns of public school teachers. *MPRA Paper*. No. 49340. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/49340/1/MPRA_paper_49340.pdf (accessed 14.06.2023).

Weber, M. (1990). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., 808 p.

Weber, M. (2017). *Khozyaystvo i obschestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii: v 4 t. T. 2: Obshchnosti* [Economy and society: an outline of inter-

pretive sociology: in 4 vols. Vol. 2: Groups]. Moscow: HSE Publ., 432 p.

Zair-Bek, S.I., Mertsalova, T.A. and Anchikov, K.M. (2020). [Personnel of school education: opportunities and deficits]. *Monitoring ekonomiki obrazovaniya: informatsionno-analiticheskiye materialy po rezul'tatam statisticheskikh i sotsiologicheskikh obsledovaniy* [Monitoring of education markets and organizations: Information and analytical materials based on the results of statistical and sociological surveys]. HSE University, no. 18. Available at: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354427472/release_18_2020.pdf (accessed 08.07.2023).

Об авторе

Волегов Владимир Сергеевич
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: wsvolegov@mail.ru
ResearcherID: HKE-9846-2023

About the author

Vladimir S. Volegov
Candidate of Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: wsvolegov@mail.ru
ResearcherID: HKE-9846-2023

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Редколлегия журнала

*«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2023 года*

OUR REVIEWERS

*Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2023 reviewers*

Антипов Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Балева Милена Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Балин Виктор Дмитриевич — доктор психологических наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Волегов Владимир Сергеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Воронова Ксения Андреевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Гордеева Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Желнин Антон Игоревич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития ПГНИУ.

Игнатова Екатерина Сергеевна — кандидат психологических наук, и.о. заведующего кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, и.о. декана философско-социологического факультета, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Краснов Алексей Витальевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Ламберов Лев Дмитриевич — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Лоскутов Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Маркова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Маслянка Юлия Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Мусаелян Лева Асканазович — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ПГНИУ.

Плотникова Елена Борисовна — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии ПГНИУ.

Поросенков Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Сироткин Павел Федорович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Снетова Нина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Таллибулина Марина Тимергалиевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать 0 (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде вневдренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «>», «<», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором через платформу <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>, либо, в виде исключения, **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-15122023.pdf>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2024 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	11 апреля
в № 2 — до 01 мая	4 июля
в № 3 — до 01 августа	3 октября
в № 4 — до 01 октября	27 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>), or you may send your materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru) as exception. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2024

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 11
No 2 May 1	July 4
No 3 August 1	October 3
No 4 October 1	December 27

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2023
Выпуск 4

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 20.12.2023
Дата выхода в свет 22.12.2023
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 15,7
Тираж 100 экз. Заказ № 1683

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке